

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 5₍₃₁₎

2002

В Н А Ш Е М Д О М Е

В. и Р. Сливовские: Полвека в кругу русской культуры

Мацей Войтышко: Чему меня научили русские

Яцек Качмарский: Эпитафия Владимиру Высоцкому

«ТАРАС БУЛЬБА» — НАКОНЕЦ ПО-ПОЛЬСКИ

Т Е Н Ь О П Е Р А Ц И И « В И С Л А »

Сократ Янович: Я пишу о белорусах для поляков

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 5(31)

2002

МАЙ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Виктория и Ренэ Сливовские
ПОЛВЕКА В КРУГАХ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И НАУКИ	3
	Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	7
	ЧЕМУ МЕНЯ НАУЧИЛИ РУССКИЕ
<i>Беседа с Мацеєм Войтышко</i>	12
	Войцех Станиславский
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВАРШАВЕ	17
	Майя Нарбут
ПОСЛЕДНИЕ «БЕЛЫЕ» РУССКИЕ	23
	Яцек Качмарский
ЭПИТАФИЯ ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ	25
	УЧЕНИК ВЫСОЦКОГО
<i>Из беседы с Яцеком Качмарским</i>	29
	Януш Тазбир
«ТАРАС БУЛЬБА» — НАКОНЕЦ ПО-ПОЛЬСКИ	33
	Ежи Ятшембовский
ЛЕМКОВСКИЕ ГОРЫ НЕСЧАСТИЙ	41
	Ежи Стажинский
О ЛЕМКАХ И ЛЕМКОВЩИНЕ	47
	Ежи Фицовский
ЭХО ЛЕМКОВЩИНЫ	49
-

	Лукаш Каминский ТЕНЬ ОПЕРАЦИИ «ВИСЛА»	50
	КРЫНКИ И МИР <i>Беседа с Сократом Яновичем</i>	53
	Гжегож Пшебинда ВАТИКАН — РОССИЯ (ПОЛЬША В УМЕ)	58
	О ПРАВОСЛАВИИ И КАТОЛИЧЕСТВЕ <i>Из беседы с Яном Новаком-Езёранским</i>	58
	Ежи Помяновский ЦЕРКОВЬ В РОССИИ, ИЛИ ПРЕДЛОГИ И СТЕРЕОТИПЫ	60
	Татьяна Вольтская И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО...	62
	«НАДО ДЕЛАТЬ ТЕ ФИЛЬМЫ, КОТОРЫЕ НЕ СДЕЛАЕТ ЗА НАС НИКТО» <i>Беседа с Анджеем Вайдой</i>	65
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	68
	Александр Вирпша КУЛЬТУРА И РЫНОК	71
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	73
	Агнешка Клавиновская РУССКИЕ ШКОЛЬНИКИ В ВОСТОРГЕ ОТ СЛУПСКА	76
	Катажина К. Гардзина НЕОБЫЧНЫЙ «ОНЕГИН»	77
	МАСТЕР САТИРИЧЕСКОГО ШТРИХА	79

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, А.Ермонский, Г.Погожева, С.Тонконогова, С.Филипчак, Е. Шиманская.

Фото ©: Agencja Gazeta - (стр. 29), A.Bernat (стр. 54), Л.Волкова (стр. 63), M.Sadowski (стр. 23).

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.15, кв. 49

Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

**Виктория
и Ренэ
Слизовские**

ПОЛВЕКА В КРУГАХ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ

(Несколько заметок личного свойства)

Просто не верится, но более пятидесяти лет назад у нас обоих начинался двойной роман. Во-первых, личный — в тогдашнем Ленинграде (теперь вновь Петербурге), на Невском проспекте, мы получили «свидетельство о браке», а несколько позже — «свидетельство о рождении» сына. Затем, уже на Мойке, — дипломы об окончании Педагогического института им. Герцена. И второй роман, длящийся до сегодняшнего дня, — роман с российской культурой и наукой, которые заморозили нас раз и навсегда. Надо сказать, что атмосфера того времени не слишком этому благоприятствовала: шел 1949-1950 учебный год. Велась борьба с космополитизмом, из института исчезали выдающиеся ученые, оставались посредственности, которые вели семинары (в рамках изучения марксизма-ленинизма) о «вейсманистах-морганистах — злейших врагах человечества». От студентов требовалось зубрить наизусть «Краткий курс истории ВКП(б)», словно катехизис; историю русской литературы сводили к изучению Горького и Шолохова, отечественную историю — к примитивному восхвалению заслуг Ивана Грозного в расширении империи, а историю революционного движения заключали в схему трех этапов: дворянские революционеры, революционные демократы, подлинные революционеры. О Суворове мы узнавали из учебника Панкратовой, что он «гуманно» обошелся с населением Праги. В сущности эта так называемая наука должна была оттолкнуть от России и всего русского. Но даже в эти

мрачные времена, когда мы инстинктивно ощущали, что вокруг происходит что-то нехорошее (на наше счастье, мы были достаточно отгорожены от действительности и слишком заняты друг другом), мы с энтузиазмом бегали на некоторые «факультативные» занятия — тогда профессор Окунь еще читал лекции о декабристах, профессор Вернадский — по истории России для студентов-заочников (с дневного отделения он был удален), а профессор Гейман — по истории мировой литературы. Годы учения — это, однако, начало. Не будем на этом дольше останавливаться.

Настоящее общение началось во время польского Октября и хрущевской оттепели. Сейчас можно пожимать плечами и говорить о наивности тогдашних надежд, об узко очерченных гра-

ницами перемен. Для нашего поколения это был настоящий перелом и начало подлинных контактов с целой плеядой замечательных людей, которым мы до сих пор благодарны за то, что от них получили. Естественно, продолжались и официальные контакты, и можно было бы привести не один анекдотический пример общения с представителями разных поколений, олицетворявших явление, названное впоследствии «homo soveticus».

В Польше нам часто приходилось выполнять обязанности так называемых гидов-сопровождающих. Нужно было встречать гостей Института истории и Варшавского университета, помогать им в решении организационных вопросов, сопровождать в «культпоходах» в кино, театры и т.п. Как правило, это не было неприятно, но случалось, что какой-нибудь зазнавшийся псевдоученый писал на тебя донос в Академию наук, поскольку на его настойчивые требования установить в гостинице «Бристоль» письменный стол для создания рабочих условий приходилось отвечать, что лучшие условия для работы — это доступ в архив. Эта история имела свое завершение: я была вызвана к директору института Тадеушу Мантейфелю, который сообщил мне, что в президиум ПАН поступил донос. Некий Манусевич от себя и своих коллег заявил, что ввиду моей антисоветскости мне нельзя поручать опеку над приезжающими из СССР историками. Директор принес мне извинения за неприятный инцидент и добавил: к сожалению, он не может гарантировать, что это не повторится, так как мы не имеем влияния на то, кто именно прибывает к нам из-за восточной границы. Теперь, к счастью, это изменилось. Замечу, однако, что в том же Институте славяноведения АН СССР я была встречена с симпатией (и не буду повторять, какими словами был охарактеризован их влиятельный тогда коллега). Хотя тогдашний директор института Иван Александрович Хренов не был выдающимся ученым, как человек он оказывал всяческую помощь: облегчал приезды, доступ в архивы и т.д. Может быть, вы удивитесь, но мы вспоминаем его очень тепло, чего нельзя сказать о его

ближайших преемниках. Однако это уже совершенно другая история.

Сегодня нам хотелось бы вспомнить тех, кто оказал влияние на формирование наших научных интересов и в каком-то смысле — нашего мировоззрения (в этом выступлении мы не будем говорить о тех, кого считаем своими учителями на родине, с профессором Стефаном Кеневичем во главе, не о том сегодня речь). Итак, шел 1958 год, из лагерей возвращались в Москву те, кто уцелел. Возвращались к прерванной работе. Среди книг, которые тогда появились, был сборник статей о декабристах. Наша положительная рецензия появилась в «Пшеглёнде хисторичном». И совершенно неожиданно в редакцию пришло письмо, подписанное Юлианом Григорьевичем Оксманом, одним из авторов этого труда (редактором был академик Дружинин). Имея его адрес и телефон, мы появились в Москве, еще не представляя себе, с кем встретимся, что имеет за душой жилец (в ту пору) комнатенки в каком-то московском общежитии, а позднее — заставленной книгами квартиры в одной из так называемых «хрущоб». А оказалось, что мы попали в круг незаурядных историков и литературоведов, писателей и текстологов. Перед нами открылась во всей своей красе прежняя и современная культура России: мы узнавали имена, до тех пор нам неизвестные, нас поощряли к работе, указывали дорогу в архивы — на короткий период они стали доступны даже с описаниями! Мы бегали из дома в дом, нас передавали из рук в руки. Польша тогда была в моде, она была окном в мир, а не захолустьем. Мы привозили много книг, доступных у нас, но малодоступных в СССР (как, например, книги Пастернака или Ахматовой, изданные в «Библиотеке поэта»), из-за границы мы провозили «тамиздат», а позднее вывозили уже «самиздат» — тогда, когда в Польше господствовал полный маразм и для оппозиции образцом были советские диссиденты. Так было, хотя сегодня об этом вспоминают неохотно. Затаив дыхание, мы читали по ночам, открывая для себя Платонова и Булгакова, Бабеля и Зощенко, литературу двадцатых годов и произведения эмигран-

тов. Дом Оксмана был совершенно необыкновенным: там встречались молодые и старые — хозяин любил такие встречи. Брал он нас и в гости к своим друзьям. Для него большой радостью было перезнакомить своих подопечных.

Со сколькими интересными и умными людьми мы у него познакомились! Например, у Оксмана началась наша многолетняя дружба с Натаном Эйдельманом. Роль хозяйки дома исполняла Лидия Дмитриевна Опульская-Громова, которая передала нам неизвестные материалы о Герцене (тогда готовилось к изданию собрание сочинений и хроника жизни Искандера). Никто не прятал неизданные материалы, это был круг людей огромных знаний и не меньшей щедрости. Как не поддаться чарам такой культуры! Андрей Леопольдович Гришунин принес нам, в наш номер в гостинице Академии наук, Бунина и Булгакова, сказав при этом, что завидует нашему первому общению с такими талантами. Принес он и номер журнала «Москва», в который были вклеены фрагменты булгаковского текста, выброшенного цензурой... И много, много другого.

С такой же щедростью и бескорыстием мы были встречены в Трубниковском переулке в Институте славяноведения. Илья Соломонович Миллер взял на себя труд прочесть от корки до корки рукопись нашего Герцена — биографию для серии «Живые люди», — движимый исключительно дружеским расположением к двум еще совсем молодым людям. А замечаний у него оказалось много, и немаловажных.

Настоящей же школой, с успехом компенсирующей все недостатки подпольных гимназических курсов в оккупированной Польше и сталинской высшей школы, было наше участие в польско-советских серийных изданиях: «Январское восстание. Материалы и документы», а затем так называемая «зеленая серия» (по цвету обложки), посвященная периоду между восстаниями и подготовленная к печати совместно с Институтом литературных исследований ПАН. Учеба у таких мастеров, как профессор Кеневич, у таких знатоков российских архивов, как Илья Соломо-

вич Миллер и Владимир Анатольевич Дьяков, не остается бесследной. Конечно, они вынуждены были считаться с требованиями эпохи, но выполняли их с большим тактом, не греша излишним усердием. И вновь следует вспомнить о необыкновенной щедрости — мы говорим о делах научных, хотя немало можно было бы рассказать и о личных, дружеских связях и контактах.

Надо сказать, что издание источников не было делом простым: договор между Академиями был подписан во время хрущевской оттепели; позднее приходилось отстаивать научные интересы от политической конъюнктуры, чтобы избежать в публикуемых томах неоправданных пропусков. Я хорошо помню совещание у высокопоставленного чиновника по фамилии Долгих (имя и отчество из памяти вылетели). Речь шла об издании тома «Очерки январского восстания, подготовленные в Варшавской Цитадели». Его изданием мы обязаны исключительно позиции Владимира Анатольевича Дьякова, который взял на себя ответственность за идеологическое содержание книги, подвергнутое сомнению чиновником-перестраховщиком из Главного архивного управления СССР (в записках Стефана Кеневича будущие исследователи наверняка найдут записи об этом памятном собрании). «Зеленая серия» также многим обязана В.А.Дьякову. Во времена брежневского маршма опять начались ограничения для иностранцев в пользовании архивами. В.А.Дьяков, прибегнув к личным контактам, дал мне возможность работать прямо в Трубниковском с материалами отца Сероцинского. Для работы над «зеленой серией» он предоставил свой личный богатейший архив. Мне удалось просмотреть картотеку, микрофильмы, заметки. Сам он был в это время в отъезде, и в его доме меня трогательно опекала его жена Белла Борисовна. Такое не забывается!

То же самое происходило, когда мы работали над монографией о Чехове. Мы бывали в домах московских «чеховедов», где для нас не жалели ни советов, ни помощи. Расскажем лишь об одной такой встрече: дом Ильи Зильберштейна

был для нас всегда открыт (Юлиан Григорьевич Оксман называл хозяина «мой ученик», хотя ученику было за семьдесят!). Что представлял собой этот дом — возможно, многие здесь знают. Тем же, кто не знает, советуем посетить Музей частных коллекций на Волхонке. Как-то утром Илья Самойлович долго разъяснял Ренэ, как попасть в Отдел рукописей и какие письма к Чехову смотреть. Ренэ хотел показать, что он все понял, и что-то промывчал в ответ. И тут же услышал: «Нет, нет, нет. К сожалению, вы ничего не поняли». И объяснения начались снова. Вплоть до положительного результата.

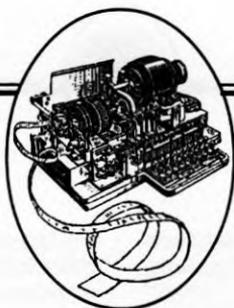
Мы ведь тогда были еще совсем зеленые, еще не защитили кандидатских диссертаций! Но это не мешало нашим старшим коллегам. Мы постоянно получали свидетельства доброжелательности: от профессора Яцунского, который, узнав, что я интересуюсь петрашевцами, подарил мне старый комплект изданий документов, какого не было ни в одной из наших библиотек; от Веры Романовны Лейкиной-Свирской, которая возвратилась с далекого Севера, не утратив веры в революционный путь решения конфликтов (о проблемах, связанных с судьбами российской интеллигенции, можно было говорить с ней без конца); от Юрия Ивановича Штакельберга, который этой веры никогда не имел, а своими знаниями и доступом к источникам делился бескорыстно, на него всегда можно было рассчитывать; от академика Михаила Павловича Алексева, дом которого также был для нас открыт, — его огромными знаниями и знакомствами мы пользовались годами. Сегодня мы, конечно, не сможем перечислить всех. Были еще дома, в которых мы полулегально жили (будучи прописаны в гостинице) и в которых узнавали «другую Россию». Россию Льва Копелева, Евгении Гинзбург и многих других «советских граждан», к которым мы испытываем благодарность. Вспомним и квартиру Ольги Павловны Морозовой, автора книги о Брониславе Шварце (эту монографию мы с удовольствием перевели на польский язык), и Бориса Федоровича Стахея, известного полониста, знатока польской литературы, особенно польской ро-

мантической поэзии. Проговорили и пропели мы у них не один вечер. Надо признаться, что в своих научных контактах мы избегали щекотливых тем, оставляя их для бесед в «московских кухнях» с ближайшими друзьями. Мы познавали Россию и посещая вдов великих прозаиков — Марию Александровну Платонову в Москве, Веру Владимировну Зоценко в Ленинграде, Анну Александровну Евреинovu — в Париже (часто идя по следам Анджея Дравича).

Были мы и в доме Юрия Михайловича Лотмана в Дерпте-Тарту. Эхо этого события мы обнаружили в вышедших в 1997 г. в Москве его письмах («Письма 1940-1993» к Борису Федоровичу Егорову, его надежному другу, известному ученому и прекрасному человеку, в чем можно убедиться, читая эту увлекательную повесть в письмах). Тартуская школа не пользовалась еще международной известностью, а наша рецензия в «Slavia orientalis» — первая в ряду похвальных рецензий — открыла нам двери этого необычного дома Юрия Михайловича, Зары Григорьевны и их сыновей, ныне известных эстонских ученых, а тогда — детишек, карабкающихся ловко, как обезьянки, по полкам, заставленным книгами до самого потолка. Потом мальчиков отослали в «зверинец», то есть в детскую, за столом же сидели мы со студентами и, затаив дыхание, слушали хозяев. И муж, и жена были не только большими учеными, но и прекрасными собеседниками, замечательными педагогами, которых молодежь просто обожала. И эта встреча врезалась в нашу память как идеал отношений учителя и учеников.

Пока все, пожалуй. Может быть, к тем временам нам удастся вернуться в свободную минуту и вновь ощутить их незабываемый аромат. Он не всегда был горек, как это нам сегодня пытаются внушить главным образом те, кто процветал в тогдашних условиях, либо те, кто, на свое счастье, позже появился на свет и судит лишь по рассказам и документам, отнюдь не всегда достоверным.

Октябрь 2001

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

✂ **Примас Польши кардинал Юзеф Глемп** в телевизионном пасхальном обращении: «Вместе с другими я наблюдаю тысячи таинственных перемен, состоящих в том, что люди отвращаются от безбожия, обретают Господа Бога и веряются Ему. Эти перемены идут столь далеко, что человек не только включается в молитвенную жизнь, но и переходит к апостольству. (...) Перед нами приоткрывается дверь европейского сообщества. Они спрашивают: а как у вас с экономикой, все в порядке? Мы же спрашиваем: а вы — верите ли вы в жизнь вечную? Неужели вы господа жизни, властные сократить ее, прежде чем она разовьется или естественным путем угаснет? Или же Господь — Он, Воскресший? Экономике можно научиться, а во Христа, Господа жизни, надо уверовать».

✂ **Вальдемар Кучинский**, экономист, бывший министр по делам преобразования форм собственности в правительстве Тадеуша Мазовецкого: «Оценивая последние 13 лет, нельзя обойти вниманием тот факт, что всеобщий кризис, сопутствовавший отходу от коммунизма, в Польше был самым кратковременным. Невозможно не обратить внимания на то, что ВВП в сравнении с 1990 г. возрос на 43% (...) Это абсолютный рекорд среди посткоммунистических стран. За нами следует Венгрия — 8% роста. Зато в России 40%, а на Украине — 62% падения ВВП. Не забудем и о том, что средняя продолжительность жизни мужчин возросла более чем на три года, женщин — на два с половиной, а смертность новорожденных упала с 19 до 8 промилле. Ход кризиса и эти три показателя, считающиеся критериями успеха или поражения страны, дают Польше одну из лучших аттестаций среди стран, проходящих преобразования». (*«Газета выборча», 23-24 марта*)

✂ **В ночь с четверга на пятницу соляные копи в Величке** (недалеко от Кракова) покинула последняя лошадь, трудившаяся под землей. 16-летняя Баська была поднята на грузовом лифте в ночную смену, чтобы ее глаза могли постепенно привыкнуть к дневному свету. (*«Жечпосполита», 16-17 марта*)

✂ Из интервью с новым генеральным секретарем ЦК «Союза демократических левых сил» (СДЛС) Марек Дыдухом: «В СДЛС раздаются голоса, что, мол, отношения между президентом [Александром Квасневским] и Адамом Михником [главным редактором «Газеты выборчей»] слишком тесные. Я другого мнения. Оба они положили начало нескольким существенным для Польши политическим шагам. Кроме того, они показали, что можно сотрудничать поверх прежних барьеров, совместно искать важный для страны компромисс. Я оцениваю это весьма положительно. (...) Я мог бы только пожелать, чтобы побольше полити-

ков договаривались так, как господа Михник и Квасневский (...) Отношения между СДЛС и Александром Квасневским изменились уже после первых президентских выборов. Квасневский счел — и совершенно справедливо, — что он президент всех поляков. И заранее постановил, что будет принимать решения, которые СДЛС не обязательно понравятся. Это тоже справедливо, так как польское общество — не только левое. В СДЛС раздалось голоса, утверждавшие, что президент нас предал. Но за несколько лет мы уже привыкли, что время от времени он устраивает нам какую-нибудь неожиданность». (*«Газета выборча», 29 марта*)

✂ **Новый посол России Николай Афанасьевский** вручил верительные грамоты президенту Александру Квасневскому и побывал у Адама Михника в «Газете выборчей». (*«Газета выборчей», 29 марта*)

✂ **Людмила Путина**, жена российского президента, начала посещение Польши с Кракова. Ее сопровождала Иоланта Квасневская, жена польского президента. В Суленницах, ренессансных торговых рядах, госпожа Путина купила шесть расписанных вручную кружек, а цветочницы на Рыночной площади подарили ей большой букет желтых роз. (*«Жечпосполита», 11 марта*)

✂ **Варшавская антикварная «Галерея-Консерв», специализирующаяся в изделиях художественных промыслов, стекле, серебре и керамике, сделала своим девизом слова современного живописца Франтишека Старовойского: «Человек — лишь эпизод в жизни предмета».** (*«Газета выборча», 22 марта*)

✂ Представители министерств культуры Польши и России подписали в Варшаве соглашение о возвращении произведений искусства, памятников старины и архивов, перемещенных в результате II Мировой войны. Польша объявила о готовности «вернуть» архивы, связанные с Калининградской областью [т.е. с бывшей Восточной Пруссией]. Россия готова вернуть избранные польские архивные материалы, находящиеся на территории Российской Федерации. (*«Газета выборча», 2 апреля*)

✂ Польша внесла пакет из 30 предложений для Калининградской области. Будет подготовлен также проект сети связи, соединяющей северо-восточную часть Польши с Калининградской областью. (*«Впрост», 17 марта*)

✂ В Варшавском университете вручены ежегодные «лауры» за лучшие научные труды по истории и современности стран Центральной и Восточной Европы. Среди награжденных, в частности, Збигнев Карпус из торунского Университета им. Николая Коперника — за книгу «Российские и украинские пленные и интернированные в Польше. 1918-1924», вышедшую также в английском и русском переводах, и Елена Грибанова с группой алма-тинских архивистов, которые раскрыли и опубликовали секретные дела НКВД, доку-

ментально свидетельствующие о судьбах поляков, вывезенных в Казахстан, в 1936-1956 гг. (*«Жечпосполита»*, 11 марта)

✂ «Россия для нас — terra incognita. Но постепенно мы начинаем строить нормальные отношения. В галерее «Захента» на выставке «Снегурочка. Новое искусство России» [в статье, напечатанной в прошлом номере, название было ошибочно переведено как «Снежинка». — *Ред.*], можно увидеть работы 20 художников. Главный вывод после осмотра выставки: у русских великолепное чувство юмора — они умеют смеяться над самими собой и над своей историей. Позавидуйте!» (*«Газета wyborча»*, 19 марта)

✂ Нелегально производимые в России и контрабандой ввозимые в Польшу водки польских марок «Полонез» и «Выборова» снабжены такими же этикетками и упаковкой, что и настоящие. Единственная разница: вместо надписи «Product of Poland» на них написано «Product for Poland». (*«Ньюсуик-Польша»*, 24 марта)

✂ Тадеуш Столяжевский из Варшавы, инженер-механик на пенсии и патентный эксперт, читит разбитые машины и совершает на них путешествия на восток (см. его статью в «Новой Польше», 2000, №4). На восстановленном «уазике» с радиостанцией выпуска 1969 г. он доехал до Владивостока. В настоящее время он планирует еще одну одиночную экспедицию. Почему он ездит на восток? «Европа — это варварские страны. Там все гонятся за деньгами», — говорит Столяжевский. А он всем, чего достиг, обязан человеческой доброжелательности. (*«Газета wyborча»*, 11 марта)

✂ По оценке Александра Чалого, государственного секретаря по делам европейской интеграции в украинском МИДе, Польшу ежегодно посещают около 6 млн. украинцев.

✂ Памятник Тарасу Шевченко в Варшаве открыли министры иностранных дел Украины и Польши Анатолий Зленко и Влодзимеж Цимошевич. Отливку статуи финансировали власти украинской столицы, а постамент — власти Львова. Представитель киевских городских властей сообщил, что в Киеве будет установлен памятник Юлиану Словацкому. (*«Газета wyborча»*, 14 марта)

✂ Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «В Белоруссии по-прежнему нарушаются права человека, активисты оппозиции пропадают без вести при таинственных обстоятельствах, а высказывание своих взглядов наказывается. Если это не изменится — не изменится и наше отношение к лидерам Белоруссии». (*«Впрост»*, 7 апреля)

✂ Тадеуш Мазовецкий, бывший премьер-министр: «Я глубоко взволнован гонениями на белорусскую газету «Пагоня». Судить журналистов за критический текст о президенте — это, разумеется, очевидный пример нарушения свободы слова. Я полностью солидаризируюсь с обвиняемыми. Необходимо присутствие наблюдателей из-за границы на их процессе». (*«Газета wyborча»*, 6-7 апреля)

✂ По опросу «Польского изучения чтения», доля поляков, читающих общепольские газеты, составляет: «Газета wyborча» — 17,54%; «Супер-Экспресс» — 14,33%; «Жечпосполита» — 4,89%. Для еженедельных

журналов эта доля составляет: «Впрост» — 8,58%; «Политика» — 6,76%; «Ньюсуик-Польша» — 5,88%. (*«Впрост»*, 7 апреля)

✂ Проф. Иренеуш Кшемминский, социолог: «Молниеносный темп работ над проектом поправок к закону о радио и телевидении (см. статью Александра Вирши в этом номере. — *Ред.*) заставляет рассматривать эту законодательную инициативу как очередной шаг СДЛС в рамках хорошо продуманной стратегии захвата самого широкого влияния в государстве на возможно более длительный период». (*«Жечпосполита»*, 5 апреля)

✂ Зигмунт Бронярек, в ПНР пропагандист, многолетний журналист «Трибуны люду», органа ЦК ПОРП, в 80-е — автор первой эротической программы на польском телевидении, награжден командорским крестом со звездой ордена Возрождения Польши. (*«Тыгодник повшехний»*, 7 апреля)

✂ Анджей Милош: «Бронярек, действительно отличный журналист, заслужил свой орден со звездой, но звезда должна быть красная». (*«Газета wyborча»*, 5 апреля)

✂ За выдающийся вклад в развитие польской экономики кавалерские кресты ордена Заслуги получили представители концерна «Филипс» — бельгиец Рент ван Рет и голландец Джон Уайброу. «Филипс» — один из крупнейших инвесторов на польском рынке. До конца 2000 г. фирма инвестировала в Польшу около 400 млн. долл. и создала свыше 8,5 тыс. новых рабочих мест. (*«Жечпосполита»*, 23-24 апреля)

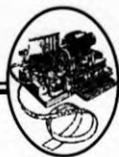
✂ Польская фирма «Интер-Коммерс» поместила на первой полосе газеты «Жечпосполита» объявление: «Ищем желающих участвовать в восстановлении Афганистана». На следующий день отозвались свыше 300 фирм — от компаний, котирующихся на бирже, до малых семейных предприятий из отраслей строительства, телекоммуникации, энергетики, фармацевтической и др. Филиал «Интер-Коммерс» уже зарегистрирован в афганском министерстве торговли. (*«Ньюсуик-Польша»*, 24 марта)

✂ 87 польских военнослужащих — саперов, спецназовцев и штабных специалистов — начали службу в международных силах поддержания мира в Афганистане. (*«Тыгодник повшехний»*, 24 марта)

✂ Сейм заслушал сообщение министра иностранных дел Влодзимежа Цимошевича об основных направлениях польской внешней политики. Цимошевич заявил, что вступление в Евросоюз на максимально благоприятных условиях — главная цель польской политики, и заверил, что Польша остается главным союзником США в Центральной Европе. (*«Газета wyborча»*, 15 марта; *«Тыгодник повшехний»*, 24 марта)

✂ По оценке Европейского банка восстановления и развития, «Польша одержала самые большие успехи в процессе преобразований. Главными проблемами остаются снижение роста ВВП, большой бюджетный дефицит, высокие учетные ставки, отсталое сельское хозяйство и равнодушие общества». (*«Газета wyborча»*, 19 марта)

✂ 15 лет действует Товарищество развития малых гидроэлектростанций. В него входят несколько сот членов. До войны в Польше действовали 10 тыс. малых гидроэлектростанций. К 1985 г. их осталось только 30. Благодаря деятельности товарищества сейчас их 300 и строятся еще 100. Войцех Романишин, владелец вет-

ряной фермы, учредил предприятие «Польские ветряные электростанции». Кроме него, в Польше действуют еще 30 малых ветряных электростанций мощностью 30-200 кВт. (*«Жечпосполита», 20 марта*)

☞ Томмазо Падоа-Скьоппа, член правления Европейского центробанка, заявил, что сохранение независимого центрального банка в Польше — условие ее принятия в Евросоюз. По его мнению, независимости банка угрожает проект поправок к закону о Польском национальном банке, предусматривающих увеличение числа членов Совета валютной политики, что по сути дела означает введение в его состав лиц, подчиняющихся правительству. (*«Жечпосполита», 23-24 марта*)

☞ Януш Левандовский, бывший министр по делам преобразования форм собственности, ныне глава программного совета института изучения общественного мнения и рынка «Пентор»: «Цельх 61% опрошенных «Пентором» в феврале 2002 г. желают, чтобы государство сохранило свое участие в предприятиях и тем самым влияние на их кадровый состав. Только 26% высказываются за завершение приватизации. (...) В этой сфере общество проявляет удивительную способность мыслить по отдельности. Оно хотело бы бороться с коррупцией, но поддерживает ее питательную почву, какую представляет собой политизированная экономика». (*«Газета wyborcza», 15 марта*)

☞ «Все быстро убедились в том, что реформы обнажают горькие истины о состоянии польской промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, сферы обслуживания, уровня квалификации, производительности труда. Поэтому начало нарастать сопротивление переменам. (...) Когда наконец решились подвергнуть эти сферы преобразованиям, наступило всеобщее недовольство потребителей и производителей, и реформаторов дружно осудили». (*Януш А. Майхерек, «Жечпосполита», 13 марта*)

☞ «В правлениях [профсоюзов] мы имеем дело с политическими интересами профсоюзных верхов, которые ищут для себя шансов в парламенте, местных органах самоуправления и квази-политических органах и учреждениях. На высших уровнях широко действует система подкупа профсоюзных деятелей: профсоюзы ведут хозяйственную деятельность, пристраивают знакомых и родственников профсоюзников, занимают места в органах самоуправления и других местных структурах. Они обеспечивают занятость, но прежде всего себе». (*Рышард Бугай, «Тыгодник повшехний», 24 марта*)

☞ Проф. Анджей Цоль, представитель по гражданским правам: «Профсоюзы не защищают работников, а действуют исключительно в своих интересах». Архиепископ Юзеф Житинский, митрополит Люблинский: «Демагогия и преувеличения используются профсоюзными деятелями, у которых уже ничего не осталось, кроме крика и радикализма». (*«Впрост», 31 марта*)

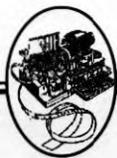
☞ Численность главных профсоюзных объединений: Всепольское соглашение профсоюзов — 2,5 млн.; независимый самоуправляющийся профсоюз «Солидарность» — 1,2 млн.; Польский союз сельскохозяйственных кружков и организаций — 1,2 млн.; проф-

союз крестьянства «Самооборона» — 400 тыс.; независимый самоуправляющийся профсоюз «Солидарность крестьян-единоличников» — 300 тыс.; «Солидарность-80» — 150 тыс.; Союз металлостроителей в Польше — 130 тыс.; Профсоюз работников сельского хозяйства Республики Польша — 100 тысяч. В целом в Польше действуют свыше 330 общепольских профсоюзов и примерно столько же местных. За последние 15 лет их численность уменьшилась почти в 5 раз. (*«Впрост», 31 марта*)

☞ Самые дешевые фиктивные больничные листы (от терапевтов) стоят 30-70 злотых. Более дорогие, от специалистов, — 80-100. Американские сотрудники «Delfi automotive systems Poland» были поражены тем, что польские работники открыто признаются в использовании фиктивных больничных листов. Когда они предупредили поляков, что будут вынуждены уведомить предпринимателя, ибо этого требует порядочность, те обругали их стукачами и велели не лезть не в свои дела. В рекордном 1998 г. поляки пробыли на больничных листах свыше 252 млн. дней. Это мировой рекорд, притом достигнутый, когда состояние здоровья населения в Польше улучшается. Налогоплательщикам это обходится почти в 7 млрд. зл. в год. На выплату по болезням мы тратили в последние годы около 3,7% ВВП, т.е. в 25 раз больше, чем другие страны-члены Организации экономического сотрудничества и развития. (*«Впрост», 17 марта*)

☞ Чеслав Милош: «Культ личности Иоанна Павла II в Польше — это, надо сказать, явление загадочное. Есть в этом ощущение огромного масштаба фигуры одного из самых выдающихся Пап последних столетий. Есть и поиски авторитета. Однако Папа выступает и в качестве компенсации коллективного комплекса неполноценности — вроде знаменитого спортсмена или кинозвезды. И этому сопутствует отсутствие влияния того, чему он учит, на польскую умственную жизнь, которая в значительной мере состоит в обезьянничанье Запада, т.е. в перенесении на польскую почву всех экзистенциальных страхов и разочарования в многовековых традициях философии, вере в разум и понятии истины». (*«Тыгодник повшехний», 31 марта*)

☞ «Социологические исследования не подтверждают мнения, согласно которому мы народ ксенофобский, расистский и антисемитский, — в этой категории мы находимся на среднем европейском уровне. (...) То, что явно отличает нас от других европейских наций, — это отношение не к другим, а к самим себе. Социологические исследования показывают, что у поляков весьма отрицательный автостереотип и безумно низкая самооценка. (...) Из недавнего доклада Европейской комиссии следует, что на переговорах поляки — самые закомплексованные из представителей всех стран-кандидатов на вступление в Евросоюз. (...) В Польше как будто господствует склад ума крепостного крестьянина, который вместо доверия руководится подозрительностью. Это эффект постколониального синдрома, другое проявление которого — углубляющаяся пропасть между верхами и низами общества. (...) Как вытекает из международных социологических исследований, проведенных в 40 странах мира в рам-

ках программы «World values survey» (...) за 1990-е в нашей стране не изменилось отношение к потребительским благам — все время царит высокий уровень ненасыщенности (...). С другой стороны, из всех исследованных стран в Польше в это время наступило самое резкое отмежевание от корней и отход от семейных традиций, культуры и религии». (*Гжегож Гурный, «Жечпосполита», 30 марта — 1 апреля*)

✂ «Opus Dei» («Дело Божие») действует в Польше с 1989 года. Эту католическую организацию называют консервативной кузницей кадров с ориентацией, близкой либеральным идеям Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана. Ее члены приучены к тяжкому труду, пунктуальности, добросовестности, дисциплине, они отказываются от изысков в потреблении и отказывают себе в удобствах, но защищают либеральный капитализм в соответствии с принципом, что равенство — синоним несправедливости. «Opus Dei» в Польше насчитывает около 200 членов и около тысячи человек, поддерживающих его деятельность. Примерно 200 человек из Польши получают стипендии, учрежденные «Opus Dei», и учатся в 19 университетах за границей, где преподают и польские епископы — Тадеуш Перонек в Риме и Юзеф Житинский в Мадриде. Центры «Opus Dei» находятся в Варшаве, Кракове и Щецине. (*«Впрост», 17 марта*)

✂ Польские епископы приняли первый документ по вопросам европейской интеграции, озаглавленный «Европа — наше будущее». В нем, в частности, говорится: «Идея объединенной Европы была вдохновлена христианскими политиком, такими, как Конрад Аденауэр. (...) Вселенская Церковь, а затем и Церковь в Польше с самого начала поддерживали этот процесс. (...) Вступление Польши в Европейский союз, особенно в настоящий момент интенсивных переговоров, — вопрос большого значения. Мы друг другу необходимы». (*«Газета wyborcza», 22 марта*)

✂ По данным, опубликованным во втором, расширенном издании «Лексикона монашеских орденов в Польше» под редакцией Богумила Лозинского из Католического информационного агентства, за последние годы число монашеских общин в Польше увеличилось на три мужских ордена, три женских и три мирских института. В целом к 60 мужским монашеским общинам в Польше принадлежат сегодня 13 236 монахов, к 149 женским — 20 018 монахинь; в 34 мирских институтах живут 110 человек. Число постригов возрастает в созерцательных общинах строгих правил, а в некоторых других — уменьшается. Число различных учреждений при монашеских орденах возросло с тысячи до 1800. Ордена руководят 160 школами разного типа, почти 400 детскими садами, 55 детскими приютами и воспитательными домами, более чем ста приютами для престарелых и больных-хроников, шестью больницами и пятью богадельнями. (*«Газета wyborcza» и «Жечпосполита», 3 апреля*)

✂ После публикации в газете «Жечпосполита» от 23 февраля статьи о сексуальных домогательствах архиепископа Юлиуша Петца, митрополита Познанского, по отношению к молодым клирикам он ушел со сво-

его поста, хотя отвергает обвинения. Папа принял отставку архиепископа. (*«Жечпосполита», 29 марта*)

✂ Школьники, художники, политики и журналисты закрасили несколько тысяч непристойных, расистских и антисемитских надписей на стенах Лодзи. Ежегодная акция «Цветная терпимость» проходила здесь третий раз. (*«Газета wyborcza», 22 марта*)

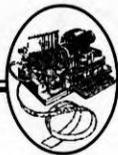
✂ В Шидловце начался полугодовой цикл мастер-классов, проводимых в уик-энды студентами для местных школьников. В рамках мастер-классов школьники открывают польско-еврейское прошлое своего города. Программа, осуществляемая Товариществом творческих начинаний, полностью финансируется Фондом Форда и Академией развития филантропии в Польше. (*«ВБ», 2 апреля*)

✂ VII общеобразовательный лицей в Зеленой-Гуре в десятый раз проводит набор в немецкую школу в Нойцелле. Подавать документы могут школьники со всей Польши. Польские школьники в Нойцелле бесплатно получают учебники, места в интернате и небольшую сумму карманных денег. Учатся они по той же программе, что и немецкие школьники, а вдобавок им преподают польский язык и историю Польши. На 25 мест обычно претендует вдвое больше кандидатов. В рекордном 1999 г. кандидатов было 90. Отбор проводится с помощью тестов. (*«Газета wyborcza», 2 апреля*)

✂ Местное самоуправление варшавского района Урсинув установило сотрудничество со Смоленском. В его рамках — обмен молодежью и учителями русского и польского языков, выезды на спортивные соревнования, проведение выставок, контакты органов здравоохранения, а также хозяйственные начинания. (*«Газета wyborcza», 20 марта*)

✂ Сократ Янович, белорусский писатель, живущий в Польше, «обращает внимание на отчуждение белорусских писателей. Для венгерского писателя в Румынии естественная база — Венгрия. Белорусский писатель в Польше этого лишен. Более того, лукашковский аппарат преследует проявления творчества на белорусском языке, которым, кстати, владеет меньшая часть общества. (...) Мы в Польше привыкли относиться к белорусской культуре несколько свысока, с имперских позиций, как к экзотическому анклаву, скансену. Между тем она дала миру художников и явления высокого уровня, которые важны для нас. Мы приняли Леонида Тарасевича (...) еще раньше — публицистику Сократа Яновича. Однако при этом забыли о его литературных произведениях, переведенных на важнейшие европейские языки». (*Цезарий Поляк, «Газета wyborcza», 27 марта*)

✂ Проф. Анджей Цолль, представитель по гражданским правам, после поездки в Подлесье и встреч с представителями национальных меньшинств (татарского, русского, литовского и белорусского): «Национальные различия не создают трудностей в жизни соседей. (...) Трудности возникают в отношениях между представителями меньшинств и местными властями. Меньшинства жаловались на недостаточное финансирование культурной деятельности, указывали на бюрократические преграды, не позволяющие оказывать финансовую поддержку их организациям, за ис-

ключением помощи в осуществлении конкретных проектов». (*«Жечпосполита», 25 марта*)

✂ Следственный отдел Института национальной памяти начал следствие по делу о нескольких десятках возчиков, православных жителей деревни около Гайнувки, убитых в 1946 г. партизанским отрядом Национального военного объединения под командованием капитана Ромуальда Райса («Буро-го»). После войны «Бурый» был приговорен к смертной казни, но в 1995 г. посмертно реабилитирован на основании того, что боролся за независимость Польши. (*«Газета wyborcza», 5 апреля*)

✂ «Депутаты крайне правых осыпали оскорблениями руководство Института национальной памяти, а преобладающие в Сенате левые попытались сократить финансирование его деятельности. (...) Когда историческую истину начали изучать всерьез, она оказалась для всех неудобной (...) выплыли скрывавшиеся, замалчивавшиеся или затушевывавшиеся документы и свидетельства о преступлениях против еврейских, украинских или немецких соседей и сограждан, совершенных заурядными, патриотически настроенными и набожными поляками. Не на это надеялись и не этого ожидали те, кто создавал ИМП, рассчитывая на документацию несчастий, принесенных полякам извне. Истина оказалась куда сложнее и драматичнее, чем популярные идеологические схемы и пропагандистские лозунги». (*Януш А. Майхерек, «Жечпосполита», 12 марта*)

✂ В 1944-1950 гг. в Польше действовало 204 лагеря принудительного труда. В них погибли около 25 тыс. человек, в т.ч. 6 тыс. немецких военнопленных. Бытовые условия в лагерях были сравнимы с советскими лагерями того времени. В лагеря массово отправляли гражданское население, включая детей, женщин и стариков. Принцип коллективной ответственности применяли не только к немцам, но и к силезцам, украинцам, лемкам. В лагеря сажали также политически подозрительных поляков, в т.ч. воинов Армии Крайовой и Национальных вооруженных сил. Направляли в лагеря в административном порядке, без суда и следствия. Большинство лагерей подчинялось министерству общественной безопасности, но были и лагеря в юрисдикции армии, угольной промышленности, Особой комиссии по борьбе с хозяйственными злоупотреблениями и вредительством и даже местных административных властей. (*Богуслав Копка, «Впрост», 24 марта*)

✂ Гражина и Анджей Милош: «В XIX веке (...) в царский Кавказский корпус (стотысячная армия, воевавшая с чеченцами) после разгрома восстания 1863 г. сослали 10 тысяч поляков. Многие из них перешли на сторону чеченцев. В личной гвардии Шамиля было, вероятно, около 400 польских улан. Память об этих поляках была жива еще тогда, когда мы ездили по Кавказу в 1970 году». (*«Газета wyborcza», 2 апреля*)

✂ Чеченцы, находящиеся в трех центрах приема просителей политического убежища (в Дембаке под Варшавой, Белостоке и Люблине), начали голодовку. Из 2,5 тыс. чеченцев надежду получить статус беженца, а значит, и право легального пребывания и опеки в Польше, имеют менее 10%. (*«Жечпосполита», 23-24 марта*)

✂ В Дембаке завершился протест чеченцев: сотрудник беженского центра, ухода которого они требовали, отправлен в отпуск. Он унижал чеченцев, обещал устроить им «третью чеченскую войну». Раньше он заведовал таким же центром в Люблине, но после протестов снят с должности и... переведен в Дембак. (*«Газета wyborcza», 27 марта*)

✂ В связи с недавним убийством полицейского бандитами, отбивавшими у полиции автофургон, министр внутренних дел Кшиштоф Яник обещал упростить принципы применения полицией оружия: при покушении на жизнь полицейского тот сможет стрелять без предупреждения. (*«Тыгодник повсехний», 7 апреля*)

✂ По опросу «Пентора», 94% поляков желают ужесточения наказаний за преступления против жизни и здоровья полицейских. Против — 5%. По мнению 87%, следует увеличить полномочия полиции, против — 12%. (*«Впрост», 7 апреля*)

✂ С 19 марта полиция может пользоваться сведениями, объёмными банковской тайной или относящимися к страховым контрактам. Новые полномочия полиции ударяют по экономическим основам преступных организаций. После приговора и отбывания срока преступники останутся без финансового обеспечения, созданного преступным путем. (*«Жечпосполита», 19 марта*)

✂ Юлия Питера, председатель правления польского отделения «Transparency International»: «В Варшаве побывал самый знаменитый полицейский последних лет — бывший начальник нью-йоркской полиции Уильям Брэттон. (...) Однако все дружно замалчивают важнейшее условие успешной деятельности полиции — независимость от внешнего нажима. (...) Пока полиция не станет совершенно независимой от расклада посторонних сил, ей не помогут ни повышенные затраты, ни попытки перенять даже самые успешные образцы из других стран. Пока остается возможным применение различных критериев к разным категориям граждан, действия полиции будут безуспешными». (*«Нью-уик-Польша», 31 марта*)

✂ Главный ветеринар Польши Петр Колодзей: «Число бездомных животных растет в устрашающем темпе. В течение года более чем на одну пятую возросло число собак в приютах. В некоторых вместо четырех собак в одном боксе содержат десять. На 130% возросло число животных, о судьбе которых в документации приютов ничего не говорится. (...) В 2000 г. у нас было всего 124 приюта — только в 2 раза больше, чем в 1999-м. (...) Число смертей возросло и составляет 7%. В приюте в Лодзи умирала каждая пятая собака, в Августове — 83%, в Сувалках — 67%, в Бытгоме — 54%. Это скорее бойни, чем приюты». (*«Газета wyborcza», 27 марта*)

✂ 73% поляков — против экспорта живых лошадей на убой. Поддерживают эту жестокую процедуру лишь 9%. 44% — вообще против убоя лошадей. (*«Жечпосполита», 27 марта*)

✂ О. Станислав Мусьял, иезуит: «Бог знает сердца людей и сердца животных. (...) Я верю, что недалеко от Воскресшего Христа на небесах пребывают и те ослики, которые спасли Ему жизнь [во время бегства в Египет], и те, что были ему помощью в явлении Его Тайны, говорящей, что Он — Мессия, Сын Бога Живого [ослик Вербоного воскресенья]». (*«Тыгодник повсехний», 31 марта*)

ЧЕМУ МЕНЯ НАУЧИЛИ РУССКИЕ

Беседа с Мацеєм Войтышко, известным режиссером театра и кино, писателем

Ханна Балтын: Особых предложений для нашего разговора вроде бы не требуется, и все же предлог нашелся. В декабрьском номере «Диалога» за прошлый год вы опубликовали пьесу под названием «Булгаков». Где корни российской тематики, которая красной нитью проходит практически через все ваше творчество со времени режиссерского дебюта в 70-х?

— Думаю, в определенном сходстве польских и российских судеб. В давние времена я познакомился с пьесой Михаила Булгакова о Пушкине «Последние дни». Она стала для меня откровением. Как раз в это время я получил свой первый заказ на телевизионный спектакль. Неудивительно, что мой выбор пал на эту прекрасную пьесу, равную которой трудно найти.

Х.Б.: И она удалась — получился очень хороший, живой спектакль, который и сейчас вспоминается. А со дня премьеры, между прочим, прошло двадцать пять лет...

— Приятно слышать. Но вернемся к нашей теме; именно тогда я осознал, что Булгаков существует как особое явление, в частности, как автор «Театрального романа». Сколько себя помню, я всегда находился под влиянием Бабеля и Булгакова. Поэтому на вопрос, где корни моей российской тематики, я могу ответить: она всегда была во мне. Все, о чем писали Бабель и Булгаков, было близко обоим нашим народам.

Марек Карпинский: «Последние дни» вы поставили в 1977 году. Годом раньше в Польше возник КОР — диссидентский Комитет защиты рабочих... Пьеса Булгакова повествует о судьбе художника в тоталитарном государстве. Вы не считаете, что в то время Россия каким-то образом объясняла нам Польшу и ситуацию художника в этой, не будем преувеличивать, но все-таки тоталитарной Польше?

— В этом вопросе содержится ответ — и диагноз верен. Мы всё никак не могли понять самих себя, а Булгаков копал глубже. В самом деле, Россия объясняла нам Польшу. Это хороший заголовок для беседы.

Х.Б.: Вы — плодовитый театральный и кинорежиссер, драматург, детский писатель, автор песенных текстов, инсценировок — кажется, в этих областях вы умеете всё. Я хотела бы расспросить вас о российской тематике в разных ее проявлениях. Вы написали «Семирамиду», историческую пьесу.

— Меня заинтриговала встреча Дидро с Екатериной II, которая в самом деле имела место и, вероятно, была чрезвычайно интересной, поскольку герои этого события — люди выдающиеся. К тому же тут затронута и глобальная тема: Восток встречается с Западом.

Х.Б.: Разумеется. Ведь речь идет не только о предполагаемом романе императрицы с философом — в пьесе дан широкий фон нравов и обычаев: двор, отвергнутые или, напротив, облаканные фавориты. Вас явно забавлял этот «местный колорит».

— Конечно. Есть нечто захватывающее в истории России и в то же время в истории всей Европы, у которой были трудности с Россией — впрочем, взаимные; они неоднократно наносили друг другу визиты отнюдь не дипломатического свойства. В пьесе проскальзывает и мысль о том, что философия неспособна объяснить некий политический прагматизм. Во все времена, до Сартра включительно, политическое мышление на Западе отличалось наивностью. Эта позиция Западной Европы тревожит меня и доныне.

М.К.: Но ведь кое-кто на Западе все же сумел понять Россию — я имею в виду, к примеру, маркиза де Кюстина. Или вы предполагаете, что Россия непознаваема и необъяснима? А может, Польша занимает особое положение, позволяющее ей понять Россию и передать это знание Западу?

— Мне известны обе легенды: одна очерняет Россию, другая обеляет. Де Кюстин увидел в ней только отвратительное, тогда как Шоу, приехав в СССР, испытал восторг. Думаю, обе эти точки зрения в равной степени ошибочны. Не исключено, что Польша может стать неким связующим зве-

ном, голосом, который шепнет обеим сторонам: России — обратите внимание, Запад не так глуп; а Западу — обратите внимание, Россия не так глупа, как вам кажется. Порой мы склонны упрощать некоторые вещи, а от простоты до простофильства один шаг.

Х.Б.: Предлагаю следующую тему. Вы поставили сентиментальную «Скамейку» Гельмана и юмористическую пьесу «Бурная жизнь Лазика» по роману Эренбурга. Почему такой выбор? Кто-то порекомендовал вам или вы сами?..

— «Скамейку» мне предложил директор Театра повзвехного Зигмунт Хюбнер, и у меня были с ней определенные трудности: мне казалось, что эта, в общем-то, хорошая и умная пьеса несколько перегружена бытовыми подробностями. Для польского зрителя там многовато российской повседневности, которая вряд ли дошла бы до него. Поэтому мне пришлось порядком сократить текст, чтобы на первый план вышли взаимоотношения людей. Случилось так, что как раз во время своих репетиций я оказался в Москве и видел «Скамейку», кажется, на Малой сцене МХАТа. Там с благоговением отнеслись к чисто российским деталям, а на сцену выезжал поезд метро. Но я люблю «Скамейку» потому, что, хотя мне и пришлось существенно перекроить пьесу для польского зрителя, она осталась российской и при этом близкой нам. Позже я поставил ее на телевидении. Это неглупый спектакль, в нем говорится о том, что происходит между людьми, во взаимоотношениях мужчины и женщины, когда игра идет по правилам лицемерной коммунистической морали.

Х.Б.: Лично я предпочитаю «Лазика» — по-моему, это абсолютно универсальная модель юмора. Не помню момента, чтобы текст не рассмешил меня. Вы сделали очень забавную инсценировку, дополненную песенками.

— Это уже было мое, так сказать, суверенное решение, выбор по любви. В этом произведении заключено необычайно проникновенное, правдивое и вместе с тем многостороннее видение мира. Там, разумеется, много России, но там есть и Израиль, и Польша. Польша представлена не слишком благожелательно, и по этой причине у меня даже были неприятности. Один спектакль отменили, так как в театр поступила информация о том, что якобы подложена бомба. Люди излишне чувствительные к тому, что касается оскорбления национальных и патриотических чувств, не только обнаружили в «Лазике» чрезмерную симпатию к

евреям, но еще и обиделись на песенку «Вас приветствует Польша», в которой пелось, что здесь как в Париже, только немного грязней. Вот такая история была с «Лазиком».

Х.Б.: И все же получился долговечный спектакль — свидетельство того, что людей с уязвленными чувствами оказалось значительно меньше, чем тех, кому спектакль понравился, кому хотелось от души посмеяться.

— Пьесу играли семь лет — более 300 спектаклей. Это было и эмоционально важно — хотя бы потому, что роман Эренбурга очень чисто-сердечный. Он описал отчаяние изгнанников, но при этом сумел увидеть во всем смешную сторону. Книга эта страшно коварная; очень трудно переработать роман для театральной постановки, поэтому множество диалогов мне пришлось написать самому, разумеется, оставляя при этом все самые известные реплики, такие, к примеру, как «если увольняют, значит, будут нанимать», словом, все те мотивы, которые для большинства людей моего поколения навсегда связаны с минувшей эпохой. «Лазик Ройтшванец» — очень умная книга, делать из нее пьесу было удовольствием.

Х.Б.: А теперь, пожалуйста, отрецензируйте Горина — чем соблазнил вас «Превидный лжеец»?

— Фантазией и еще раз фантазией. Это сразу же сблизило нас. Уважение к фантазии в бароне Мюнхгаузене, право на воображение в противовес холодному реализму — для меня все это было настолько важно, что я сразу же влюбился в Горина. Состоялась и забавная встреча с ним. Он приехал в Польшу и посмотрел на кассете телевизионный спектакль, который ему очень понравился, так как я сделал его довольно близким к тексту. В конце есть такой диалог. Мюнхгаузен говорит слуге: «Вернись, должно быть, в шесть часов». — «Шесть утра или шесть вечера?» — «Шесть дня», — говорит барон и уходит. В своем тексте Горин поставил точку над «i», написав эпилог. А я этот эпилог выбросил, завершив все словами «шесть дня». Горин говорит мне: «Там ведь был еще такой призыв, чтобы люди улыбались». А я отвечаю: «Да, да, но это уже лишнее в спектакле». Довольно нервный, скажу я вам, был экзамен, все-таки старший коллега, известный драматург... Но он только покивал головой и сказал: «Может, ты и прав». Меня это очень обрадовало: зачем разжевывать в эпилоге то, к чему призывает вся пьеса?

Х.Б.: *Вас всегда тянуло в область сказок. Вы и начинали в 1975 г. как детский писатель книгой «Бромба и другие». В 1981 г. вы поставили «Дракона» Шварца — тоже сказку, но не для детей.*

— «Дракона», эту сказку для взрослых, я ставил в переломный политический момент и — совершенно сознательно — ни на йоту не отступил от авторского текста. Дрожал от страха, не сочту ли, что три головы дракона, напоминающие головы Маркса, Энгельса и Ленина, — провокация и не дадут ли мне по шапке. Однако меня так прельстило это «драконство». Болезнь, называемая порабощением, была в то время настолько злободневной темой, что я был счастлив, когда мне позволили ставить «Дракона». Помню разговоры в телевизионном театре: ну, раз дракон, то, верно, понадобятся очень дорогие декорации, дорогостоящие костюмы... И тут я радостно закричал: «Нет, что вы, все будет по-современному, без костюмов. Очень дешево, ей-Богу, только дайте мне это сделать!»

Х.Б.: *Не удивляюсь, что в 81-м вам дали его поставить, чуть позже могли бы уже и не дать. А восемь лет спустя вы делали на телевидении другого Шварца — «Обыкновенное чудо».*

— Это прекрасное повествование о любви, но мне захотелось поставить спектакль еще и из любви к Шварцу. Я очень высоко ценю этого автора, отстаивавшего истинные ценности. В ситуации, в которой он оказался, Шварц сумел спокойно, говоря эзоповым языком, повернуть вспять — не реку, коммунизм.

Х.Б.: *А «Любовь в Крыму» Славомира Мрожека? Благодаря вам в 1994 г. премьера этой пьесы все-таки состоялась, несмотря на огромные сложности, связанные с требованиями автора и ограничениями, наложенными им на фантазию режиссеров. Вы, однако, согласились тогда пойти на многочисленные уступки, то есть на абсолютную верность авторскому тексту и ремаркам.*

— Да, так оно и было. Я согласился из желания оказать услугу Мрожеку. Коль скоро он не хотел менять ни слова, я решил пойти на это. Что за беда, подумал я, пусть одна такая постановка появится. И она появилась в краковском Старом театре, где я выступал в роли арбитра, смягчая споры о том, кто, как и что должен делать. Работалось очень хорошо, коллеги ужасно старались; в итоге было сыграно сто спектаклей, так что провалом

это не назовешь. Но эта странная пьеса заключает в себе тайну, которую я в то время не до конца постиг. «Любовь в Крыму» состоит из трех отдельных пьес, и, как бывает всегда, когда многое заключено в одном, открыв одну матрешку, пытаешься подогнать к ней другую — ан, не выходит. Может, кто-нибудь когда-нибудь поставит эту пьесу так, что станет понятным истинный смысл последнего акта. Россия, ввергнутая во мглу, — это пророческое видение, но выразить его средствами театра невероятно сложно.

Х.Б.: *Мы приближаемся к Булгакову — только еще один, последний вопрос. У вас на счету «Огненный ангел» Брюсова. Откуда такой выбор?*

— Тяжелый случай с этим «Ангелом». Честно говоря, я не люблю его. Эта работа в какой-то мере порождена моей увлеченностью такими фильмами, как «Мать Иоанна от Ангелов» или «Салемские колдуньи». Я думал, мне удастся передать подобную атмосферу, и вместе с тем хотелось создать притчу о любви, о безумно влюбленном мужчине, который может все простить женщине, все в ней принять. Однако мне явно не хватило средств кино, бедность тогда была. В середине 80-х недоступна была богатая натура, сэкономили на сценографии. И хотя Брюсов — интересный художник, думаю, я не должен был браться за этот, не созвучный времени фильм. В глубине души я верил, что мне удастся сказать нечто новое о любви, но на этот раз не удалось.

Х.Б.: *А теперь перейдем к телевизионному четырехсерийному фильму «Мастер и Маргарита» 1988 года. Это была культовая книга 70-80-х, люди были очарованы ею. Довольны ли вы результатами своей примерки к этой магической фабуле?*

— Тоже не совсем. Я доволен игрой актеров, однако все, что относится к спецэффектам, настолько устарело, выглядит таким допотопным, что нынче работает против этого фильма. Сейчас на наших экранах как раз идет «Властелин колец» — так вот, сегодня я охотно заказал бы по меньшей мере десять процентов своего фильма этим прекрасным американским специалистам. Хотелось бы, чтобы кот взаправду говорил. Еще я добавил бы новые средства изображения, новый фон. И лишь тогда почувствовал бы удовлетворение, потому что отношения между людьми, мне кажется, удались отлично. Запасевич в роли Пилата или Холоубек в роли Воланда великолепны. Никогда не забуду, как Густав Холоубек, которого я считаю великим артистом, долго держал меня в неведе-

нии, а потом пришел и сказал: «Пан Мачек, я сыграю Воланда, но только при условии, что этому дьяволу можно будет хотя бы немного влюбиться в Маргариту». Такой уговор мне нравится, хорошо и то, что Маргарита в фильме — зрелая женщина. Раньше, когда подыскивали актрису на роль Маргариты, все сходились во мнении, что она должна быть красавицей. Разумеется, ведь Елена Булгакова была красивой женщиной, но гораздо важнее, в частности с точки зрения партнерства, чтобы Маргарита была женщиной умной. Аня Дымна тогда очень подходила на эту роль. Ну а эти несчастные трюки я бы охотно переделал. Лучше всего было бы все сделать заново, но на это жизни не хватит.

Х.Б.: *Насколько я понимаю, вы прочли «Мастера и Маргариту» в биографическом ключе, держа в памяти последние дни Булгакова.*

— Он сам хотел, чтобы так читали. Поразительно: великий художник прекрасно сознает, что его могли бы носить на руках, он мог бы высоко вознестись, но обстоятельства ставят его в ситуацию почти умирающего от голода, непризнанного бедолага. А реагирует он на это так, как в «Театральном романе» или в «Мастере и Маргарите», — не чувствуя ни зависти, ни презрения. И еще способен смеяться над этим.

М.К.: *Я хотел бы еще остановиться на великих исполнителях и на Булгакове, я имею в виду «Мольера, или Кабалу святош» с Тадеушем Ломницким в главной роли. Мы как раз отмечали десятилетие со дня его смерти. Вы не могли бы сказать несколько слов о вашей совместной работе?*

— Я убежден: в роли Мольера Ломницкий использовал свою биографию. Честно признаюсь, этот спектакль появился немного против моей воли. Я полагал, что Мольера должен играть Збигнев Запасевич, который выглядел как обиженный интеллигент и человек необычайно острого ума. Но Запасевич тогда не мог, решать надо было незамедлительно, а поскольку из выдающихся актеров под рукой был Ломницкий, я и пошел к нему, хотя, признаться, вовсе его не жаловал. «Пан Тадеуш, — говорю ему, — может, вы сыграете, но с условием, что жену Мольера будет играть Халина Миколайская?» Учитывая, что она была членом КОРА, главной оппозиционеркой, такое условие явно порочило тогдашнего члена ЦК. Но он дал согласие, и так начался этот чудесный матч. С улыбками на лицах эти двое, красуясь, прогуливались по коридорам телецентра и говорили исключи-

тельно о пьесе. Раз только, когда мы остались втроем, Халина сказала: «Я иду на собрание — если меня арестуют, вы лишитесь спектакля». А Тадик с готовностью предложил: «Давай я тебя подвезу». Это чудесное согласие было выше того, что разделяло их.

Однако Ломницкому удалось в каком-то смысле «украсть» у меня спектакль. Он оправдал Мольера, этакого добренького простачка, искусство которого рождается неизвестно откуда. А что король? Коль скоро король существует, он к этому королю подлизывается — так уж получается, но вообще-то его вины в том нет. И так замечательно он сыграл эту свою невинность, что тема, которую я считал главной, а именно тот факт, что вся польская интеллигенция поставлена к стенке и что, какой бы умной она ни была, все равно получит в рыло, эта тема потеряла свою остроту. Смотрите, какой я, Мольер-Ломницкий, бедный в отношениях с властью. Хотя все знали: не такой уж он бедный. Я не хочу сказать, что Ломницкий полностью отобрал у меня спектакль, но он подчинил его своему таланту. Это, впрочем, не меняет того факта что его блестящее исполнение на свой лад много говорит об отношениях власти и художника. Разве что слишком оправдывает художника, который до конца не сознает своего греха. Такого грешника Ломницкий категорически не хотел играть.

М.К.: *Я помню эти сцены, когда королевская милость нисходит на него: как он облизуется, как стоит навтыяжку в сиянии власти... И вы полагаете, что благодаря своей биографии член ЦК мог сыграть так, как он сыграл?*

— Он отлично знал, как использовать свой личный опыт. И в «Ревизоре» он играл члена ЦК. Мне даже импонировало то, что его частная жизнь и театр так сближены. Никто не отважится сказать, что видел лично его, Тадеуша Ломницкого. Такое было невозможно. В нем всегда присутствовал театр.

М.К.: *Давайте вернемся к Булгакову, на сей раз к «Булгакову» Войтышко. К вашей последней пьесе.*

— Эта пьеса — пожалуй, мое прощание с Булгаковым. Прежде всего она отсылает к «Последним дням». Филер ходил за Пушкиным, но, вероятно, Булгаков написал об этом потому, что и за ним ходил стукач. В театральной действительности стукачом мог быть один из актеров. С другой стороны, я знаю, что быть стукачом для актера — это тяжелое испытание, трудная двухуровневая иг-

ра. Стукач из пьесы — единственная фиктивная фигура, введенная мною в булгаковское окружение. Я кое-что привнес в эту простую ситуацию, потому что знаю: у стукача, следившего за Булгаковым, жизнь вполне могла сложиться примерно так же, как у придуманного мною: жена — на Колыме, а шантажированный муж стучит. Многозначность судьбы человека, который пошел в стукачи не только ради заработка, но и потому что впутался в иную систему координат, да к тому же еще актера, — это показалось мне чрезвычайно интересным. Сложность судеб героев, напоминающих судьбы героев Булгакова. Думаю, самой страшной в действительности была предопределенность судьбы Елены. Булгаков умер, а она еще долго была вынуждена флиртовать с властью, и это она, кажется, в 1967 г. впервые вывезла в Париж зашитую в пальто рукопись «Собачьего сердца», и она платила цену, она проходила через ад. А что значит ад для женщины? Флирт с сатаной; поэтому ее разговор с Шиваревым протескал так, а не иначе. Имсна — подлинные, я взял их из документов. Настоящий Шиварев писал отчеты о слежке за Булгаковым.

Х.Б.: *Может, поэтому в пьесе потенциально хорошие, выразительные роли для актеров. И к тому же несколько интересно очерченных женских образов (а в репертуаре театров мало хороших ролей для зрелых актрис). Жена Чехова, Ольга Книппер, к примеру, — такой театральный зверь, типа пресловутой «директорской жены», которая жестоко правит в своем маленьком мире.*

— В действительности она была несравненно более порядочным человеком, чем та, что описана мною, однако это не меняет того факта, что некоторые театральные механизмы действуют именно так.

Очень мне понравилась — и я решил, что стоило об этом написать, — дружба между Эрдманом и Булгаковым. Эрдман нарушил закон и приехал в Москву, узнав о болезни Булгакова. Когда его схватили, он сказал: «Меня тут нет, я здесь только проездом». Так было. Нелепо звучит, когда драматург, занимающийся литературным вымыслом, говорит «так было», но в пьесе множество фактов представлено так, как было на самом деле. Хотя бы петиция Сталину, в которой близкие писателя просят вождя, чтобы он утешил Булгакова, и эта кружившая повсюду милиция, и сестра Елены Ольга Бокшанская, которая постоянно работала в театре. Я должен был написать это, чтобы как-то подвести итог своим размышлениям о Булгакове.

М.К.: *А вы не опасаетесь, что ваша пьеса требует от читателя определенных, притом немалых знаний? Для поклонников Булгакова, хорошо знакомых с его судьбой, она доступна, но для восприятия всех прочих может оказаться слишком трудна.*

— Да, конечно. Я написал ее для тех, кто читал хотя бы «Мастера и Маргариту» и считает эту книгу своей, чтобы их начал точить червь, чтобы они увидели: дьявол мог смешивать все своим хвостом иначе, нежели это представлялось Булгакову.

Х.Б.: *Задам невежливый вопрос: сегодня, когда в Польше, как и в России, царит так называемая свобода и демократия и нет уже чекистов, не вышло ли из моды возвращаться ко временам преследований и создавать аллегория человеческой судьбы, судьбы художника, творившего под давлением, художника, угнетаемого махиной истории?*

— Да. Так же как вышла сегодня из моды семейная сага в духе «Братьев Карамазовых».

Оба интервьюера вместе: *Вы смеетесь над нами!*

— Я хочу сказать, что никогда не выбираю тем по принципу: о, это хорошо, это сегодня «пойдет». Скорее тема идет за мной. А в данном случае темы напрашивались. И прежде всего вопрос: что происходило с Еленой Сергеевной после смерти Булгакова? Я много всего читал на эту тему, в том числе записи результатов слежки. Используя такого рода информацию, Елене сообщили, что вовсе не она послужила Булгакову прообразом Маргариты. Как должна воспринять это женщина, свято убежденная в том, что именно она — фантастическая литературная героиня лучшего из произведений ее любимого мужа? Меня это мучает, поэтому я и написал пьесу.

Х.Б.: *Кто-нибудь в Польше уже заинтересовался ею? Может, было бы хорошо, чтобы ее прочитали в России?*

— Я на это рассчитываю. Даже обсуждал возможность перевода. Многие люди из поколения читателей «Мастера и Маргариты» искренне говорят, что пьеса им нравится. Разные театры ведут переговоры о ее постановке, но об этом говорить еще рано. Надо подождать. А может, написать все заново?

*Беседу вели
Ханна Балтын и Марек Карпинский*

Войцех Станиславский

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВАРШАВЕ

В варшавском периодическом издании «Вопросы национальностей» (том V, 1996) был опубликован обширный материал Войцеха Станиславского «Русская эмиграция и русское меньшинство на территории II Речи Посполитой. Опыт характеристики диаспоры».

Мы публикуем поправленные автором заключительные главы данной работы, посвященные культурной деятельности русской диаспоры, нашедшей убежище и поле деятельности в межвоенной Польше. Для «Новой Польши» автор, продолжающий работать над этой темой, исправил и дополнил свой текст.

«Организационных рамок» культурной деятельности эмиграции существовало немного. Осталась неисследованной созидательная деятельность на ниве культуры таких институтов, располагающих для этого весьма широкими возможностями, как школы и Церковь. Их активность была направлена скорее на то, чтобы «культивировать обычаи», поддерживать традиции, окружать пиететом первоплановые фигуры русской культуры (Пушкин и др.), и гораздо менее на создание культуры, восприимчивой к действительности, ведущей с нею диалог или поддерживающей новые таланты.

Значительная часть деятельности, лежащей в основе культуры (сохранение дореволюционной орфографии, обращение к традициям и «русской старине» в иконографии, выбор тем и образности в публикуемых литературных произведениях, программы празднования «Дней русской культуры»), позволяет предполагать, что культурная деятельность эмигрантов в Польше носила резко «антикварный», воспроизводящий, консервирующий характер. Это в свою очередь свидетельствует как о том, что они чувствовали опасность, угрожавшую их прежней культуре, так и о стремлении воссоздать ее в возможно неизменном виде.

Второй тип подхода предполагает открытость не только по отношению к изменениям в окружающем мире (в обществе, политике, нравах, культуре), но и по отношению к новым, прежде «чуждым», но потенциально обогащающим факторам.

Для русской эмиграции на территории II Речи Посполитой таким «чуждым», но обогащающим фактором была прежде всего польская культура. Поэтому столь интересны инициативы того круга, который собрался вокруг Д.Философа: его представители, осознавая многообразие комплексов с обеих сторон — польской и русской, — усиленно направляли русскую диаспору к установлению диалога с польской культурой, помогая усвоению ее ценностей и знакомству с ее мастерами. Тут стоит перечислить важнейшие из их начинаний, практически целиком ограниченных «кругом Философа»: продолжавшуюся многие годы публицистику Дмитрия Владимировича, стремившегося познакомить русского читателя с важнейшими явлениями польской культурной жизни (от обсуждения «напряженности» между только что созданным Институтом пропаганды искусства и «Захентой» до дискуссии по поводу начатой Боем-Желенским кампании «развенчания классиков»), прежде же всего, продолжавшиеся в течение полутора лет встречи в рамках небольшого польско-русского литературного клуба «Домик в Коломне». «Это единственное место в Варшаве, где обсуждения проходят на таком уровне...» — делится в своем дневнике первыми впечатлениями от «Домика» Мария Домбровская. Такие начинания были лишь частью поставленной Философовым огромной и неблагодарной задачи «наведения мостов между поляками и русскими». Эти усилия (несмотря на разочарования, которых Дмитрий Владимирович не скрывал) не прошли — хотя бы судя по числу сохранившихся сообщений — бесследно и имели большое значение также для польской культуры.

В числе «высоких» начинаний, проводившихся при этом с замыслом «наведения мостов», следует перечислить некоторые из довольно часто проводившихся лекций и визитов ученых-эмигрантов, в том числе визит в Польшу проф. Петра Струве по приглашению Русского общественного комитета. П. Струве, принятый, в частности, проф. В. Ледницким и Т. Шецлем, напомнил, что «идеи независимости Польши были распространены среди дореволюционной прогрессивной русской интеллигенции».

Однако добавим сразу, что встречи в «Домике» и несколько более раннем родственном ему «Литературном содружестве», а также публицистика Философова, Хирьяковой, Бема и еще нескольких авторов «Меча» относились к «элитарной культуре», доступной лишь самым образованным представителям эмиграции. Большинство же оставалось пассивными потребителями культуры; в том, что касается эмигрантского сообщества на территории II Речи Посполитой, мы можем больше рассказать о тех, кто создавал культуру.

Эмиграции не удалось сформулировать программу «русской массовой культуры», хотя, например, А. Нечаев говорит об «эмигрантских бульварных писателях». Стоит также отметить усилия редакции «Молвь», которая в 1932-1934 гг. предприняла явную попытку изменить характер газеты — вместо «информационно-политической» сделать ее «популярной и иллюстрированной». На последней странице без всякой связи с текстом правят бал голливудские «звезды» и сенсационные репортерские снимки. Однако этого было недостаточно, и «польская массовая культура», как представляется, была в тот период

самым эффективным инструментом колонизации молодого поколения. Это прекрасно понимал Александр Кондратьев, который писал о «потере корней» у второго поколения эмигрантов, у молодежи, выросшей во II Речи Посполитой. Правда, он сознавал, что бороться с этим невозможно: «...большая часть ее [молодежи] — В.С.] предпочитает игру на мандолинах или балалайках, карты, флирт (взгляните-ка в «почтовый ящик» «Звена»)), — сообщает он в

ЗЕМЯНСКАЯ ВИНЯРНЯ (CAVEAU CAUCASIEN)

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КАБАРЕТНАЯ ПРОГРАММА с участ. местных и загр. сил.

Знаменитый квартет хора Семенова.

Цыганские романсы, русские песни.

Превосходные ужины от 7 часов вечера.

Семейный танец от 9 час. веч.

одном из писем. Упомянутые в другом письме танцы, бридж, радио, цветные обложки дешевых романов, которые приобщают к польскому языку интереснее и эффективнее, чем обязательный польский язык в программе, представляли собой в его глазах двойное отступничество: от русской традиции и от «высокой культуры». Но при этом он скептически относится к «охранительной» позиции эмиграции, проявляющей консервативные или монархические склонности и борющейся с коммунизмом — как с иронией сообщает он своему корреспонденту — «такими средствами, как танцы Анны Павловой, кабарежные выступления труппы Балиева, шахматные рекорды Алехина».

Однако мероприятий именно такого рода было больше всего. Как я уже упоминал, русская диаспора была обращена к традиционным ценностям, образцам и поэтике: весьма характерным был явно «идеализирующий» культ личности Пушкина и его произведений. Ежегодно во многих местах устраивались торжества в дни его рождения и смерти. Особенно торжественно отмечалось столетие со дня смерти Пушкина в 1937 году. Пушкинские комитеты были тогда созданы во многих городах (в том числе в Бресте, Львове, Лодзи, Остроге, Познани, Сейнах, Вильне, Варшаве). Ежегодно проводились многочисленные торжественные заседания с докладами и чтением стихов Пушкина. Из-за рубежа выписывались многочисленные издания «классики русской литературы».

Объединяющим началом служили публичные исполнения музыки, чаще всего песен. Общеизвестны были действовавший в 20-е годы квартет «Хор братьев Васильевых», а также «Хор Семенова». Сохранившемуся в коллективной памяти убеждению об участии русских певцов в публичной жизни (в том числе польской) и популярности среди поляков (в том числе офицеров) русских романсов противоречит не проверенная мною информация об изданном в 30-е годы распоряжении МВД, запрещающем исполнять русские песни в публичных местах (ресторанах, кафе), а также выписывать из-за рубежа русские книги в польские и еврейские библиотеки. На рубеже десятилетий работал русский эмигрантский передвижной цирк.

Кажется, предпринимались также попытки создать «новый стиль жизни эмигрантов» — самым известным проявлением этого можно назвать проводившиеся начиная с середины 1920-х «Дни несогласия». На эти «Дни», которые обычно устраивали в годовщину октябрьской революции, собиралась вся русская общественность — как эмигранты, так и те, кто получил гражданство. Обычно скептически относившийся к «патриотической мишуре» Философов, на сей раз, делясь с

читателями своими впечатлениями, растроганно вспоминает, как на одной из таких встреч внесли «трехцветный флаг национальной России» и студенты отнеслись к нему «как к святыне, не как к украшению ежедневных эмигрантских свиданий». Проводились и другие юбилейные встречи, например, в 1938 г. — торжественное заседание, посвященное двадцатилетию белого движения.

Однако для молодого поколения, вероятно, наиболее привлекательными были светские мероприятия, прежде всего упоминаемые и поляками балы. Даже спустя годы эмигранты весьма высоко оценивали уровень этих балов: «...ежегодный Русский бал был одним из самых элегантных в Познани». Часто во время бала проводился благотворительный базар: тут примером может служить проходивший ежегодно в нескольких местах Бал русского студента. Следует сказать и о сплывавших диаспору новогодних встречах и детских елках.

К созидательной деятельности на ниве культуры, наряду с уже упомянутыми начинаниями в кругах, близких Философову, следует отнести прежде всего деятельность поэтических групп: в 1921-1925 гг. это «Таверна поэтов», а в 1929-1935-м — «Литературное содружество».

В первую входили те, кто был связан с кругом газеты «За свободу», хотя бы потому, что они там печатались: Всеволод Байкин, Владимир Брандт, Борис Евреинов, Сергей Жарин. Вторая группа была тесно связана с Философовым. Ее ядро составляли ближайšie сотрудники Дмитрия Владимировича 30-х гг.: супруги Хирьяковы (Александр и Евгения, урожд. Вебер), Сергей Войцеховский, Лев (Леон) Гомолицкий, Юрий Клиnger, Владимир Брандт.

К самым известным мероприятиям «Литературного содружества» относились частые, иногда еженедельные, встречи, на которых бывали также польские критики и другие представители интеллигенции. Это дает повод предполагать, что «Содружество» послужило неким прототипом «Домика в Коломне».

Вторым направлением деятельности была публикация произведений поэтов — членов «Содружества». Похоже, что им первым удалось в значительной степени преодолеть «синдром газетного существования»; ибо, за исключением сборника «Походных песен» Зинаиды Гиппиус, вышедших в 1920 г., не сохранилось данных о более ранних сборниках русских поэтов-эмигрантов, выходивших в Польше. Между тем круг «Священной лиры» (Лев Гомолицкий, Александр Кондратьев, Юрий Клиnger), душой которого был вероятно активный в этой среде во второй половине 1930-х Гомолицкий, достиг того, что сначала вышли их собственные сборники, а затем — объемистая «Антология русской поэзии в Польше», куда вошли произведения полутора десятка поэтов: наряду с тремя вышеупомянутыми, там были стихи Александра Хирьякова, Сони Кунцевич, Александра Топольского и др. Стоит упомянуть и отмеченную Я.Кульчицкой-Салони «интеграцию» русских, живших в Польше, с эмиграцией в других европейских странах: в тщательно составленной антологии среди мест издания предыдущих сборников названы, в частности, Таллин, Рига и Париж.

Третьей созидательной для культуры средой в Варшаве была Русская театральная студия, организованная Натальей Гуляницкой. Студия заявила, что намерена продолжать традиции МХАТа и

19. II. 35.

Дорогая Pani Meryjo!
К сожалению мне не удалось
выехать, чтобы увидеть Вас лично
в Варшаву. К сожалению,
у меня нет в Варшаве (Варшава),
в Варшаву - же Варшавы
нет возможности. Мне
зависит, что Тимоти
Александр и о Новом, и
является, что он с нами
в Варшаву отъезжает
и едет по Варшаву
Тамбовскому.

Вот почему не могу
— пожалуйста выехать
с Варшавы о БЭКЕ.
(ВЭК!)

С любовью и уважением
Дмитрий Философов

Письмо Дмитрия Философова
Марии Домбровской

поставила множество спектаклей для русского зрителя. Ее актеры приняли также участие в съемках фильма «Молодой лес».

Можно ли говорить, что существовавшие и действовавшие в среде эмиграции столь разные группировки и организации, составляли некую «русскую Варшаву», отдельный квартал, наподобие известных нам Литл-Итали или Чайнагауна?

Разумеется, нельзя говорить о существовании какой-то четко очерченной территории проживания русского меньшинства. Однако представляется, что более тщательные поиски в архивах позволили бы нам воссоздать карту «путей» и «мест», где встречались полтора десятка тысяч живших в столице русских. Уже сегодня на ней можно обозначить «Русский дом» на Маршалковской 68, где размещалась самая большая русская библиотека. «Русский дом» служил штаб-квартирой многих организаций, там часто проводились встречи и лекции. А отсюда уже недалеко до Хмельной, а дальше — Длуга 50, где в двадцатые годы помещалась редакция «За свободу». Редакции «Молвы» и «Меча» находились на Хотимской; там же проходили и встречи «Домика». Свои помещения для встреч и балов особенно часто предоставляло эмигрантам Гигиеническое общество (Карова 10). Более камерные встречи и «чаепития» часто проходили в доме 42 по ул. Новый Свят. Гуляя по Новому Святу, можно было также заглянуть в помещавшийся в доме 69 книжный магазин Стракуна и расположенный рядом магазин Серебрянникова («Россика»); другие книжные лавки находились на Рымарской, Гжибовской, Даниловичовской и даже на ул. Краковское Предместье. На Новом Святе находилась и Русская театральная студия. В доме 7 по Обозной была русская гимназия; в Праге, правобережном предместье Варшавы, в первые годы важным центром был дом 5 по Зигмунтовской улице, где помещался Русский комитет в Польше; до 1939 г. на правый берег Вислы ездили православные прихожане. Разумеется, весьма важным, хотя и куда менее посещаемым центром на этой воображаемой карте будут увековеченные в одном из эссе Ежи Стемповского улицы Вроня и Сенна, а также находившаяся на Сенной квартира Д.Философова. Повседневную жизнь эмигрантов следовало бы воссоздавать по объявлениям в газетах, которых так много, что сегодня это зачастую затрудняет чтение тогдашней прессы. В целом они указывают на существование общины, колеблющейся между нескрываемым потреблением, с одной стороны, и нищетой и упадком — с другой; с объявлениями портных, ювелиров, кабаре соседствуют анонсы комиссионных магазинов, бюро путешествий, предлагающих переезд (сначала во Францию и Соединенные Штаты, а потом все чаще — в Ровно), и врачей — чаще всего «по легочным и венерическим болезням». Многочисленны также объявления курсов иностранных языков: французского, немецкого и польского.

Стоит хотя бы в нескольких абзацах попытаться воссоздать некоторые аспекты пребывания эмигрантов в Польше — те, что труднее всего вычленишь и передать: их самочувствие, взгляд на себя в новой стране, отношение к самой этой стране.

Тут найти источники труднее всего. Высказывания эмигрантской интеллигенции, естественно, недостаточно представительны. Получившие самое лучшее образование, еще до революции путешествовавшие и соприкасавшиеся с другими культурами, в большинстве своем действовавшие в пользу «сближения», они не до конца сумели назвать фобии и комплексы своих соотечественников. «Письма в редакцию», жалобы, поступавшие в общественные организации, писались с мыслью о сиюминутных вопросах, связанных с обеспечением материального существования.

Среди многих причин, которые затрудняли сосуществование эмигрантов с польским обществом, следует назвать две основных: с одной стороны, бремя «польской коллективной памяти» и неблагоприятных стереотипов о русских, с другой — принципиальный, неразрешимый в тогдашних обстоятельствах спор между государственными соображениями Польши и России («белой» России).

Среди живучих стереотипов польского коллективного сознания Россия занимает особое место. Это сложилось как ввиду того, что национальные стереотипы всегда красочней и устойчивей, когда они относятся к «соседям», так и в силу сложных и драматических судеб польско-русских отношений, Польши и России, русских и поляков. «Россия» стала устойчивым компонентом польской исторической памяти, а «запись» обобщенных убеждений и коллективных представлений поляков о России и русских вписана в тысячи «текстов культуры» — от поговорок и фразеологических оборотов до великой (и самой ничтожной) поэзии. Вполне сознавая, что стереотип «другого» всегда не до конца устойчив и переживает эволюцию, следует, однако, отметить то, что кажется почти очевидным: в годы, наступившие после обретения Польшей независимости в 1918 г., в стереотипах о России и русских преобладал негативный аспект. Это было вызвано несколькими факторами, самый главный из которых — разумеется,

наследие эпохи разделов Польши: независимость впервые позволила полякам говорить открыто (уже не в нелегальной литературе или в том, что издавалось на польских землях в Авст-ро-Венгрии) обо всех драматических событиях, связанных с захватом большинства польских земель Россией. И было почти невозможно не распространять эти обобщения на русскую эмиграцию. Изгнанников воспринимали с точки зрения ушедшей эпохи российских завоеваний, как ее реликт. Это было легко, если учесть, что многие эмигранты (хотя далеко не все!) прежде принадлежали к верхам империи. «Откуда такая доброта к москалям, которые у нас создают армию против нас же?» — писала в ответ на сообщение о создании русских добровольных отрядов «семидесятилетняя женщина, дочь участника [восстания] 1831 г., сестра людей, принесенных на алтарь отечества [18]63 г. и мать трех сыновей, имеющих заслуги перед родиной». Это «наболевшее» в коллективной памяти было довольно распространено.

Вторую важнейшую помеху диалогу, дружбе, вращанию русских в польскую культуру составлял почти неизбывный конфликт двух типов «государственных соображений». Об этом вопросе написано, говорю без преувеличения, десятки томов; однако, сильно упрощая, можно сказать, что подавляющему большинству концепций «польской восточной политики», формулируемых на пороге межвоенного двадцатилетия и в первые, «учредительные» годы II Речи Посполитой, при всей их разнородности было присуще убеждение, что польская граница на востоке должна идти дальше т.н. этнографической границы (как обычно называли ее в русской политической публицистике), т.е. восточной границы Царства Польского — Привислинского края. В 1918-1921 гг., когда определялась восточная граница государства, многие влиятельные политические группировки — независимо от горячего спора между приверженцами федерализма и сторонниками «полонизации» — были глубоко убеждены, что в состав польского государства должна входить значительная или даже подавляющая часть земель, находившихся под властью Польши до 1772 года.

Сам же факт, что в Варшаве обсуждали судьбу земель к востоку от «этнографической границы», определял противостояние (а следовательно, и потенциальный конфликт) между польским подходом (даже если это был не один, а несколько подходов) и подходом русских белоэмигрантов. Их подход в подавляющем большинстве случаев сводился к защите концепции «неделимости», сохранения России в границах 1914г. (с немногочисленными уступками вроде Привислинского края). Правительство адмирала Колчака еще в декабре 1918 г. заявляло, что план полного восстановления Польши неизбежно ведет к конфликту с русской национальной точкой зрения. В более подробных разборах подчеркивалось, что российская сторона не согласна на присоединение к Польше какой бы то ни было части Литвы и Белоруссии, Хелмской (Холмской) земли, Галицкой, Прикарпатской и Буковинской Руси. Пожалуй, единственным, кто отступал от этих концепций, был Борис Савинков, однако он не смог завоевать себе сторонников среди эмигрантов.

Другое дело, что поляков, которые **могли бы** найти с эмигрантами общий язык, было порядочно. И это одна из причин, по которым положение русских эмигрантов в Польше было несравнимо с их статусом в странах Западной Европы. Не говоря уже о знании русского языка или «общей памяти» о жизни в Российской империи (эта память была во II Речи Посполитой уделом нескольких миллионов поляков — бывших подданных Николая II), существовало немалое число людей, принимавших активное участие в жизни страны и сохранявших тесную связь с «высокой» русской культурой. Прежде всего я имею в виду тех, у кого апогей активной профессиональной жизни выпал на эпоху до обретения независимости и кто в независимой Польше составлял элиту государства и общества (политическую, культурную, профессиональную) — кстати, во многих случаях благодаря своей квалификации, приобретенной скорее деятельностью в Петербурге или Москве, нежели в «Привислинском крае». В Польше многие из них продолжали активно участвовать в государственной и общественной жизни, а вступая в отношения с русскими беженцами или возобновляя прежние отношения, они могли с исключительной легкостью апеллировать к «общему прошлому». В то же время это прошлое могло возбуждать у них деятельное сострадание к беженцам из России, оказавшимся на «варшавской панели» (впрочем, заметим, что это, к сожалению,

Проект на гробницу
Дмитрия Философова
авторства Ханны Бишковой (30-е гг.)

случалось довольно редко). Причины, по которым оно не проявилось шире и активнее, заслуживают особого рассмотрения, чем автор в настоящее время занимается.

«Среди русских эмигрантов существует убеждение, что правительство Польши оказывает предпочтение украинским и грузинским беженцам, относясь к русским неприязненно. В свете [проведенных комиссией] исследований это мнение не нашло подтверждения», — сообщает в докладе Симпсона, одном из немногих источников, информирующих о мнении эмигрантов. Значительно более тонко с психологической точки зрения этот аспект представлен в отрывке из воспоминаний З. Ращевского, касающемся его русских соучениц по быдгощской средней школе:

«Не было и речи ни о какой дискриминации этих девочек или их семей. У Тамары (...) были фамильярные отношения с учительницами, а отец обеих сестер трудился в родительском комитете, и это никого не удивляло и не возмущало. (Само собой, он бегло говорил по-польски, как и его дочери.) (...)

Никто не относился к этим людям как к недавним захватчикам. Лишь позже я понял, что все же они, наверное, переживали мучения, прежде всего на уроках истории. Их присутствие никому не мешало не цапать на этих уроках Россию. Наверное, просто забывали, что вот эта Нина — русская. А дома ее, несомненно, воспитывали в духе российского патриотизма».

Можно также себе представить, что язык, которым говорилось о «грехах России» на уровне пропаганды, торжественных заседаний, массовой прессы, улицы, был значительно менее взвешенным, чем на уроках истории в гимназии с хорошей репутацией. Обе позиции, которые могли выработать русские подростки перед лицом обвинений такого рода: как ощущение их несправедливости, так и наверняка более редкое чувство вины, — безусловно, не помогали установлению нормальных контактов с польскими ровесниками.

Как оценивали русские текущую политику Польши? Здесь тоже — если исключить как источник газетные передовицы, в которых здравый разум ограничивал возможную горечь, — мы не имеем почти никаких материалов. «Рижский мир мы восприняли как то, что нас оставили с носом», — вспоминает русский студент из Познани. Проявляющуюся в тех же воспоминаниях (и якобы общераспространенную) неприязнь эмигрантов к воеводе Костке-Бернацкому можно объяснить его политикой по отношению к православной Церкви — еще одно доказательство ее значения в польско-русских отношениях. В какой мере данью требованиям лояльности, а в какой констатацией факта является редакционная статья в виленской газете «Новое время»? По ее мнению, Россия для русской молодежи — это символ, традиция, нередко только понятие: воспитанное в польской школе, высоко ценящее польский национально-политический идеализм, это поколение стремится создать прекрасные польско-русские традиции.

Наверное, стоило бы проанализировать и отношение русской эмиграции к «полонизированному русским», активно участвовавшим в интеллектуальной и профессиональной жизни Польши: тут следует назвать хотя бы преподавателя ихтиологии в Варшавском университете проф. Спичакова, научного сотрудника Варшавского политехнического института д-ра Концевича, наконец, Д.М. Соколькова, инженера-радиотехника, «одного из организаторов радиотехнической школы в Польше» и директора довоенного Государственного института телекоммуникации. Естественно, для эмигрантов имело значение и участие русских в польской «массовой культуре»; один из опрошенных называет в их числе игравшего в польской сборной по футболу Бориса Романа. Анекдотический характер носит информация о занявшей первое место на конкурсе красоты «Мисс Европы» Кате Масловой из Вильно. «Премия не была вручена, так как у нее было польское гражданство и жюри решило, что она не может представлять Россию».

Разрываясь, как в этом случае, между смешным и трагическим, русская эмиграция на территории II Речи Посполитой просуществовала в состоянии почти неизменном до 1939 года. Судьбы ее в годы II Мировой войны и всех послевоенных лет известны еще менее. Принимая во внимание все обстоятельства, нетрудно догадаться, что эти годы стали для русской диаспоры *годами испытаний*. Впрочем, это ясно из немногочисленных собранных мною рассказов, касающихся того периода. Пока что их слишком мало, чтобы отважиться создавать синтез «русских судеб на польской земле после 1939 года»; но я надеюсь, что когда-нибудь это станет возможным.

Войцех Станиславский — докторант Варшавского университета, научный сотрудник Центра восточных исследований. Занимается изучением русской эмиграции в Польше в 1918-1939 гг., в

Майя Нарбут

ПОСЛЕДНИЕ «БЕЛЫЕ» РУССКИЕ

— Гимн «Боже, царя храни» написал мой прадед. Я услышала об этом в детстве. Родители с тетей Софьей Фазольт, урожденной Набоковой, ехали в коляске в расположенное над Свитезью имение моего крестного. Все были молоды, пели студенческие песни. Потом в какой-то момент запели царский гимн. И тогда отец сказал: «А ведь это дедушка написал». Так у меня это и осталось в памяти, — вспоминает Лидия Эберле, в девичестве Львова.

В своей маленькой, безукоризненно чистой квартирке в варшавском районе Вавжишев восьмидесятилетняя пани Лидия листает семейный альбом. На фотографиях запечатлена жизнь русской семьи аристократического происхождения, но уже обедневшей, зарабатывающей себе на жизнь.

Историей семьи она заинтересовалась совсем недавно.

— Отец в студенческие годы был слегка социалистом и отошел от семейных традиций. Об этом могла бы больше рассказать его сестра, которая говорила по-французски и заботилась о безупречных манерах, но когда я была ребенком, меня это ничуть не интересовало.

У Лидии тогда были другие проблемы. Например, надо было выучить польский. Несмотря на то, что монахини из ордена назаретянок вбивали его ей в голову два года подряд, все равно, когда она пошла в гимназию в Новогродке, ей пришлось нелегко: дома говорили только по-русски. Лишь много лет спустя перешли на польский, как и многие другие русские семьи на восточных окраинах Польши.

САНИТАРКА ЛЯЛЯ ИЗ БРИГАДЫ ЛУПАШКО

Во время войны пани Ляля была в польском партизанском отряде.

— Я ведь была харцеркой [харцеры — польские скауты], у меня были польские товарищи. Я пропиталась историей Польши! Пилсудского мы

Лидия Эберле

на Виленщине просто обожали, — объясняет она и тянется к альбомам. С фотографий на нас смотрят молодые люди в партизанских мундирах.

С трудом удастся уговорить ее предаться воспоминаниям. Рассказывая, она старательно контролирует эмоции, некоторые личные сюжеты старается опускать. Сначала она попала в первый на Виленщине партизанский отряд Кмитица. Когда советские партизаны обманом разоружили и расстреляли несколько десятков бойцов Кмитица, а отряду навязали нового командира, Лидия Львова, как и многие другие, перешла к Лупашко — легендарному майору Зигмунту Шендзеляжу. И до конца была связана с 5-й Виленской «бригадой смерти» и ее командиром.

В качестве санитарки Ляля принимала участие в боях с немцами и советскими партизанами. Когда Лупашко распустил отряд и с горсткой партизан перешел линию Керзона в направлении окрестностей Белостока, Ляля была с ним. Послевоенные годы запомнились ей как борьба за выживание, налеты на кооперативы и гминные правления, чтобы раздобыть денег на легализацию людей из АК. И возрастающее ощущение безнадежности.

Ее взяли вместе с Лупашко в июне 1948 года. После процесса майор Шендзележ был убит выстрелом в затылок в тюрьме на Раковецкой. Она вышла из нее, как и многие другие, в 1956 году.

— Я пошла учиться на археолога. Студенческая жизнь поглотила меня, я любила танцевать, ходить на матчи, — вспоминает пани Лидия. Своими узкими аристократическими руками она подает чай — по русскому обычаю, в стаканах с металлическими подстаканниками. Когда смотришь на нее, на ее полные грации и жизненной силы движения, трудно поверить, что ей не на двадцать лет меньше, чем указано в метрике.

Учеба стала для нее началом новой жизни. Она вышла замуж за студенческого товарища, родила дочку. До сих пор работает.

— Но для моих товарищей из АК того, что произошло в моей жизни за последние несколько десятков лет, как будто не существует, — улыбается Лидия Эберле, — для них я остаюсь женой Лупашко.

Я задаю вопрос, который не дает мне покоя с того момента, когда пани Лидия начала разговор о патриотизме: кем она себя считает, полькой или русской?

— Вне всякого сомнения, я русская! Я родилась в русской семье, я православная. Этого изменить нельзя.

ПОД ОРЛОМ КОНСТАНТИНА

— Княжна Львова с нами не встречается, — с сожалением говорит Евгений Головин. Он собирает вокруг себя живущих в Польше представителей аристократических и дворянских семей и представляет их в Русском дворянском собрании. — Это только дружеские контакты. Князь Голицын обратился ко мне в начале 90-х. Мы думали о создании польского отделения собрания. Но нас слишком мало, — обреченно машет рукой пан Головин.

Сидя в своем кабинете, под висящим на стене фамильным гербом, он перечисляет живущих в Польше русских дворян. Их всего лишь горстка, всем за восемьдесят.

— Настоящих эмигрантов, каких я знал до войны, совсем нет. Кто уехал вместе с отступающими немцами, кого сразу после войны вывезли в СССР, — добавляет Евгений Головин, который приехал в Польшу маленьким ребенком в 1925 году. Его родители, так же, как и сотни тысяч

других русских «белых», бежали от революции в Китай. После смерти мужа мать вместе с родившимися уже в Китае детьми поехала в Польшу, где жили ее родственники.

— У меня всегда была слабость к России. Во время войны, когда я был партизаном в окрестностях Опочна, я принимал русских парашютистов. Да и теперь предпочитаю поехать в Москву, а не в Париж, — признается пан Головин.

Его дом — свидетельство этих чувств. До самого потолка он забит разными русскими безделушками, заботливо собираемыми на протяжении многих лет. Венчает коллекцию отлитый из бронзы двуглавый орел, который вроде бы украшал спальню великого князя Константина в Бельведере.

В доме Головина останавливается князь Голицын, когда приезжает в Польшу, — например, чтобы присутствовать на Мальтийском балу.

— Мы дружим семьями, — говорит Евгений Головин, открывая альбом с фотографиями. Из альбома выпадает уведомление о панихиде в 76-ю годовщину мученической смерти императора Николая II, на которую приглашали польские «дворяне». Большинство фотографий сделаны в Москве. Улыбающиеся мужчины в смокингах или мундирах, пошитых по образцу придворных, окружают дам в бальных платьях. Те же лица — на фотографиях, сделанных во время частных встреч. Потомки славных русских родов с аристократическими чертами лица сидят в обыкновенных квартирах московских блочных домов.

— А это уже парижские снимки, — поясняет пан Головин, хотя и без этого объяснения чувствуется иная атмосфера на фотографиях, отражающих спокойную элегантность интерьеров и одежды, типичную для богатого 16-го района Парижа. — Там только старшее поколение говорит по-русски. Их дети не знают ни слова на родном языке, — раздражается Евгений Головин. Впрочем, эта проблема, хоть и в меньшей степени, касается также потомков живущих в Польше русских дворян. — Многие русские из знатных семей делают вид, что не имеют ничего общего ни с чем русским, — признается наконец пан Головин. — Когда я им напомнил, кто они такие, они обиделись и перестали общаться. Прибавили к фамилии «ский» и сделались заядлыми поляками.

Яцек Качмарский

Перевод
Галины Погожевой

ЭПИТАФИЯ ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

Вот путь мой дорога от ада до ада
Несусь сломя голову вниз наугад
Никто не удержит, не скажет — не надо,
Не снимет мостов, не поставит преград!

По краю, по самому краю!
Без цепей над крутизною замираю
Тут стрезва-то с потрохами черт возьмет
Голова моя не варит ни хрена
Волчьей ямой памяти мелькнет
Крутизна!

По краю! По краю! По краю!
Я пока что сам дорогу выбираю.
Проигравшие, схватясь за стремяна,
Не скачи туда, кричат, повремени!
Я скачу, а подо мною крутизна
Та, в которую посыпались они.

Вот путь мой дорога от ада до ада
Я прыгаю в пропасть — конь вынес, и вот
По первому кругу скачу я куда-то
Комедия Данте, но мой перевод.

— Ты иди сюда, иди сюда, иди! —
Девка рыжая маячит на пути
В гриву конскую вцепляется рукой
Конь метнулся — удержишь ли на коне?
— Что с тобою, князь мой дорогой,
Шепчет мне...

По кругу, по кругу, по кругу!
Прочь ты, ведьма, отпусти мою подпругу!
А она мне — и слезы в глазах:
Ты не бойся, родной, не робей,
Не один ты там будешь, казак,
Там в аду очень много людей!

Вот путь мой дорога от ада до ада
Второй уже круг — бестелесных калек
Нагонит мой конь бессловесное стадо
Минует — и вновь начинается бег.

Навеки! Навеки
Осужденные, бедняги-человеки!
То в болоте по колено,
То вы лед дробите тут.
Или смерть людей из плена
Забирает вновь под кнут?

— Не скажи так, не скажи так, не скажи!
Ты, поэт, жалеть нас не спеши.
Мы ушли из рая сами.
Здесь наш угол, здесь наш дом.
Не придут сюда за нами,
Не настигнет тут нас гром.

Ты хозяйюшка лесов, полей, болот
Растопи-ка в бане камни добела
Боль из тел распаренных уйдет
Можно будет целиться в тела.
Там где слева у сердца дрожит весь в поту
Профиль Сталина сиречь отца.
Специально кололи мы сторону ту,
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.

Вот путь мой дорога от ада до ада
Вдруг свет керосина, глаза мне слезя
Блеснул из избушки — стоит себе хата
На третий уж круг повернула стезя:

Заходи к нам! Заходи к нам!
Как ты только умудрился угодить к нам!
Самовар кипит, садись к столу и пей
Пей, сынок,
Самогону с нами выпей, не робей
Будь здоров!

Нам неплохо! Нам неплохо!
Так живем себе, без возгласа и вздоха!
Поживем и порем
Не услышит о нас свет,
После смерти поьем
За прожитых в добром здравье пару лет.

Вот путь мой — дорога от ада до ада
Вот город с домами стена к стене
Немного качаюсь, но ехать-то надо
Четвертый уж круг намечается мне.

В цирк! Не в цирк, тогда в кино!
Включишь телевизор — сказка все равно.
Мать гуляет, папа пьет,
Сын играет в ножички.
Пионерские поет
Песенки про звездочки.

Идите! Идите! На митинг!
Стукачу-то на глаза не попадите!
Ну, сосед — другое дело,
Можно выпить, он как брат,
С ним зато и выпей смело
Он тебе нальет и будет рад.

Вот путь мой — дорога от ада до ада
Вот Гамлет — он шпагу роняет из рук
На лоб его смертная сходит прохлада,
И пятый теперь начинается круг

О мать моя! О моя мать!
Как могла ты перед ним не устоять?
Ведь он мужа твоего убил,
И меня теперь — о как же ты могла?
Он страну твою ограбил, погубил!
Бейте же в колокола!

Тревога! Тревога! Тревога!
Выбирай — твое хотенье или Бога.
Мама, этого не надо,
Мы исправим все, постой!
Цензор из восьмого ряда:
— Нет, в таком виде это пойти не может!

Вот путь мой — дорога от ада до ада
Пиво и водка, вино и коньяк
Последняя Мекка, для лучших награда,
В шестой уже круг мой решительный шаг.

Наверху! Наверху! Наверху!
Сам хотел бы я, скажу как на духу.
Так пожить бы, как там, на горе,
И пожалуй, подольше тогда.
Там живут они как при царе.
Это да!

А внизу, а внизу, а внизу
Корка хлеба и водки стакан
И, шатаясь, бредешь, как в лесу,
Протрезвеешь — печаль и тоска.
Душу сгубишь, сидишь сам не свой.
Так бы бился об стол головой!

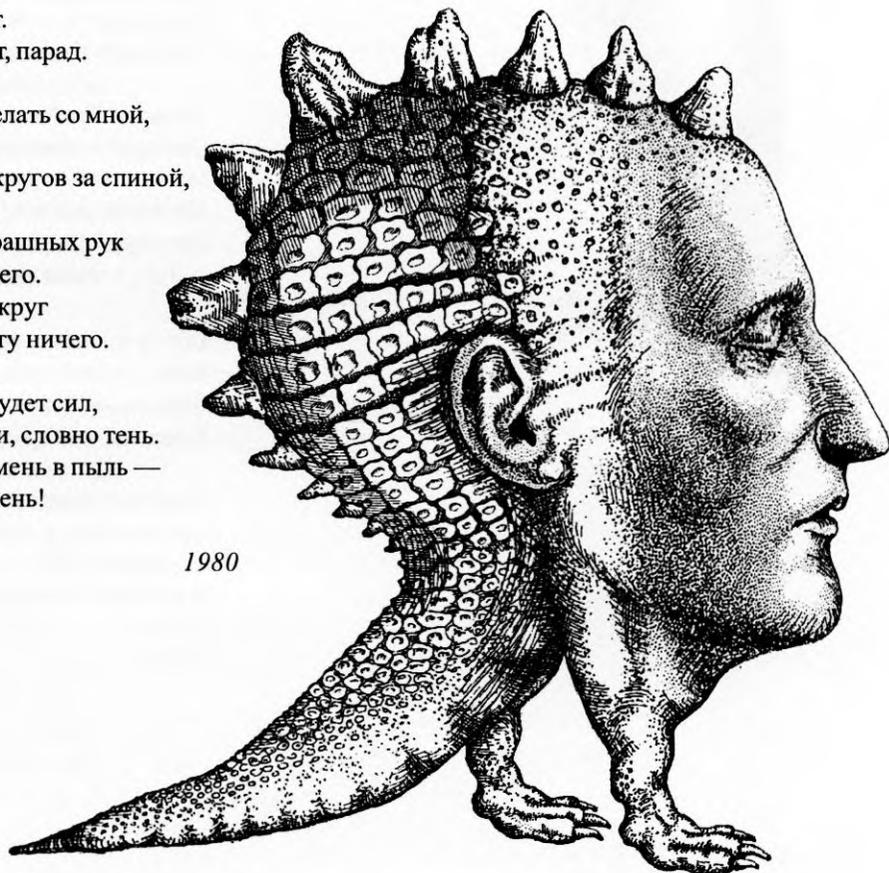
Вот путь мой дорога от ада до ада
И вот надо мною сгущается мрак
В нем бесов мерцает и светится стадо
В седьмой уже круг свой я делаю шаг.

Там молчат и сидят
Все ведь знают — но в глаза мне не глядят,
Все сидят, не встают
Только мутно глядят из-под век
И беззубо все что-то жуют
Целый век!

Вот стою! Вот стою! Вот стою!
А они подшили в папку жизнь мою.
Не читают, меня не пытаются,
А сидят и молчат и молчат.
За окном барабаны играют.
— Снова праздник, а может, парад.

И тут понял я, что хотят сделать со мной,
И сдавил мое горло страх!
Конь пропал, у меня семь кругов за спиной,
А в глаза вам и в очи прах!
И никто ко мне не тянет страшных рук
И я понял, что страшней всего.
Для меня восьмой готовят круг
Круг, в котором больше нету ничего.

Только помните меня что будет сил,
Хоть мелькнул я перед вами, словно тень.
Загните баньку, чтобы камень в пыль —
Я вернусь, когда настанет день!

1980

УЧЕНИК ВЫСОЦКОГО

Из беседы с Яцеком Качмарским

— *Говоря о тех, кто оказал на тебя наибольшее влияние, когда ты только начинал писать песни, ты чаще всего называешь Окуджаву, Брежнева, Брассанса, Дилана.*

— Прежде всего был Высоцкий, а уж потом — все, кого ты сейчас назвала. В их песнях важнее всего были слова. Слушая их, я учился языкам, а главное — набирался умения называть и описывать действительность.

Вначале было слово. Мир создается, когда все в нем получает названия. И для меня это с самого начала было важнее всего. И еще тот вид экспрессии, которым пользовался Высоцкий.

Впервые увидев его «живьем», я осознал, какое впечатление производит его лицо, полное усилий и выразительности, когда артист извлекает из себя этот необыкновенный голос. И я подумал: вот роль для меня, я хочу точно так же переживать то, что делаю.

— *Когда ты впервые встретился с песнями Высоцкого?*

— Не помню точно — мне кажется, у нас дома всегда громоздились магнитные ленты с записями русских песен. Не только Высоцкого, но и Окуджавы или Генрика Шульца, которого позже я встретил в Швеции, а в его репертуаре были «блатные», запрещенные песни, распространявшиеся нелегально. Всеми этими записями я жил как чем-то естественным.

И только услышав живого Высоцкого на домашнем концерте у четы Гофманов, я отождествил его с частью этих записей и признал его для себя самым главным, больше всего говорящим моему воображению.

— *Высоцкого ты увидел в 1974 г., тебе было 17 лет. И вскоре ты написал «Облаву».*

— Я тогда впервые услышал «Охоту на волков», и «Облава» была моим вариантом того, что я запомнил. (...) Мелодия тоже другая — я только старался сохранить тот же характер этой яростной облавы. (...)

Яцек Качмарский — самый знаменитый польский бард, шансонье поколения нынешних сорокалетних, которые не устают возвращаться к его песням 70-80-х. Открывают их для себя и люди младших поколений — молодежь и подростки.

Качмарский родился в 1957 г. в семье художников. С раннего детства был окружен искусством, накопился с картинами старых мастеров — отсюда в его песнях так много обращений к конкретным картинам. Сам он, однако, пошел учиться на польскую филологию.

Очень рано начал писать баллады и петь их под гитару. Первыми его учителями были Войцех

Млынарский и Владимир Высоцкий, но скоро он нашел свой собственный путь. Его лучшие песни написаны на сюжеты из истории, мифологии, Библии, отражают его литературные пристрастия, но в то же время обращены к современности — к характерам людей и тому, какой они делают в жизни выбор. Важную линию в его творчестве составляют также критические (чаще всего сатирические) баллады, комментирующие жизнь при коммунизме либо описывающие эту действительность более символически. Такие песни, как «Облава» (по Высоцкому), «Стены» и «Родник» стали гимнами оппозиционеров его поколения.

Анна Сажинская во вступлении к избранным текстам Качмарского пишет:

«В поэзии Яцека Качмарского политика неразрывно соединилась с историей. С самого начала поэт находил в ней озарения, увлечения, примеры славы и позора, предостережение — словом, все, без чего невозможно понять свое время. (...)

При таком богатом творчестве трудно описать или хотя бы перечислить все затрагиваемые в нем темы и мотивы. Несомненно, к важнейшим принадлежат борьба, поражение, странствие, история и искусство. Однако каждая из них соотносена с человеком. Человек — во всем богатстве своего существования и во всем ничтожестве своего упадка — всегда стоит в центре интереса Яцека Качмарского».

Качмарский дебютировал на эстраде во 2-й половине 70-х. Дважды он становился лауреатом Фестиваля студенческой песни, но в то же время с самого начала выступал неофициально, по частным домам, в том числе в варшавском оп-

— *Если говорить о том, как у тебя проявилось вдохновение жизнью и творчеством русского барда, то вершинное твоё достижение — «Эпитафия Владимиру Высоцкому».*

— Я очень сильно пережил его смерть и долго не был уверен, писать ли об этом вообще. Дома я был воспитан в сдержанности и неприязни ко всякой демонстративности. Не люблю ходить на похороны, не схожу с ума по юбилейным речам. Я очень долго переваривал в себе эту мысль — от июля 1980-го, когда Высоцкий умер, и до ноября, когда я написал «Эпитафию». Помню, все началось с переделки его слов: «Из бани по-белому привезли из Сибири в Сибирь». Я заменил это на «дорогу от ада до ада», что сразу придало произведению некоторый универсальный характер.

И я осознал, что эпитафия ему может стать такой фреской о России, а в принципе — обо всей системе, отсюда появились отсылки к Булгакову, Достоевскому и даже Данте. Я хотел, чтобы «Эпитафия» приобрела как можно более универсальный характер. А раз это такое бахтинское хождение, то туда можно было все вместить: и мои воспоминания о России, и алкоголь, и коммунистические торжества, и жизнь простых людей, и тех жутких бесов, которые несут смерть художнику, не убивая его, а погружая в забвение, уничтожение памяти о нем.

Это очень универсальные символы — надо было только найти оптимальную конструкцию, и я нашел ее в виде кругов ада. С двумя припевами. Первый — переложение из «Банки по-белому», на мой взгляд, лучшей песни Высоцкого. У меня, правда, этого нет, но речь идет о том, что человек хотел бы очиститься от всей этой грязи, которой он оброс, но в какой-то момент отказывается от этого, поняв, что эта грязь, то, чем он пропитался, этот кошмар, — единственное обоснование его бытия. Это одна из важнейших мыслей, которые я понял и хотел передать. Она стала безумно важной после 1989 г., когда люди так поверхностно смыли с себя всякую грязь, поносили памятники и теперь уже не помнят, как оно было.

— *О восприятии «Эпитафии» в России мне много рассказывала Марлена Зимна, знаток творчества Высоцкого. Говорила она, в частности, что ты покорила русских тоном сочувствия к их народу, тоном, лишенным чувства превосходства, так часто у нас, у поляков.*

— Тут другой механизм. И это касается не только Высоцкого и русских. Просто я без остатка отождествляюсь с лирическим героем. Когда пою о России — я русский, а когда о Помпее — житель Помпеи. Может быть, то, что я скажу, прозвучит глупо, но это и творческий метод, и часть моей природы.

Мне даже легче страдать за кого-то другого, чем за себя самого. У меня чувства сильнее, когда я отождествляюсь с чужим страданием, нежели когда пытаюсь обдумать свою жизнь.

Собственная жизнь, даже со всеми ее драмами или несчастьями, кажется переносимой. А боль от чужого страдания терзает меня сильнее. Отсюда и идет все это творчество и весь процесс самоотождествления. (...)

— *Сколько же в таком случае правды в словах одной из твоих песен: «Я просто русофил и антикоммунист»?*

— Русофил — это, может быть, преувеличение, которое могло бы означать, что я страстно люблю все русское. На самом деле речь идет о том, что у меня нет ни малейшего рефлекса неприязни или отталкивания от чего бы то ни было русского. (...)

— *Расскажи еще о сценической судьбе «Эпитафии».*

— Ее премьера состоялась в варшавском театре «Стара прохownia» осенью 1980-го. Я страшно волновался, но приняли «Эпитафию» прекрасно. Цензура ко мне не придиралась, дело было уже после августа, уже можно было сказать гораздо больше. И «Эпитафия» сразу железно вошла в мой репертуар, потому что слушатели понимали, что это не только дань памяти Высоцкого, но и некая попытка синтеза: что такое коммунистическая Россия. (...)

Ее никогда не передавали ни по радио, ни по телевидению, до самого 1989 года. Такие слова, как «Идите! Идите! На митинг!» или предостережение от стукачей, дисквалифицировали, были в то время неприемлемы. (...)

— *Подводя итог: чем ты обязан Высоцкому?*

— Я уже сказал, что в 1974 г. понял: это образ жизни и творчества, т.е. отношение всерьез к чему-то такому несерьезному, как песня. Петь так, словно поешь в последний раз, потому что это придает исключительный характер каждому выступлению. Петь о самом горьком, самом трагическом — в принципе почти истерика, но с насмешливой изнанкой, иронией. (...)

Но возвращаясь к «Эпитафии»: еще по одной причине она стала для меня переломным произведением. Здесь я усвоил форму пастиша, собственной конструкции, основанной на чужих мотивах. Эта конструкция оказалась несущей, особенно пригодной в тех случаях, когда речь идет о других художниках, когда хочешь передать чью-то философию, стилистику или экзистенциальную ситуацию.

Из этого же корня выросли «Эпитафия Бруно Ясенскому» и «Рублев» по фильму Андрея Тарковского; оттуда же — песни «Александр Ват» и «Ян Кохановский». Они навсегда — по крайней мере для меня самого — останутся важнейшими, потому что в их основе — не столько изложение какого-то сюжета, сколько показ мира чужими глазами, показ всех наших драм, внутренних конфликтов, смешных сторон, трагедий сквозь призму чьей-то личности или судьбы: Высоцкого, Вата, Кохановского; это возможность дискуссии с людьми, которых уже нет в живых, так, как если бы они были рядом с нами. (...)

позиционном салоне Анны и Тадеуша Валендовских. Сам он говорит об этом так: «Мне страшно нравилось петь, я любил то чувство раскрепощения, которое сопровождало концерт. Я хотел петь, любил петь — и пел везде. Как в студенческих клубах, так и в частных домах. А оттуда естественным ходом вещей перешел в оппозиционные салоны».

В 1979 г. Качмарский вместе с музыкантами Пшемиславом Гинтровским и Збигневом Лапинским создали музыкально-поэтическую программу «Стены», официально исполнявшуюся в варшавском офф-театре «На роздрожу». Анна Сажинская пишет: «Связующей нитью здесь были размышления о всевозможных ограничениях личности — от политических до экзистенциальных, от социальных до индивидуальных, — содержащихся в самой природе человека. Ввиду напряженного положения в стране публика вылавливала прежде всего политическую сторону программы».

После августа 80-го и создания «Солидарности» они ездили по всей стране с концертами — полные бунта и гнева песни Качмарского сопровождали забастовки и демонстрации. Его провозгласили бардом «Солидарности», несмотря на иронию и горечь, не уходившие из его поэзии.

Одновременно вместе с Гинтровским и Лапинским они создавали новые музыкально-поэтические программы: «Рай» (1980), основанный на библейских мотивах, «Музей» — на мотивах из польской живописи — и «Крик» (1981).

Военное положение застало их на гастролях во Франции. Качмарский решил остаться на Западе. Он был одним из учредителей парижского Комитета солидарности с

«Солидарностью», который поддерживал оппозицию в Польше, помогал полякам, оказавшимся за границей, и мобилизовал западную общественность на протесты против политики Ярузельского. Принимаемый как посланник «Солидарности», он объехал с концертами все континенты. Сотрудничал с радио «Свободная Европа», а с 1984 г. стал штатным сотрудником его польской секции (вел еженедельную передачу «Четверть часа с Яцеком Качмарским»). Все время создавал новые циклы песен: «Доспехи», «Переход поляков через Черное море», «Космополюк» и др., распространявшиеся в Польше на кассетах и в подпольно напечатанных песенниках, как и его более ранние песни. Его присутствие живо ощущалось в независимой культуре 80-х.

В 1990 г. Качмарский вернулся в Польшу и совершил концертное турне с Гинтровским и Лапинским. Через несколько лет он поселился в Австралии, но постоянно возвращается в Польшу, где дает концерты, публику которых составляют как его давние поклонники, так и слушатели новых поколений. Он все время пишет новые песни, публикует также и прозу.

*Составила
Катажина Мадонь
(на основе материалов из
Архива оппозиции
центра «Карта»)*

— Часто ли тебе приходилось слышать, как тебя сравнивают с Высоцким — и по роду творчества, и по стилю жизни, жадному, торопливому, нервному?

— Когда-то — может быть. Кто-то мне даже в шутку сказал, что каждый себе выбирает учителя. Этим учителем может быть и Высоцкий — почему бы нет, — лишь бы не до конца. Речь шла о моих алкогольных подвигах и о том галопе, благодаря которому я успевал жить, как говорится, втрое. Но уже несколько лет как это перестало быть актуальным.

Зато творчество поначалу очень на него походило. Я писал, как Высоцкий, только по-польски, и пел, как Высоцкий, срывая горло.

Но это очень скоро кончилось. Через два-три года я обратился к истории — сначала к истории Польши в программе «Музей», потом к универсальным темам средиземноморской культуры, где искал для себя мотивы. И, естественно, обращался к нашим литературным традициям, главным образом к традициям романтизма, а потом — Возрождения. То есть делал вещи, которые Высоцкому были совершенно чужды. Главное же — я все время черпал образцы из искусства. Так что у меня — искусство, питавшееся искусством, в то время как он в подавляющем большинстве произведений питался жизнью. (...)

Сегодня я знаю, что уже не напишу ничего подобного «Эпитафии Владимиру Высоцкому», потому что в моем возрасте уже не поддаешься подобным восторгам. Даже если бы появился кто-нибудь, способный захватить не меньше, чем Высоцкий.

В молодости он был для меня источником неустанный вдохновения и творческой напряженности... Потом — пожалуй, со времен эмиграции — я оказался в своей лодке. И если даже возвращался к Высоцкому, то уже как к сознательно избираемому стилю. Иногда, когда мне не хватало своих замыслов, я изучал его песни, искал в них вдохновения, но это был уже сознательный творческий метод, а не чувство личной связи.

Беседу вела Гражина Предер

ИЗ КНИГИ «ПРОЩАНИЕ С БАРДОМ»
(Кошалин, 1995)

Януш Тазбир

«ТАРАС БУЛЬБА» — НАКОНЕЦ ПО-ПОЛЬСКИ

Уже более полутора столетия польские читатели и зрители знают Николая Васильевича Гоголя прежде всего как автора «Ревизора» и «Мертвых душ». Несколько меньше, но знают его пьесы «Женитьба» или «Игроки» и прекрасные повести, в первую очередь «Шинель». Но лишь те, кто владел русским языком, имели возможность познакомиться с его исторической повестью «Тарас Бульба». Правда, ее польский перевод вышел еще в 1850 г., но с тех пор ни разу не переиздавался. Он принадлежал перу некоего Петра Гловацкого, народного учителя из Галиции, умершего в 1853 году. «Тарас Бульба, запорожский роман» (так переводчик озаглавил свой труд) вышел в свет во Львове. Ни в одной польской библиотеке это издание отыскать не удалось.

Никто так и не решился последовать примеру Петра Гловацкого (публиковавшегося также под псевдонимом Федорович). Следует, однако, помнить, что отсутствие польских переводов «Тараса Бульбы» в XIX веке — не то же самое, что после 1918 года. На польских землях, входивших в состав России, знание русского языка приобреталось в школах, и неслучайно эта повесть Гоголя была включена в школьный список книг для обязательного чтения как раз в годы усиленной русификации. А во времена II Речи Посполитой, в межвоенные годы, число поляков, способных прочесть «Тараса Бульбу» в оригинале, значительно уменьшилось. Наконец, в ПНР многолетнее изучение русского языка в школах оставалось довольно безуспешным. Воистину на почве природной лени пышным цветом распускается показной патриотизм! Кроме того, когда писали о Гоголе, этой повести старались попросту не замечать.

И все же главная причина, по которой у нас не знали «Тараса Бульбу», состояла в том, что с самого начала эту повесть объявили недоброжелательной по отношению к полякам. Не приходится удивляться, что во всех трех частях разделенной Польши ни одно периодическое издание не решилось опубликовать хотя бы небольшие отрывки из нее.

Польская литературная критика едва ли не сразу выступила с безоговорочно отрицательной оценкой как художественных достоинств этой повести Гоголя, так и ее идейно-исторического содержания. Почин положил известный консервативный литературный критик и прозаик Михал Грабовский. В своей рецензии, написанной по-польски, Грабовский рассматривает все ранее творчество Гоголя, т.е. все, что вошло в циклы «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и «Арабески». В «Вечера», в частности, входит и не лишенная антипольских акцентов повесть «Страшная месть», действие которой разыгрывается в козацкой¹ среде.

Но о «Страшной мести» Грабовский не сказал ни слова, все внимание сосредоточив на «Тарасе Бульбе». Рецензию свою, написанную в форме письма, он сначала опубликовал в русском переводе в «Современнике» (январь 1846), а затем уже в оригинале — в виленском «Рубоне». Грабовский восторгался «Шинелью». Понравились ему также «Нос» и «Старосветские помещики». Но он решительно не принял «Тараса Бульбу», «ибо, скажу Вам в двух словах, повесть очень слабая». Книга эта «из числа таких плодов, которые не отнесешь ни к поэзии, ни к истории». Заранее отвергая упрек в том, что столь резкое суждение могло быть вызвано антипольским звучанием повести, Грабовский напомнил, что в эпопее адресата его письма-рецензии (т.е. в «Украине» Кулиша) «козаки к ляхам дышат во сто раз более яростной ненавистью, но я же воздаю ей должное».

Бросая Гоголю упрек в плохом знании исторических событий, описанных в «Тарасе Бульбе», Грабовский признавал, что вековые отношения козачества и шляхетской Речи Посполитой отличались немалой жестокостью, но грешили этим обе враждовавшие стороны, Гоголь же всю вину возлагает на поляков. Этот упрек неверен: в «Тарасе Бульбе» не раз говорится о зверствах козаков по отношению к полякам всех сословий, не только шляхты (женщин сжигают заживо, младенцев поднимают на копья и кидают в огонь). Гоголь, продолжает Грабовский, не скупится на шокирующие (как сказали бы мы

¹ Поскольку в статье речь идет о Гоголе, мы везде употребляем гоголевское написание слова «козак» и производных от него, ныне включаемых в словари с пометой «устарелое». — *Ред.*

сегодня) картины, заимствованные из народных сказаний. А ведь в течение «долгих лет раздоров поляков с козаками взаимные поклепы неустанно кружили в народе по ту и по сю сторону». Украинцы, одаренные «богатым на выдумки воображением», создавали себе из этого «самые жуткие пугала».

Поддержку народным вымыслам Гоголь нашел в «Истории Русов», которую приписывали тогда перу православного архиепископа Георгия Конисского (1717-1795), — под его именем она и была издана в 1846 году. И до сих пор спорят, кто же подлинный автор этой книги: одни ученые называют Г.А.Полетику (1725-1784); по мнению других, это или его сын, Василий, или канцлер Александр Безбородко, влиятельный сановник при дворе Екатерины II. Гоголь, скорее всего, располагал не книжным изданием «Истории Русов», а списком (они тогда во множестве ходили по Украине). Сочинение это, в сущности, было подделкой, собранием невероятных рассказов, на что обратили внимание уже современные Гоголю критики, в том числе и Кулиш; в «Рубоне» Грабовский ссылался на его мнение, выраженное в «киевской губернской газете», где тот доказал, «сколь мало достоверны повествования Коницкого (так у Грабовского!)». В конце XIX в. выдающийся польский историк Тадеуш Корзон соглашался с теми исследователями, которые утверждали, что «История Русов» — не подлинная летопись, а «самый злобный политический пасквиль, рассчитанный на полное невежество русской публики и литературы».

Но художественная литература управляется своими законами. Здесь зачастую дело решает не достоверность, а красочность повествования. Поэтому так долог перечень писателей, которые полными пригоршнями черпали из рассказанного псевдо-Конисским. Список возглавляет сам Пушкин, тут же оказался и Гоголь. Сравнение соответствующих отрывков «Тараса Бульбы» с текстом «Истории Русов», проведенное Михаилом Балием, показало, что Гоголь частенько обращался именно к этому источнику. Там он отыскал эти рассказы, от которых кровь в жилах стынет, — о медных быках, в которых шляхта живьем сжигала козаков, или о католических священниках, запрягавших в свои таратайки украинских женщин. Байка об ужасающем быке попала и в широко распространенные легенды о смерти Семена Наливайко, которого якобы сожгли в бронзовом коне или волé (на самом деле ему отрубили голову, а затем четвертовали).

И тщетно Валентина Горошкевич и Адам Вшосек страстно доказывали (в предисловии к запискам Яновского), что «История Русов» — «грубая подделка, напичканная самой бесстыдной клеветой и откровенной ложью», «нагромождение из пальца высосанных бредней», «обливающих грязью всю историю Польши». Они же охарактеризовали «Тараса Бульбу» как поэтический парафраз «некоторых отрывков апокрифа (т.е. «Истории Русов». — *Я.Т.*), проникнутых особой ненавистью к Польше».

Но вернемся к уже цитировавшейся рецензии Грабовского, напечатанной в 1846 году. Грабовский упрекал Гоголя в полном отсутствии реализма даже в деталях, очевидном в сцене казни козаков или знакомства Андрия Бульбы с дочерью воеводы. В повести «родовитая барышня кокетничает с отроком, который пробирается к ней через печную трубу» — такого рода поведение, писал Грабовский, пристало бы скорее читательнице романов Жорж Санд, чем высокородной польке. В заключение критик назвал попросту смешным то, что некоторые русские критики сравнивают Гоголя с Гомером, ибо в «Тарасе Бульбе» сравнение это «относится к трупам, а лучше сказать, к чучелу, соломой набитому, каковое рано или поздно обратится в хлам». Вопреки приведенным мнениям, вторая редакция повести была встречена на родине автора еще благожелательней, наверное, и потому, что Гоголь усилил в ней уже не только антишляхетские, но и откровенно антипольские акценты. Потому-то повесть «Тарас Бульба» и была включена в «Походную библиотеку» для солдатского чтения. В тоненькой, всего 12-страничной брошюре было помещено изложение повести, причем особо выпячивалась ее антипольская заостренность, а отрывок о том, как Тарас собственноручно казнит своего сына за измену отчизне, был напечатан целиком.

На рубеже XIX и XX веков в результате переработок и сокращений повесть Гоголя заняла свое место и в лубочной литературе. Одна из таких переделок называлась: «Тарас Бульба, или Измена и смерть за прекрасную панну» (М., 1899).

Тем не менее повесть «Тарас Бульба» во времена Апухтина², должно быть, входила в списки если не обязательного, то рекомендованного чтения в польских гимназиях. Иначе трудно понять реакцию польской молодежи на торжества в годовщины рождения или смерти писателя. Уже в 1899 г. эти торже-

²А.Л.Апухтин (1822-1904) в течение без малого двадцати лет (1879-1897) возглавлял Варшавский учебный округ, который охватывал всю территорию Царства Польского. Он был ярким сторонником русификаторства всей системы обучения на польских землях, входивших тогда в состав России. Эти два десятилетия в Польше окрестили «апухтинской ночью». — *Пер.*

ства натолкнулись на протест польских учащихся. Спустя три года варшавская пресса сообщала, что по случаю 50-летия со дня смерти Гоголя 4 марта в Варшаве, как и повсюду в России, «во всех казенных школах учащихся освободили от занятий». В некоторых гимназиях, как мужских, так и женских, были проведены беседы о жизни и творчестве автора «Тараса Бульбы», состоялось также торжественное заседание в университете. А вечером русская любительская труппа сыграла «Ревизора». Подцензурные газеты, естественно, не осмелились по этому случаю сообщить, что варшавская цензура строго-настрого запрещала играть пьесу Гоголя на польском языке, опасаясь, что она скомпрометирует в глазах здешних зрителей царскую администрацию. Только революция привела к тому, что в декабре 1905 г. этот запрет отменили.

На страницы подцензурной печати не могли попасть и сообщения о протестах учащихся польских средних школ, нелегальные организации которых решительно противились проведению торжеств в честь Гоголя, предписанных школьной инспекцией. «Ну и ну! Талант у Хохоля [пренебрежительная попытка передать украинское произношение фамилии. — *Пер.*] великий, но он понаписал столько мерзостей о поляках. И вот теперь нам, полякам, велит пристойным образом официально поклоняться ему», — вспоминает Петр Хойновский в автобиографическом романе «Глазами молодых» (1933). На несколько иные причины бойкота указывал по свежим следам событий Северин Сариуш Залеский, который заметил, что имя «Хохоля» пробуждает у нас в основном горькие чувства, ибо в его юношеской повести «Тарас Бульба» «поляки — это сплошные Заглобы». Молодежь в Царстве Польском протестовала не против автора повести как такового, она отстаивала принцип равноправия, писал Залеский: «Дайте нам поклониться нашему Мицкевичу, тогда мы поклонимся и вашему Хохолю!..» Протест приобретал различные формы. В Варшаве старались отвлечь учеников средних школ от участия в торжествах, посвященных памяти Гоголя, а Петр Хойновский заставляет юных героев своего романа принимать в них преувеличенное участие. В Сандомире во время торжественного заседания школьники рвали портреты писателя, розданные им учителями. В Ломже ученики расценили юбилей как «одно из проявлений политики русификации».

Роман Яблоновский, впоследствии видный коммунист, вспоминает, что подобного рода празднества, вместо того чтобы пробуждать у молодых людей интерес к русской литературе, приводили к прямо противоположному результату — отталкивали от нее. И если празднование столетия со дня рождения Пушкина (1899) не сопровождалось никакими инцидентами, то гоголевский юбилей, как свидетельствует Яблоновский, «польские старшекласники откровенно бойкотировали». Эту дату отмечали так пышно, что голоса протеста раздались даже из русских консервативных кругов.

С еще большим размахом отмечали в 1909 г. столетие со дня рождения Гоголя; в юбилейных публикациях на первый план наряду с «Мертвыми душами» и «Ревизором» выдвигался и «Тарас Бульба». На этот раз празднества (вечера, спектакли, торжественные заседания) не вызвали у польских школьников никаких особо серьезных протестов.

В межвоенной Польше цензура не разрешила выпустить новый перевод «Тараса Бульбы». Мы узнаём об этом из заметки в «Иллюстрированном курьере цодзенном», который 10 ноября 1936 г. сообщил, что тираж повести был конфискован еще до того, как появился в книжных магазинах. «Причиной конфискации, по-видимому, стало — во всяком случае, могло стать — оскорбление чести и достоинства польской нации и отсутствие исторического правдоподобия». Критически отнесся к этому решению Антони Слонимский в своих «Еженедельных хрониках», печатавшихся в еженедельнике «Вядомости литератке»: «Нерастроченные силы цензуры выстрелили в совершенно неожиданном направлении. Конфисковали польский перевод «Тараса Бульбы» Гоголя (...). Нельзя ставить русские пьесы и исполнять музыку русских композиторов». Впрочем, Александр Брюкнер³ еще в 1922 году писал об этой книге, что она «до сих пор пользуется самой незаслуженной славой». И продолжал: «...фарс, выдуманный пошлейшим образом, да и невероятный, ибо рассказывает о любви хама-козака и польской шляхтянки, которая и не подумала бы взглянуть на хама, об измене отчизне и о казни, которую вершит отец, своими руками убивая сына-изменника».

Раскритикованные Слонимским методы, кстати, применялись нередко. В 1936 г. цензура порезала «Гайдамаков» Т.Шевченко — в частности за то, что там восхвалялась уманская резня 1768 года. Как

³Александр Брюкнер (1856-1939) — известный польский ученый-славист, член нескольких академий, в том числе и Петербургской. — *Пер.*

показало сравнение романа «Золотой теленок» И.Ильфа и Е.Петрова (1931) с его послевоенным изданием, вышедшим под заглавием «Великий комбинатор» (1998), во II Речи Посполитой из него вырезали главу о ксендзах, которые «охмурили Козлевича». Из «Бурной жизни Лазика Ройтшванца» И.Эренбурга (первое польское издание — 1928) исчезло все описание пребывания героя в Польше с насмешками над польскими офицерами и самим Пилсудским.

О «Тарасе Бульбе» в статьях, посвященных Гоголю, в межвоенные годы упоминали наши энциклопедии, прежде всего прославившаяся резкостью своих суждений «Ultima Thule»⁴. Из статьи «Гоголь» мы узнаём, что писатель был, в частности, автором пресловутого «Тараса Бульбы», исторического романа, «опирающегося на предания о польско-казацких битвах, где автор проявил (...) примитивную ненависть к полякам».

По понятным причинам, в ПНР об антигоголевском протесте 1902 г. предпочитали не вспоминать. На торжественном заседании в честь 100-летия со дня смерти Гоголя, которое состоялось 4 марта 1952 г. в варшавском Театре Польском, Мария Домбровская в своем, кстати сказать, прекрасно написанном докладе уверяла слушателей, что Гоголя в Польше всегда знали и ценили, хотя он и творил в эпоху, не благоприятствовавшую «культурному сосуществованию польского и русского народов». Ценили, так как он сумел пробиться к полякам «сквозь весь мрак царской неволи и заговорил с нами языком иной, подлинной, лучшей России». Не удивительно, что в таком контексте не могло найтись места на характеристику «Тараса Бульбы». Мария Домбровская посвятила этой повести всего-навсего половинку весьма туманной фразы: «Пейзажи исторической эпопеи «Тарас Бульба» пронизаны героизмом...»

Энциклопедии, издававшиеся в ПНР, предпочитали об этой повести Гоголя не упоминать ни словом. Причем дело заходило так далеко, что в весьма обширной статье «Гоголь Николай Васильевич», подписанной Натальей Модзелевской, Всеобщая Большая Энциклопедия (ПВН [Польское научное издательство], 1964) «Тарас Бульба» не упомянут вообще. Точно так же поступила в статье о Гоголе и Католическая Энциклопедия. И даже Всеобщая Новая Энциклопедия (Варшава, ПВН, 1995), хотя уже и не было нужды считаться с цензурой, этой традиции осталась верна. Положение отчасти спасало то обстоятельство, что «Тарас Бульба» входит в цикл «Миргород», о котором, естественно, энциклопедии упоминали. В то же самое время большинство западноевропейских энциклопедий или энциклопедических словарей писали об этой повести Гоголя, а некоторые, анализируя все творчество ее автора, даже отдавали «Тарасу Бульбе» предпочтение.

Однако в более основательных описаниях творчества Гоголя столь известную повесть нелегко было обойти стороной. О ней говорилось в книгах по истории русской литературы, предназначенных, естественно, для узкого круга читателей, а также при переизданиях «Ревизора» и «Мертвых душ». Более десятка страниц посвятил содержательному анализу «Тараса Бульбы» Богдан Гальстер в монографии «Николай Гоголь» (Варшава, 1967). Кратко он изложил то же самое в учебнике «Очерки русской литературы» (Варшава, 1975). О восприятии творчества Гоголя во II Речи Посполитой писал Франтишек Селицкий в монографии, посвященной отношению к русской прозе в межвоенной Польше. Здесь наконец нашлось место описать вышеупомянутый бойкот 1902 года. В его изданных после отмены цензуры «Записках русиста» о цензурных перипетиях, связанных с «Тарасом Бульбой», ничего не сказано. Как нелегко было заниматься объективным изучением творчества Гоголя, может свидетельствовать записка Селицкого (ноябрь 1955): «Я отыскал довольно любопытные материалы о Гоголе и его отношениях с польскими воскресенцами (монашеский орден, действовавший в кругах польской эмиграции. — Я.Т.), но что толку, раз этого не используешь».

Поляки, не знавшие русского, должны были верить на слово Михалу Бармуту, который на страницах учебного пособия для преподавателей русского языка писал, что такие произведения Гоголя, как «Тарас Бульба» или «Страшная месть», в эпоху после разделов Польши могли оскорблять патристические и религиозные чувства поляков: «По существу эти произведения были антишляхетскими, а не антипольскими. Но как можно было это разделить в эпоху обострявшейся русофобии и боли от причиненного зла?» Добавим, что при поверхностном чтении «Тарас Бульба» может производить такое впечатление. Если же мы вчитаемся как следует, то отыщем в повести сцены, где поляки выглядят храбрыми, ловкими и умелыми воинами, как, к примеру, брат красавицы-полячки, «молодой полков-

⁴ Всеобщая энциклопедия «Ultima Thule» («Край света», лат.), вышедшая в 10 томах в 1925-1939 гг. — Пер.

ник, живая, горячая кровь». Гоголь признаёт, что козаки бывали не менее бесчеловечны, чем их противники, и упоминает, что «напрасно [польский] король и многие рыцари, просветленные умом и душой», противостояли польским жестокостям.

Отсутствие польского перевода «Тараса Бульбы» выглядит особенно странным на фоне той популярности, которой эта повесть стала пользоваться в Советском Союзе начиная с 1930-х. Значительно раньше, в оперном сезоне 1924/1925 гг., она появилась на харьковской сцене. Автором оперы был Николай Лысенко (1842-1912), один из самых видных украинских композиторов XIX века. Работу над «Тарасом Бульбой» Лысенко закончил еще в 1890 г., но по невыясненным причинам к постановке оперы стараний не приложил. Либретто, полное антипольской настроенности, написал Михаил Старицкий, в составлении его окончательной редакции принял участие поэт Максим Рильский — заметим, польского происхождения. Забегая вперед, добавим, что он же потом написал и пьесу «Тарас Бульба», поставленную в 1952 г. к столетию со дня смерти Гоголя.

В первое время после большевистской революции происходил отход от былых, пропитанных национализмом суждений и предрассудков. Это нашло отражение как в книге Василия Гиппиуса о Гоголе (1924), так и в написанной самим Максимом Горьким истории русской литературы. Горький отметил в «Тарасе Бульбе» многочисленные анахронизмы, отсутствие реализма, гиперболизацию героев, которые в схватках с поляками чересчур сильны и победоносны.

На рубеже 1939-1940 гг. в оккупированном (Красной армией. — *Пер.*) Львове шла драма Александра Корнейчука «Богдан Хмельницкий» (в исполнении театральной труппы из Житомира). Украинским зрителям, должно быть, особенно нравилась сцена, в которой актеры с жаром и пылом рвали в клочья польское знамя с орлом...

Корнейчук написал и сценарий фильма «Богдан Хмельницкий», прошедшего в 1941 г. по экранам Советского Союза в его тогдашних границах, стало быть, и в кинотеатрах Белостока, Вильнюса, Львова. Начинаясь сценой, в которой «польские паны» истязали козаков, а те сносили пытки мужественно и кляли своих мучителей. Утонченная жестокость поляков в фильме показана не раз, экран просто захлестывала кровь невинных жертв. Но не только этим картина напоминала «Тараса Бульбу». В фильме, как и в повести Гоголя, не было положительных образов поляков. Особенно отвратительна была польская жена казацкого гетмана Елена. И на этот раз авторы не отказали себе в удовольствии показать, как победивший Хмельницкий топчет польские знамена с орлами. Понятно, что этот фильм, снятый режиссером Игорем Савченко, так никогда и не вышел на экраны ПНР, как, впрочем, и другие антипольские кинокартины, снятые между подписанием советско-германского договора о ненападении и нашествием Третьего Рейха на СССР, — назовем хотя бы «Ветер с востока» Абрама Роома.

Победа националистического течения в советской историографии, но в еще большей степени агрессия СССР против Польши, увенчавшаяся аннексией ее восточных земель, привели к тому, что критические суждения Гиппиуса и Горького были обречены на забвение. Торжественное празднование трехсотлетия Переяславской Рады (1954) сопровождалось несметным множеством публикаций, восхвалявших положительные результаты воссоединения Украины с Россией «навсегда». Советские литературоведы принялись восхищаться художественными достоинствами второй редакции «Тараса Бульбы». Повесть якобы значительно выиграла от внесенных в нее автором изменений и дополнений. В 1963 г. Н.Л. Степанов одобрительно отмечал, что именно благодаря им Тарас Бульба из козака, склонного к буйству и скандалам, превратился в сознательного и негибкого борца за независимость Украины. После долгого перерыва повесть вновь включили в школьное чтение, что привело к постоянным ее переизданиям, разумеется, большими тиражами. И в этом отношении советская школа продолжила традиции царской.

Решающую роль тут, несомненно, сыграло то, с какой настойчивостью Гоголь подчеркивал, что козаки воевали с польской шляхтой ради защиты Русской земли. Тут уж можно было и не обращать внимания на то, что писатель полностью разделяет веру запорожцев в приход «добротного царя» и часто повторяет, что они посвятили себя защите «святой православной веры» от экспансии католичества, которое желала навязать козакам польская шляхта, вдохновляемая иезуитами. Когда в беседах со своими коллегами, украинскими историками, я выразил опасение, что повесть Гоголя формирует у читателя чересчур отрицательный и односторонний образ поляка, я услышал в ответ, что к ней следует относиться как к приключенческому роману: школьники воспринимают ее примерно так же, как «Трех мушкетеров». Должно быть, аналогично следует и украинским зрителям воспринимать оперу «Тарас Бульба», которой и по сей день открывается каждый оперный сезон в Киеве.

Фильмы, снятые по «Тарасу Бульбе», можно смотреть как экзотическую сказку, точно так же, как многократно экранизированный «Царский курьер» по роману Жюль Верна «Мишель Строгофф» (его то и дело повторяет наше телевидение). Однако «Тарас Бульба» в известной мере влияет на формирование образа жестокого шляхтича-поляка, который некогда так охотно и безжалостно преследовал благородных и рыцарственных казаков. А предисловия и комментарии, сопровождающие многие переводы повести, именно в этом духе читателя и настраивают. Об этом свидетельствуют, скажем, переводы «Тараса Бульбы» на итальянский язык. Только в 1954-1989 гг. в Италии появилось 19 изданий повести (обычно вместе с другими произведениями Гоголя). С 1990 г. и до настоящего времени вышло еще шесть изданий, а вдобавок в 1996 г. «Тараса Бульбу» выпустили в форме комикса как приложение к журналу для детей «Джорналино».

Повесть Гоголя переведена чуть ли не на все европейские языки, включая албанский, сербско-хорватский и фламандский. Переведена она и на украинский (переводчик — Микола Садовский) и белорусский языки, но, кажется, эти два перевода публиковались только в межвоенной Польше.

Дождялся «Тарас Бульба» и перевода на арабский, китайский, корейский, персидский и японский языки, а также на идиш (на идише повесть издана в Польше до войны).

Обширная библиография переводов «Тараса Бульбы» (доведенная до 1963 г.) в разделе «польский язык» сообщает, что после издания 1850 г. вышел еще один перевод в томе избранных произведений Гоголя (Варшава, «Читательник», 1956). Но это не так: источник ошибки, по всей видимости, в том, что за основу польского издания взяли российский том избранного, а варшавская цензура в последний момент «Тараса Бульбу» выбросила. Перевела эту повесть Мария Лесневская. Перевод, говорят, был очень хорош, но, к сожалению, машинопись после смерти переводчицы пропала.

Запрет на публикацию «Тараса Бульбы» по-польски отражал главный принцип, определявший всю цензурную политику ПНР: согласно этому принципу, нельзя было издавать сочинения, способные нанести ущерб «вековым традициям» польско-русской дружбы. Руководствуясь этим, не разрешали, скажем, перевести на польский язык известный роман Михаила Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), часто переиздававшийся у наших восточных соседей. Отметим, что, живописуя польскую шляхту, Гоголь обращался к этому роману.

Уже в ПНР жертвой цензуры в вышедших томах «Дневников» Стефана Жеромского оказались все его отрицательные оценки России, русских, русской культуры и русского характера. С этой точки зрения, цензура ПНР следовала традициям царской цензуры, которая, к примеру, не позволяла переводить на польский язык цикл юмористических повестей Лейкина (1841-1906), где высмеивалась купеческая супружеская пара из Москвы, путешествовавшая по Европе. Запрет мотивировали опасением, что они вызовут издевательское отношение поляков, утверждая их во мнении о темноте и варварстве русских. Забота о добром имени русских простиралась так далеко, что в 1884 г. наряду со многими другими книгами было велено изъять из варшавских библиотек и публичных читален, а также книжных собраний, принадлежавших различным обществам и клубам, все книги Лейкина. И в ПНР ни одна из книг этого автора, так часто издававшегося в Польше между двумя войнами, тоже не печаталась.

Много лет назад Ян Кухажевский писал: «...пусть автор, пытающийся изобразить русский антисемитизм как чуждый национальному духу, возьмет в руки «Тараса Бульбу» Гоголя с его Янкелем». Оставим в стороне «забавную» сцену кидания евреев в Днепр («суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались в воздухе»), но ведь и арендаторов-евреев Гоголь рисует безжалостными эксплуататорами украинского народа, повинными в экономической разрухе многих крестьянских хозяйств и дворянских усадеб. И уж совершенно невероятная выдумка, повторяющаяся про крайнюю меру с середины XVIII века, — приводимое Гоголем известие о том, будто евреи получали от «польских панов» в аренду православные храмы, а за ключи от них требовали щедро платить. Многие критики, как русские, так затем и советские, увидели в Тарасе Бульбе олицетворение вольного казака, который борется за освобождение своей отчизны от ига польских панов. Как справедливо заметил Анджей Кемпинский, паны эти были вписаны в давно сложившийся стереотип: «Они расхаживают в красных и зеленых кунтушах, подкручивают пышные усы, спесивы, надменны, свое нравны и несдержанны, словом и жестом постоянно выражают свое непримиримо враждебное отношение к Руси и России».

Напрашивается вопрос: имеет ли смысл — и если да, то какой — издавать повесть, в которой наши предки изображены преимущественно в черных красках? В этом отношении судьба «Тараса Бульбы» совершенно не похожа на судьбу «Огнем и мечом» Сенкевича — романа, который никогда не переводился на украинский язык (впрочем, и III часть «Дзядов» Мицкевича не издавалась по-русски до 1952 года). Но в этом и не было необходимости: до большевистской революции в России вышло целых пять собраний сочинений Генрика Сенкевича.

Козаки у Сенкевича, хотя и бывают жестоки и примитивны, — все-таки люди, способные вызвать у читателя даже некоторую симпатию. Павел Ясеница справедливо обращал внимание на то, что шведы в «Потопе» изображены как войско, достоинства которого автор ценит, «но к которому не испытывает никаких добрых чувств». А если дать прочесть описание похода отрядов Хмельницкого на Кудак человеку, не знакомому с романом, тот скажет, что это «рассказ о походе армии, которая пользуется безусловной нравственной поддержкой автора книги. И его весьма удивит сообщение, что так изобразил Сенкевич выступление неприятеля». По мнению Ясеницы, прием, использованный Сенкевичем, — прославление мужества противника — прямо вытекает из гомеровского эпоса и всегда приносит художественный успех. У Гоголя же поляки иногда изображены трусливыми. Поэтому даже благорасположенная к нему русская критика упрекала писателя в том, что в результате мужество козаков выглядит неубедительным, а их победы — слишком легкими.

Еще Александр Брюкнер подметил некоторое сходство «Трилогии» Сенкевича с повестью Гоголя. И Богун, и Азья напоминают Андрия Бульбу; оба героя Сенкевича так влюблены в полячку, «по ней они сохнут, за нее гибнут — да не такова была порода и не таковы были времена. Ведь козак и татарин не бабники же», — но обрисованы они эффектно, «хотя и ценой исторической правды». А Юлиан Кшижановский предполагает, что на образ Богуну и его несчастной любви к Елене мог повлиять «Тарас Бульба», которого Сенкевич, должно быть, читал еще на школьной скамье. Благодаря Гоголю и «Трилогия» богата живописными, но маловероятными эпизодами: Богун избавляет свою избранницу от гибели и позора в захваченном Баре, как и Андрий Бульба спасает дочь ковенского воеводы от голодной смерти. Трудно отделаться от впечатления, что если бы Елена Курцевич ответила Богуну взаимностью, то он последовал бы примеру Андрия, т.е. изменил бы делу козачества и вместе с верными ему козаками перешел бы под руку князя Яремы.

«Тарасу Бульбе» Сенкевич обязан и образом степи, которую он описал, рассказывая о походе Скшетуского на Сечь. Сам Сенкевич признавался, что «Огнем и мечом» он рассматривает как поправку к тому образу козачества, который создал Гоголь в «Тарасе Бульбе». По мнению Кшижановского, эпическое воображение Гоголя, вдохновляемое Гомером, народными думами и сказками, не выдерживает сравнения с талантом Сенкевича в описании батальных сцен. И хотя Кшижановский противопоставляет «многословное и скучное описание осады Дубна козацкими войсками» картинам осады Каменца или Збаража у Сенкевича, он все же признаёт, что эхо героической гибели Кукубенко отчетливо слышится в сцене последних минут жизни Подбипенты у Сенкевича. Кшижановский называет Гоголя писателем, «обладавшим сомнительными историческими знаниями» и совершенно лишенным исторического чутья. Поэтому и повесть «Тарас Бульба» пестрит «забавными анахронизмами».

И у Гоголя, и у Сенкевича все происходит на той же самой Украине; отсюда родом и автор «Тараса Бульбы». Его предок Остап, могилевский полковник, получил дворянство в 1676 г. на коронационном сейме в Варшаве, в котором он принимал участие. Он, впрочем, часто менял свои политические симпатии: то воевал на стороне Речи Посполитой, то — позднее — под русскими знаменами. Было время, когда он вступил в союз с татарами, но вскоре вошел в тайные сношения с Турцией и принял участие в осаде Каменца. Можно сказать, что предок Гоголя осаждал крепость, среди защитников которой находился и герой последней части «Трилогии». Остап был прямой противоположностью козакам, выведенным в «Тарасе Бульбе» и неизменно верным одному и тому же своему делу. Гоголь, вероятно, просматривал в семейном архиве универсалы и привилегии, данные Остапу Яном III Собеским, в том числе и вышеупомянутую грамоту на дворянство. Внук Остапа Ян Гоголь перебрался на Полтавщину. Потомки Яна по имени своего пращура прибавили к фамилии прозвание Яновские.

На исторические традиции наложился и личный опыт. По разным причинам Гоголь терпеть не мог своего польского зятя, Дрогослава Трушковского из Кракова, который в 1832 г. женился на его сестре Марии. Донимали писателя и литературные критики Фаддей Булгарин и Осип Сенковский, родом поля-

ки. Правда, никто не мог обвинить их в недостатке русского патриотизма, но в Санкт-Петербурге обоих почитали за чужаков. Забегая вперед, можно сказать, что вышеупомянутая рецензия Михала Грабовского на «Тараса Бульбу», напечатанная сначала по-русски в «Современнике», могла лишь обострить антипольские настроения Гоголя.

Таким образом, не прав был Петр Хмельёвский, пытавшийся представить Гоголя другом поляков, который якобы восторгался их патриотизмом, как и они, ненавидел Россию и верил, что Польша обретет независимость. Поэтому царская цензура и запретила в 1903 г. распространение составленных П.Хмельёвским «Картинок из жизни Н.Гоголя» (изданы в Бродах, на территории австрийской Галиции).

Из-под русского языка Гоголя пробиваются семантика и синтаксис родного наречия. Русский лингвист Иосиф Мандельштам писал в 1902 г., что «языком души» Гоголя был украинский; даже профан легко отыщет в его сочинениях «чудовищные украинизмы», даже целые украинские фразы, не переведенные на русский язык. В исторических повестях Гоголя, особенно в «Тарасе Бульбе», бросается в глаза, прежде всего в титуловании, влияние польского языка. Гоголь, по словам И.Мандельштама, чувствовал, что многие из используемых им слов — полонизмы, а потому и приводил соответствующие им русские выражения.

У Гоголя русское национальное самосознание всегда боролось с украинским. Украинские националисты не могли простить Гоголю этой своего рода измены. В конце мая — начале июня 1943 г. в оккупированном немцами Львове они устроили «суд над Гоголем», где раздали обвинения в том, что «Тарас Бульба» — это «оскорбительный памфлет на Украину», автор же его отнюдь не гений, а «подлый ренегат», «паук, который высосал кровь из своей Украины для москалей». Все его творчество, считали обвинители, — изображение Украины в кривом зеркале.

Такие обвинения не помешали отряду Украинской повстанческой армии называться бульбовцами. Они продолжили традиции легендарного Тараса, который по воле Гоголя добрался до самого Кракова, чтобы убивать там поляков целыми семьями. Командир бульбовцев Максим Боровец, отличавшийся беспощадностью и жестокостью, взял себе псевдоним Тарас Бульба несомненно из повести Гоголя.

Не следует упускать из виду, что литературный жанр, к которому принадлежит «Тарас Бульба», — это исторический антироман. Уже хотя бы потому, что автор (сознательно?) не включает в повесть ни одного исторического события. Он только мельком упоминает такие фигуры, как киевский воевода Адам Кисель (1600-1653) или краковский кастелян и великий коронный гетман Миколай Потоцкий (ок. 1593-1651). Несколько раз в повести упоминается «французский инженер» — это, конечно, Гийом ле Вассер де Боплан (ок. 1600-1673), который в 1630-1648 гг. жил на Украине, где, в частности, занимался строительством фортификаций. Гоголь в своей повести многое заимствовал из его описания Украины.

Богдан Гальстер справедливо назвал «Тараса Бульбу» ретроспективной утопией, которая служила созданию романтического мифа о козачестве. Гоголь изображает Сечь «как ультрадемократическую козацкую республику, как сплоченное, беспредельно свободное и равноправное» общество. Все его члены руководствуются одной целью: «пожертвовать личными ценностями (семьей, достатком) во имя общей идеи (отчизны, веры). Именно такой уклад жизни, по мнению писателя, способен рождать героические характеры, отсутствие которых в современной ему России Гоголь болезненно переживал».

Нет особого смысла начинать тут полемику с историософскими рассуждениями Гоголя или упрекать на встречающиеся в повести исторические неточности. Тадеуш Бой-Желенский написал однажды: чтобы сказать неправду, вполне хватит двух строк. А чтобы восстановить истину, порой и двух страниц мало. Так давайте читать повесть Гоголя как своего рода сказку, в которой злая фея одарила поляков ролью злодеев.

Теперь это возможно благодаря тому, что издательство «Читательник» выпустило «Тараса Бульбу» в превосходном переводе Александра Земного.

Ежи Ястшембовский

ЛЕМКОВСКИЕ ГОРЫ НЕСЧАСТИЙ, ИЛИ РУСИНСКИЕ ГОРЫ СВЯТЫЕ, ГОРЫ ПРОКЛЯТЫЕ

*Я вас люблю, як и своїх, цыгане-романе,
Вас голодных и обдертых и споневе­раних.
Не мате своей отчизны, нигде не признаны,
Лем любите наши горы, бидуєте з нами.*

Иван Руденко. Лемковина

Снова грохнуло, шмякнуло — словно комом грязи, и солдатик с красной звездой на пилотке повалился в прыжке под откос, прямо под ноги подбежавшему пареньку. Ванько Голута гнал по дну оврага лошаденку, перепуганную минометным огнем. Он до сих пор не забыл: ствол автомата воткнулся в дно ручья, а на бритом затылке молоденького солдата — в палец шириной щель от осколка.

— Крови-то было не так уж и много, — удивляется 72-летний ныне Ян-Иван Голута. — Вон там он лежит, — показывает на заросли кустов над ручьем. — Товарищи сняли с него сапоги, раздели до исподнего, где упал — там и зарыли, но не глубоко, сразу лисицы откопали. Только соседка похоронила его как положено. Лежать тут ему теперь до Судного дня. И возле этого ручья не он один такой.

В сентябре 1944 года семья Голут — мать Ева и трое сыновей: Василь, Ванько и маленький Федько — пряталась в овраге (отец семейства Миколай остался в селе, сторожил хаты от пожара).

— Напротив нас, — вспоминает Ян Голута, — сидел на корточках старик-возница в лянцовой гимнастерке. Спина упирался в ствол старого граба (вон, видите, остатки пня — лет десять, как тот граб срубили), держал пару коней на короткой узде, возле самых морд, и говорил матери по-русски на украинский манер: *«Хазяйка, не удырайтэ тепер, а то вас ребята убьют»*. Вдруг стихло, он кричит: *«Тепер удырайтэ, а то будет большое сражение»*. Мы — давай Бог ноги, пробежали вниз, к селу, шагов двадцать, вдруг страшный грохот и дым там, где мы только что сидели. Вернулся я: кони стоят, как стояли, старик сидит, как сидел, только голова на грудь упала. Добрый, видать, был возница, коли и после смерти поведь-ев из рук не выпустил. Тут его и схоронили, в двух шагах от оврага.

Недавно жена Яна видела, как землемер вкопал на этом месте геодезический столб. Даже не заметил, говорит Марыся, что кости людские по-выкидывал. Марыся зарыла кости старика аккурат на том же месте.

— В этих горах, — говорит Ян, — под каждым деревом, под каждым кустом терновника — где солдат лежит, где партизан, где гражданский. Через несколько лет после войны, летом, поехали мы как-то с отцом в Поляны, отсюда километров пять будет через горы, а там, высоко на склоне, полосами снег белеет. Был уже июль, в эту пору в наших горах снег не лежит. Отец и говорят мне: сходи-ка глянь, что это так блестит. Пошел я, а там череп на черепе, и кости человеческие, уж дочиста обглоданные, ветром и солнцем повыбеленные. А железа-то, железа: каски покореженные, автоматы, подойти страшно...

НАЧАЛО

Село Тылава в Нижних Бескидах. Дукельский перевал — карпатские ворота с юга на север и обратно. Старинное селение лемков, западных сопле­менников карпатских русинов — гуцулов с Черногорья и бойков с Горган. Волны валашских и восточнославянских пастухов накатывали на эти места веками, перемещаясь по Карпатам с востока на

запад, создавая особую культуру и этнический тип. Этнографы называли их карпато-русинами. Австрийцы и венгры, бывало, — «москвофилами» и русской пятой колонной. Украинцы считали их отщепенцами. Иные поляки — украинцами. Так началась лемковская геенна.

В сентябре 1966 г. шел я вверх по дороге от Дукли с тяжелым рюкзаком, поглядывая на хаты — где бы притулиться на ночь. Из предпоследнего двора

выехал воз — как я вскоре узнал, со старым Миколаем и молодым еще Яном Голутой, которые ехали в поле за последними в то лето копами овса. Я рискнул. Рискнули и они. Отказались пустить меня на ночь в сарай — *«бо пан змэрзнут, у нас в горах по ночам уже иней, ночевать будут пан с нами, в доме»*. Только лет через тридцать с лишним я узнал, что они сперва крепко подумали:

не слишком ли велик риск — неизвестно, кем может оказаться пришелец, а кроме того... Я тогда понятия не имел о лемках. Не знал и того, что быть поляком в этом уголке Польши — не всегда хорошая рекомендация. Но как говорит теперь Ян: «Вернулись мы с поля, а дети уж играют с вами, как со своим. Значит, не может такого быть, чтоб злой человек, беспреренно надо его и накормить, и на ночлег пустить». Мне оказали такое искреннее гостеприимство, что временами я даже неловко себя чувствовал. Началась необычная дружба, которая годы спустя дала плоды в виде таких признаний, о которых случайному гостю из равнинной Польши было нечего и мечтать.

■ **ЛЕМКИ — ПОЛЯКИ ИЛИ УКРАИНЦЫ?**

Проблема замазывания этнического и культурного своеобразия лемков всплыла уже во время одного из первых наших горьких разговоров со старым (его давно нет в живых) Миколаем Голутой — 35 лет назад. В 1924 г. его призвали в армию и отправили в уланский полк, стоявший в Перемышле. Однажды ночью офицер зашел на конюшню проверить коней — дочиста ли выскоблены. На одной из конских холков белая перчатка потемнела.

— И пошло-поехало, — говорит Миколай, — среди ночи побудка, марш на плац — лечь-встать, лечь-встать. А там дождь, лужи. Я падал на руки, чтоб мундир не замочить. Вахмистр заметил, да как прижмет к земле сапогом: «Чтоб через десять минут, падаль, назад — в выстиранном мундире, будешь у меня до утра плясать!»

Я улыбаюсь и толкую старому улану про то, что над рекрутами издеваются во всех армиях мира. Миколай переваривает эту мысль, переваривает и наконец выталкивает из себя свою боль: «Да разве во всех армиях мира солдат обзывают украинской падалью? А я ведь не падаль, и не украинец — а человек и лемко».

Позднее Миколай Голута, тогда уже старший улан и полковой шорник, стоял со своим полком в Грудеке-Ягеллонском (теперь это западноукраинский Городок). Солдатскую присягу на верность Речи Посполитой он сдержал — и еще как!

■ **ПАН ЮРЕК, ВАМ ПЕРВОМУ...**

— За столько лет мы первый раз об этом говорим, потому как человек никогда не знал, что добром обернется, а что боком выйдет, — после дня работы в поле Ян Голута опирается о ворота сарая. — Еще в первую осень войны, в 39-м, приехал к нам автомобиль, вышли из него двое в гражданском, но что-то больно уж на военных смахивали, и отец сразу прогнали нас из хаты, а с ними заперлись. Потом мать дали им поесть, а на ночь они с отцом ушли, и отец вернулся в грязи, только под утро. Мы только разок спросили, но отец на нас

так посмотрели, что мы сразу поняли: военная тайна — и больше никогда, до самого дня его смерти, ни о чем не спрашивали. А потом месяца не было, чтоб кто-нибудь в окно со стороны поля не постучал — мы же с братом Василем всё слышали, — а отец молча одевались и возвращались только наутро.

Как оказалось почти через полвека, улан Миколай Голута был проводником польских курьеров-подпольщиков, направлявшихся через Карпаты в Венгрию.

— И не он один, — продолжает Ян. — Попеременно с ним ходил Миколай Кукулак из нашего села, да наверно и сосед Гомзик, хотя точ-

но мы этого не знаем, а только догадываемся по тому, как отец с ним говорили.

— Как Гомзика звали?

— Да как... Василь Губик.

— Минутку, минутку — так Губик или Гомзик? Теодор Голута, брат Яна, хохочет:

— Ой, пане Юрек, вам еще учиться и учиться лемковским обычаям. Фамилии у лемков были для властей, ведь всякая власть только по фамилиям людей и различает. А между собой лемки звали друг друга по прозвищам. Нашего отца, Миколая Голуту, звали Онуфрием, а Василя Губика — Гомзиком. Вот и вся премудрость.

■ **ЛЕМКОВСКИЕ ДРАМЫ**

— С Гомзиком и его семьей трагедия случилась, — продолжает Ян, опираясь на хомут, висящий на воротах сарая. — Дело было так: в первую осень после войны советские и польские офицеры ходили по селу и шибко уговаривали на Украину ехать. А уж врالي-то, врали! Говорили: вы же православные украинцы, тут все погорело, а на Украине вас дома ждут, и земли сколько *угодно*. Ну и, знаете, кое-кто на это клюнул, а среди них и Гомзик. Эшелоны двинулись зимой. Но уже на станции Крулик под Рымановом военные продержали переселенцев шесть недель на морозе, без фуража и хлеба. Сначала скот стал падать, а потом и люди. Так и Гомзик с семьей погибли. А от тех, кто выжил и добрался до Украины, такие вести стали приходить — хоть плачь! Но вернуться им уже не дали. До сих пор им там некоторые говорят: такие вы сякие, вы поляки!..

Позднее, после того как застрелили Сверчевского, уже никто никого не уговаривал, а просто выселяли на западные польские земли.

— Польский офицер ходил по деревне с бумагами, на каждого у него что-нибудь да было, и выспрашивал: где родились, в какой вере крещены — а все село было православное, — что при немцах делали? Отец сказали всю *правду*, а другие (видно, как и Гомзик раньше), боялись, что им выстрелят в

спину, и ничего не говорили. В конце концов офицер сказал: только Голута и Кукуляк с бугра *прауду* говорят, а остальных — на выселение. Были такие, что попали тогда в лагерь в Явожне, а оттуда трудно было выйти живу-здорову. А все через нашу лемковскую натуру, пане Юрек, ведь лемко не кричит, не бунтует, ему хоть целую армию на шею посади — он только зубы стиснет да сильнее на *хомито* навалится, — заканчивает Ян, показывая на хомут.

Я удивляюсь, почему все село было православным: лемки издавна были в основном греко-католиками, униатами. А теперь все поголовно — римские католики. Как же так?

РАССКАЗ ТЕОДОРА

Теодор Голута, он же маленький Федько из оврага (в православном крещении нарекли его Федором), приглашает в свой дом, напротив Яна. Двадцать семь лет, до самой пенсии, он был учителем в средней школе в Тылаве. Говорит сочным, литературным польским языком, которому мог бы позавидовать не один варшавский политик.

Православие пришло в село по случаю, причем довольно несчастному. Когда-то все тут были греко-католиками, но однажды приход принял жадный священник, безразличный к

людским бедам. Произошел несчастный случай: один парень во время строительства свалился с крыши дома этого священника и кости переломал. Так тот не только к врачу его не отвез и никак ему не помог, но даже ничего не дал семье в утешенье. Тогда люди взбунтовались, все вместе пошли и попросили прислать им православного попа. Давно дело было. А вот с римским католичеством — это уже история, связанная с послевоенной политикой.

— После войны православного священника не было, не надо вам объяснять, почему. Приехал из Дукли ксендз Котуляк, велел полякам построиться отдельно, а лемкам отдельно и объявил, что православных исповедовать не будет. Бабы сразу обиделись и ушли. Но поскольку не похоже было, чтоб поп еще когда-нибудь тут появился, сожженную церквушку восстановили уже в качестве костела, а преемник ксендза Котуляка стал уже всех исповедовать, так что по прошествии лет те лемки, которые выжили и которых не увезли, как-то прибились к римской Церкви. Но у нашего старшего поколения до сих пор жива обида на ксендзов, которые дали нам тогда понять, что мы — христиане низшей категории.

Глаза Теодора увлажняются:

— Пане Юрек, в лемках по сей день остался страх — опасение перед неправильным национальным обозначением. Все нам говорили, что мы —

«ихние»: мадьяры и украинцы, поляки и советские. А мы, как услышим: «вы наши», — то уж знаем: либо в армию будут забирать, либо на извоз, либо рвы копать, либо в лагеря интернируют. В первую войну хуже всех были мадьяры — называли лемков москвофилами и пятой колонной¹, всех лемковских старейшин угнали в лагерь Талергоф, мало кто оттуда вернулся. Во вторую войну немцы натравили на нас украинцев. В нашем селе до войны жило двести семей, в том числе несколько польских, три еврейских, все остальные — лемки. Украинская полиция предписала лемкам объявить себя украинцами. И что вы скажете — ни одна семья в список не записалась. Полицейские нам мстили: если кто из них шел по дороге, каждый лемко должен был заранее шапку снять и крикнуть: «Слава Украине!» Ян шапку не снял, ему так надавали, что вся физиономия распухла, пока до дому добежал.

Ян: — Учитель-украинец велел нам по-украински кричать «Слава Украине!», когда входил в класс. Но мы отвечали, как были приучены: «Слава Иисусу Христу».

Теодор: — А после войны поляки из лемков делали украинцев, да вдобавок еще и бандитов. А ведь на наших землях украинцы не жили и УПА не было, а единственная банда появилась после войны: бандиты

сожгли десятка два домов, награбили, сколько сумели, некоторые из них говорили по-польски, а у того, которого солдаты застрелили недалеко отсюда, были мадьярские военные рейтузы. Он лежит точненько под нынешним расширенным шоссе: вон, над ним как раз автофургон проезжает.

Потом против лемков велись расследования, а уж как они велись — я вам рассказывать не стану. В этих местах еще живут поляки, которые измывались над лемками в 40-е годы, а мы отворачиваемся, делаем вид, что не помним. Если б мы были мстительны, этих поляков давно бы уж не было в живых. А когда старшего брата Василя взяли в армию, его сразу послали в Силезию, в штрафной батальон: он на металлургическом заводе, на подъездных путях, уголек кидал. А почему? Да потому что украинец, подозрительный элемент.

Так и получилось, пане Юрек, что в Польше нас украинцами прозывали, на Украине — поляками, а мы-то не то и не другое: здешние мы, лемки. А приходилось скрывать, кто мы такие.

¹Здесь, в речи одного из героев репортажа, и выше, у автора, заимствовавшего это выражение у своего собеседника, — явный анахронизм: выражение «пятая колонна» появилось лишь в конце 1930-х. — *Ред.*

Теперь в Польше несравненно лучше, но еще в 60-е годы, когда вы у нас появились, родители боялись при вас говорить по-нашему и даже одни при открытых окнах боялись. Потому что, если б кто подслушал, что говорят не по-польски, тут же мог донести войту, а войт у нас лютый был. Даже дети, с которыми вы играли, не хотели при вас говорить по-своему.

ДЕТИ

Ева родила старому Миколаю троих сыновей: Яна, Василя и Теодора. У Яна с Марысей — три сына: Миколай, Влодек и Янек. Влодек женился на американской лемкине и строит дома под Нью-Йорком. Янек женился, живет и работает под Яслисками. Миколай взял в жены лемкиню Пелагию из деревни Поляны, они основательно отстроились поблизости от отца, Пеля родила ему троих сыновей: Кшися, Ярека и Радека. Семья Голут — одна из трех в деревне, в которых родители еще обращаются к детям по-лемковски, а дети отвечают — когда поблизости нет чужих — на том же языке. До войны, говорит Теодор, таких лемковских семей в Тылаве было двести.

Война, послевоенные преследования, эмиграция (нынче в одном только Нью-Йорке лемков больше, чем во всей Польше), а в последнем поколении — школа и телевидение привели к тому, что ареал лемковской культуры, которая искони жила в этих горах, быстро сужался. Старый Гоч в Зиндрановой еще творит чудеса, чтоб сохранить в соседней деревушке (пять километров по дороге и три горной тропой) лемковский этнографический заповедник, еще организует фестивали песни и танца, но денег из министерства культуры и воеводства поступает все меньше, а старый Гоч не вечен. Да и не заменит заповедник живого языка. Поэтому я прошу Голут, особенно их внуков:

— Прошу вас, бисидуйтэ по-лемкивськы!

Разговаривайте по-лемковски, сохраните хотя бы свой язык — этим вы богаче, чем ваши соседи-поляки, потому что польской культурой вы и так уже напитались, но у вас еще остался последний шанс сохранить старинную народную культуру, из которой вы вышли. Вас же еще будут в университеты приглашать, чтобы послушать, как звучит язык карпато-русинов. А звучит он удивительно: посторонний слушатель с трудом отличит его от украинского, но различия существенны. Основное слово «говорить, раз-

говаривать» — по-украински «говорыты» — переводится лемковским «бисидоваты». А отсюда уже рукой подать до польского языка XVII века, в котором, как и в русском («беседовать, беседа»), слова «besiadować, besjada» означали разговор, дискуссию. Сегодня они означают — «пир».

Да и польский язык у лемков ближе к семнадцатому веку, чем к сегодняшнему, телевизионному. Надо знать хотя бы основы древнерусского и старопольского синтаксиса и речевой практики, чтобы понять, к примеру, такой кратчайший из записанных мною разговоров между Яном и Марией Голутами:

— Zaś gdzie są? (Да где они?)

— Zlegli przecie. (А легли уж.)

На нынешний язык это переведется так: — А где мать? — Уже спать пошла.

— Вы романтик, — печально улыбается Теодор Голута, — а у жизни свои суровые законы: через полсотни лет о нас только в энциклопедиях будут писать: мол, жили-были когда-то лемки. И следа от нас не останется на этой земле.

Но самое главное — что нам удалось пережить все эти войны. Войн-то у нас было — не одна и не две...

СТАРЫЕ РУССКИЕ

Бабушке Еве далеко за девяносто, она помнит, как в село поздней осенью 1914 г. вошли «те, старые русские». Мужикам раздавали хлеб, детям — леденцы, богатые были, в особых шапках, в золоченых касках — не то гусарами, не то уланами их называли. А потом была большая битва, вон там, за горой Дил (по-польски — Дзял), — целый день стоял гул и крик, потом австрияки своих забрали на кладбище, а от русских остались горы трупов, их потом хоронили в лесу. Потом уж русских не было, а через несколько лет пришли поляки, и Миколая взяли в уланы.

ПОЛЬША

Воспоминания времен независимой Польши немногочисленны, поскольку жизнь в Тылаве протекала тогда относительно нормально. Ян Голута (1929 г.р.) помнит нужду 1930-х. Юфтевые сапоги в Дукле стоили пять злотых, а это были большие деньги.

— Самой большой богаткой в селе была вдова американского солдата-лемка, погибшего на Западном фронте: она получала за него пенсию. Денег у нее было столько, что ее

сын купил велосипед! И был в селе еще один велосипед, целиком выструганный из дерева ловким колесником. Он давал прокатиться на своем деревянном велосипеде по пять грошей за один раз. Денег у людей в селе было мало, и, если бы не евреи из Дукли, Рыманова и Ропянки, которые у мужиков покупали продукты — за гроши, а все-таки покупали, — то денег вовсе не было бы, — говорит Ян. — Наши евреи по-лемковски говорили, как мы, и мы к ним относились как к соседям. Антисемитизма, который, говорят, встречался в других местах, у нас не бывало, и за то, что сделали с евреями гитлеровцы, наказания Божьего мало.

ЕВРЕИ

— Летом 42-го, — вспоминает Ян Голота, — евреи в дукельском гетто совсем уже помирали с голоду — то-то они радовались, когда немцы приказали им садиться в грузовики. Ехали они мимо нашего дома, махали нам, кричали, что едут в Словакию на работы. Но мы уже знали, какие работы немцы им уготовали, потому что несколькими днями раньше привезли юнаков из трудотряда копать ров на лугу за Канасовкой, где я, бывало, коней пас. Ну мы и побежали на гору — отец за мной, да еще дядька — и уже по дороге слышим жалобный еврейский плач: «Уу-уу-уу», — по всем горам разносится. На верху Канасовки мы спрятались за бук и глядим: евреев жандармы согнали в одно место, десятками водят, велют раздеваться догола и по одному загоняют на доску поперек рва, а там жандарм стреляет в спину. Не дождалась мы конца палачества, так что я только по рассказам знаю, что в самом конце жандармы приказали юнаку добить лопатой еще шевелившееся тело, он отказался, тогда и его застрелили и кинули в тот же ров. Яму засыпали, но через месяц земля на том месте провалилась и на луг потекла вонючая гниль. Кони мимо того места ехать не хотели, рвались — хуже, чем от волков. Опять немцы приехали, густо насыпали какого-то порошка, так оно и осталось.

Мы едем на тракторе вместе с Яном и его внуками Кшисем и Яреком. Ребята уже здесь бывали, знают, что мы, христиане, не должны молиться над еврейскими могилами, потому что евреи считают это кошунством. В знак памяти каждый из нас кладет на месте казни по камушку, поднятому с лесной дороги. Трактор сворачивает в лес, где когда-то был луг, на котором Ванько пас коней. Прямоугольная площадка, обрамленная бетонным бортиком, заросшая бурьяном, на ней вертикально установленная плита, на которой уже много камушков. Надпись по-польски и на идише: «Здесь в брат-

ской могиле покоятся 500 евреев из Дукли и Рыманова, погибших мученической смертью от рук немецких палачей 13 августа 1942 года».

— А теперь, пане Юрек, я хочу, чтоб знали и вы, и внуки: есть тут еще одна еврейская могила, о которой только я один знаю и помню, — Ян ведет нас в лес и показывает колышек, вбитый в землю под кустом терновника. — Двое молодых евреев совершили побег из эшелона. Это были братья, родом из Дукли, несколько лет назад я еще фамилию их помнил. Они прятались в горах до первого снега, пока жандармы их не схватили. Потом возница-лемко вез их на санях вместе с жандармами. Он рассказывал, как они умоляли их не убивать. Да где там — гитлеровцев о чем-то просить! Убили парней и закопали рядом с большой могилой. Я вам об этом говорю, чтоб хоть кто-нибудь помнил: и здесь тоже люди лежат. Может, кто будет о них спрашивать. Спрашивали же меня не так давно о погибших немцах.

НЕМЦЫ

Чтобы послушать рассказ Яна о немцах, приходится опять подняться вверх по дну оврага, туда, где лежит советский солдатик, убитый осколком мины. Встав лицом к селу, почти на километр растянувшегося внизу вдоль шоссе, примерно в километре от нас, мы видим дворы Голут как на ладони. А Ян рассказывает:

— Летом 44-го, когда наступавшие советские войска были уже недалеко, немцы сильно закрепились в этих горах.

Отсюда, пане Юрек, если в гору пойти, то выйдешь на Вирх (по-польски — Верх. — Е.Я.), а следующая гора — Вапно. Там, под прикрытием леса, немцы построили множество бункеров. А если смотреть в сторону границы — там гора Канасовка, где проходила вторая линия немецкой обороны. Оттуда осенью били минометы по атакующим с Вирха советским солдатам и по нам, по тем, кто прятался у ручья.

В нашем дворе расположился штаб немецкого подразделения, которое обмеряло горы и строило укрепления. Майор и поручик ездили на автомобиле с водителем. Однажды они поехали в Словакию, а вернулись на грузовике, в простынях. Подорвались на партизанской мине. На другой день офицеров завернули в красные полотнища со свастикой, водителя — в белое полотнище и отвезли вверх по оврагу, на полянку возле ручья. Каждому положили под голову бутылку с военным документом и закопали. Вон там, пане Юрек, если внимательно приглядеться, видны три выемки — могилы со временем просели. В 50-е годы пришло в село письмо из ФРГ, в нем точная карта

окрестностей, с ручьем, могилы крестиком обозначены, и вопрос: что с этими могилами? Семьи погибших непременно хотели знать. Я бы даже и ответил, что все — как было, но кому тогда охота была в ФРГ письма писать? Тут же милиция пришла бы и вопросы стала задавать. А несколько лет назад немцы из Варшавы на машине приезжали, из посольства что ли. Я их на тракторе в горы возил. Они расспрашивали — я рассказывал, а больше никаких вестей от них не было. Видно, у немцев тоже экономия в бюджете или еще чего. Кажется мне, что, скорее-то всего, родня у этих немцев поумирала и некому дело до конца довести.

Ян окидывает горы светлым, добрым взглядом, в глазах его то и дело вспыхивает искорка улыбки, а я думаю: видно, суждено ему и его внукам быть единственными, кто присматривает в здешних местах за безымянными могилами — двумя еврейскими, двумя советскими и тремя немецкими.

■ **СОВЕТСКИЕ**

Хорошо бы, если б таких семей, как Голуты, было побольше на этой земле, перепаханной войнами и подлостью людской. Теодор говорит, что советская сторона признала потерю двухсот тысяч солдат на 20-километровом отрезке фронта от Долины Смерти под Дуклей до словацкой границы. То есть по десять тысяч погибших солдат на каждый километр отбитой у немцев территории! Ян рассказывает, как плакали солдаты 38-й армии генерала Москаленко, говоря, что их батальон Сталин на смерть посылает, потому как ни один украинец права не имеет войну пережить, а они с Украинского фронта. Офицеры НКВД гнали 18-летних юнцов в пилотках на немецкие пулеметные гнезда, надеясь, что у немцев когда-нибудь патроны кончатся.

■ **БУДЕМ ПРОЩАТЬСЯ**

Хватит воспоминаний, нечего настроение портить. Сегодня прощальный ужин с Голутами, завтра простимся. С Яном, его братом Теодором и сыном Николаем расцелуемся троекратно в губы, как пристало мужчинам; бабушку Еву, Марысю и Пелагию я поцелую в щеку; мальчишек: Кшися, Ярека и Радека — в лоб. Глаза у некоторых будут на мокром месте — такое с Голутами случается. Несколько лет назад при прощании бабушка Ева расплакалась и что-то сказала по-лемковски, а смущенной Марысе пришлось перевести: «Бабушка говорят, что первого по-настоящему порядочного поляка в жизни встретили». В этих словах наверняка было больше эмоций, чем правды. И все-таки... Быть может, время от времени стоит и нам, полякам, посмотреть на себя в зеркало: нет ли у нас черт, от которых пора бы избавиться?

■ **КОНЕЦ**

Наступила самая короткая ночь в году. Еще раз поднимаюсь вдоль русла ручья на Вирх, чтобы в сумерках посмотреть вниз, на Тылаву. Увязавшаяся за мной деревенская дворняга Гутя обожает такие прогулки. Мы проходим мимо камня, под которым лежат кости старика, поднимаемся по оврагу в гору; вот уже

поравнялись с немецкими могилами, и вдруг Гутя застывает как вкопанный, поднятой лапой подавая знак: что-то тут есть. Он поджимает хвост и скуля, топя по камням, мчится обратно в село. Становится совсем темно и немного страшно. Я ускоряю шаг, еще раз оглядываюсь через плечо, но во тьме ничего не видно. Вот и кусты, под которыми спит солдатик в пилотке, а в темноте белеет прямая дорога на Вирх.

Осматриваюсь: вершины Кичера, Кичурка и Канасовка, Вапно, Дил и Здря смотрят на меня черными глазницами, а под каждым деревом, под каждым кустом терновника лежит солдат, партизан или гражданский: где русский, где немец, украинец, лемко или поляк, где словак, мадьяр или еврей... Они тоже смотрят вниз, на Тылаву, где уже гаснут понемногу огоньки, а вместе с ними — тихо и без крика, как обычно у лемков, — угасают остатки языка и культуры, которая цвела в этих горах «искони». И не через пятьдесят лет, а, пожалуй, раньше не останется от них и следа. Это и будет последняя лемковская гора несчастий.

■ **P.S.**

Материалы к этому репортажу автор собирал тридцать лет, с 1966 года. Факты у историков не проверялись, чтобы история лемковского села в Карпатах была представлена в точности так, как она отпечаталась в памяти четырех поколений тылавской семьи Голут.

Старый улан Миколай Голута умер и был похоронен в Тылаве в 1979 г., его жена, бабушка Ева, умерла в мае 2000-го, схоронили ее рядом с Миколаем, пса Гутю задавил на шоссе грузовик — в том месте, где похоронен «бандит» в мадьярских военных рейтузах. Мальчики подросли и разъехались по городам учиться. Ян и Марыся уже на пенсии, жалуются на здоровье, и конец их не за горами.

Фотографии в тексте — Томаш Кизны, на Лемковщине в 1988-89 гг.

Ежи Стажинский

О ЛЕМКАХ И ЛЕМКОВЩИНЕ

Лемковщина — это пространство, врезающееся глубоким клином между польской и словацкой этническими территориями, включающее по северную, польскую¹ сторону границы земли Сондецких и Низких Бескид, а также западную часть Бещад, или, если взять за основу довоенное административное деление Польши, — южные части уездов Новый Тарг, Новый Сонч, Горлицы, Ясло, Кросно, Санек и кусок Леского.

Населяет ее русинская народность, называемая лемками.

В первый раз этноним «лемки» появился в начале XIX века. Поначалу это было прозвище, применявшееся к тем русинам, которые употребляли в своем говоре слово «лем» (только, однако, но). Со временем слово утратило характер прозвища и сделалось нейтральным названием, употребляемым в научной и популярной литературе. И сами лемки, которые сами себя называли «руснак», «русин», постепенно начали принимать это новое название.

Этногенез лемков остается спорным вопросом. Украинские исследователи утверждают, что лемки — это остатки первоначального поселения восточных славян в Средних Карпатах, польские — связывают их с волной валашских поселенцев в XIV-XV веках. Сами лемки считают, что они потомки восточнославянского племени белых хорватов.

Столь же оживленные споры ведутся вокруг национальной и языковой принадлежности лемков. Чтобы в них разобраться, надо проследить историю Лемковщины по крайней мере от середины XIX века. Сильно упрощая, можно сказать, что сегодняшние лемки выдвигают две основные версии: часть из них считает себя лемками и только лемками, иногда подчеркивая связи с остальной русинской территорией в Карпатах, часть — этнической группой украинского народа либо прямо украинцами.

Численность населения у лемков в Польше в 30-х гг. XX века оценивали в 100-150 тысяч, в зависимости от принимаемой границы восточной Лемковщины, а число заселенных лемками населенных пунктов — примерно в 170-200.

Существенную роль в жизни лемков играла Церковь, православная и греко-католическая. До наших дней, помимо своей традиционной миссии, она выполняет также культуротворческую и, что стоит особенно подчеркнуть, интеграционную функцию.

Основной отраслью хозяйства этих карпатских русинов было земледелие. Большую роль играло также скотоводство. Нелегкое в большинстве случаев материальное положение они старались поправить доходами с несельскохозяйственных занятий: производства колесной мази и дегтя, изготовления предметов домашнего обихода и сувениров из дерева, резьбы по камню, кузнечного дела, плетяного ремесла, холстоткачества.

На всей этнической территории Лемковщины доминировало традиционное деревянное зодчество, постройки нередко были беленые или разрисованные. Особенно живописные формы приобретало оно в церквушках. Характерный силуэт лемковской церкви отличался ступенчатостью уровней — от самой низкой башенки приходского дома до самого высокого купола колокольни.

Самым бросающимся в глаза элементом народной культуры были красочные одежды.

Чрезвычайно интересным и богатым был фольклор лемков, особенно устное творчество, в котором преобладали песни: лирические, обрядовые, исторические, переселенческие, солдатские, а также баллады. Бытовало множество поверий, обычаев и обрядов, оказывавших мощное влияние на мировоззрение лемков, их отношение к людям и природе.

Лемки были свидетелями и участниками многих драматических событий, особенно во время двух последних войн, — взять хотя бы битву под Горлицами или бои за Дукельский перевал. Но самой большой их трагедией стали массовые переселения 1944-1947 годов. Вначале в результате договоров о взаимном обмене населением между Польшей и Советским Союзом на советскую Украину выехало — добровольно или по принуждению — около 70-100 тысяч лемков. Весной и летом 1947 г. несколько десятков тысяч оставшихся были депортированы в рамках операции «Висла» на западные и северные земли Польши, где их рассеяли отдельными семьями на пространстве многих тысяч квадратных километров.

¹ Настоящий очерк касается только тех лемков, которые после распада Австро-Венгерской монархии оказались в Польше. В Словакии лемки по-прежнему живут в более чем ста населенных пунктах близ польской границы, главным образом в жупах [старая единица административного деления] Старая Любовля, Бардеев, Свидник.

В связи с выселением были разрушены почти все старые структуры социальной жизни лемков. Изменилась прежде всего среда их обитания. Былая сельская и групповая община оказалась полностью уничтоженной. Радикальным переменам подверглись различные аспекты культуры лемков. Это прежде всего касается материальной культуры, но в значительной мере и духовной. В чужом и враждебном окружении нелегко, а зачастую и невозможно было поддерживать семейные традиции. Отрыв от Церкви лишил лемков одного из главных факторов формирования своей культуры и детерминантов национального облика. В новых условиях лемкам пришлось радикально изменить свой образ жизни и ведения хозяйства, даже образ мыслей, чтобы приспособиться к нелегкой действительности, чтобы выжить. Традиционная культура лемков на своем чисто этнографическом уровне не имела ни малейших шансов на выживание. Однако, вопреки ожиданиям, культуре, господствующей в местах рассеяния лемков, не удалось их полностью ассимилировать, и значительная их часть не утратила чувства своей национальной принадлежности. Эволюции подверглось их сознание, причем направление ее было различно у переселенцев на Украину и на бывшие немецкие земли.

Большинство лемков, «оставшихся» в Польше, не примирились со своим новым положением, рассматривали его как временное и ожидали скорой возможности возвращения. Несмотря на рассеяние, лемки проявили недюжинные склонности к интеграции в пределах своей группы. Они разыскивали «своих» иногда в самых отдаленных местностях, собирались, обсуждали возможность возвращения. Такую возможность они получили после 1956 года. Возвращение, однако, было обставлено таким множеством ограничений, что вернуться удалось только самым упорным и решительным. Многие факторы привели к тому, что значительная часть выселенных лемков осталась на землях западной Польши, а на Лемковщину вернулись только 10%. Таким образом, в Польше оказалось две среды обитания лемков. Одна — «на западе», другая — «в горах», на этническом пространстве Лемковщины.

До конца 80-х общественная и культурная деятельность лемков официально могла протекать только в рамках Украинского общественно-культурного товарищества, организации, созданной в 1956 г. и находившейся под неусыпным контролем МВД [в которое входила госбезопасность. — *Пер.*]. Восьмидесятые годы вместе с движением «Солидарности» в Польше стали началом некоторых перемен и в положении лемков. С 1983 г. группа лемковской интеллигенции начала организовывать на Лемковщине «Лемковские костры» — ежегодные съезды лемков из Польши и из-за границы. Однако только после 1989 г. стала возможна регистрация первой послевоенной лемковской организации — Ассоциации лемков. Вскоре после этого появились новые организации: в 1990 г. — Объединение лемков, в 1991-м — ассоциация «Русинская бурса» в Горлицах, в 1995-м — Общество развития лемковской культуры в Зындранове. Признаком возрождения стали и народные ансамбли, из которых особенно известны «Лемковина» из Белянки и «Кычера» из Легницы. По инициативе «Кычеры» создан первый в Польше центр культуры лемков.

Положение лемков, переселенных на советскую Украину, разительно отличалось от положения тех, что остались в Польше. Большая часть эшелонов с Лемковщины была направлена на просторы далекой степной Украины, где из-за трудных бытовых условий осесть оказалось просто невозможно. Ради спасения собственной жизни переселенцы пешком добивались из восточных степей в западные приграничные районы Украины. Здесь оставались дома, брошенные польскими репатриантами. В них и оседали лемки, так как дальнейший путь на отеческую землю был заказан. Больше всего лемковского населения осело в пригородах Львова и в Тернопольской области. Советская действительность, однако, не благоприятствовала культивированию региональных и этнических традиций национальных меньшинств — она унифицировала, создавая общую модель советской культуры и образа мыслей. Тем не менее у переселенцев сохранились некоторые формы народной культуры и национального облика. *Относительно хорошо уцелел музыкальный фольклор, воссоздаваемый уже довольно многочисленными ансамблями и хорами во главе с «Лемковщиной».*

В 1988 г. во Львове возникло общество «Лемковщина». В настоящее время оно имеет целый ряд областных и районных отделений. В 1991 г. во Львове был создан Фонд исследования Лемковщины, занимающийся в основном культурной, издательской и научно-популярной деятельностью.

В последние несколько лет значительно оживились связи между лемками, выселенными на Украину и живущими в Польше. Помимо контактов в области культуры, возобновлены и укреплены родственные связи. Во время этих встреч ясно становятся видны различия, обусловленные более чем полувековым разделением лемковской общины между двумя отдельными государственными организациями.

И все же, невзирая на эти различия, современные лемки стараются отыскать свой национальный облик, вписать родные традиции, обычаи, умонастроения в современные реалии, создавать новый, отвечающий требованиям сегодняшнего дня образ Лемковщины.

Ежи Фицовский

Перевел
Андрей Базилевский

ЭХО ЛЕМКОВЩИНЫ

в зарослях мать-и-мачехи
в гуще вероники
улитки-виноградницы
под куполами ракушек
будто церковки стоят

в сводчатых галереях
хор дьячков
песнь богомольная
шмелём гудит как гудела
кирие элейсон

заспанное времечко
ушло да возвратилось
господи

улитка
с чёрными рожками
дорогу ему перешла

Рис. Simpli

Лукаш Каминский

ТЕНЬ ОПЕРАЦИИ «ВИСЛА»

55 лет тому назад, 28 марта 1947 г., под Балигрудом погиб генерал Кароль Сверчевский («Вальтер»). Его смерть, обстоятельства которой еще сегодня не до конца выяснены, стала предлогом для начала осуществления операции «Висла». Ход и последствия этой операции надолго легли мрачной тенью на истории польско-украинских отношений.

Взаимоотношения обоих народов, и без того далекие от идеала, серьезно ухудшились в первой половине XX столетия. Польско-украинские сражения за Восточную Галицию, национальные конфликты в период II Речи Посполитой углубляли взаимное недоверие и порождали ненависть. Но подлинная пропасть между поляками и украинцами (которую с трудом пытаются сегодня засыпать политики обеих сторон) пролегла лишь в результате событий II Мировой войны и первых послевоенных лет. Символами этого периода стали, с одной стороны, погромы и резня поляков на Волыни, а с другой — та самая операция «Висла».

Впрочем, это не означает, что обе стороны не пытались найти пути к примирению. Достаточно упомянуть хотя бы союз между Петлюрой и Пилсудским или «волынскую программу» Генрика Юзевского¹. Несколько раз предпринимались также попытки завязать сотрудничество и во время войны. Осенью 1944 г. перед лицом приближающегося разгрома гитлеровской Германии украинское подполье предложило Армии Крайовой, а затем — действовавшей в 1945-1947 гг. нелегальной военно-политической организации «ВиН» («Свобода и независимость»), начать борьбу с общим врагом — советскими оккупантами. В 1945-1946 гг. бы-

ло заключено множество локальных союзов, но большинство из них оказались недолговечными и не принесли особых результатов. Ненависть оказалась сильнее разума.

От репатриации до депортации

В соответствии с договором, заключенным 9 сентября 1944 г. Польским комитетом национального освобождения [созданным по советской воле временным правительством] с правительством УССР и предусматривавшим переселение украинцев из Польши в СССР, а поляков — из СССР в Польшу, осенью 1944 г. началось массовое выселение. Методы, которыми его проводили польские коммунистические власти, особенно на заключительном этапе, в значительной мере способствовали усилению украинского сопротивления и привели к новым жестокостям и кровопролитию с обеих сторон.

В первые месяцы переселение носило добровольный характер. Однако число желающих выехать в СССР систематически уменьшалось и в середине 1945 г. практически сошло на нет. Более того, стали учащаться случаи нелегального возвращения с советской Украины.

Методы административного нажима не принесли результатов, и поэтому в сентябре 1945 г. на проведение выселения были направлены три пехотных дивизии.

Операция продолжалась и в первой половине следующего года. В конечном итоге было насильно вывезено более четверти миллиона людей. Выселение нередко проводилось весьма жестокими методами, случались грабежи, изнасилования и даже убийства гражданского населения. Украинская повстанческая армия (УПА) предприняла вооруженные действия, направленные против выселения, нападая на части Войска Польского и комиссии по переселению. Оставленные деревни УПА систематически сжигала, чтобы их нельзя было заселить поляками. В ходе выселения резко возросла численность отрядов УПА на территории Польши.

Усиление украинского партизанского движения и пересмотр первоначальных оценок численности оставшихся в Польше украинцев привели к тому, что вскоре после завершения операции власти наметили проведение новых мероприятий. Осенью 1946 г. началась под-

¹ Генрик Юзевский (1892-1981), польский политик, с 1910 г. — участник борьбы за независимость Польши. Близкий друг Пилсудского, в 1929-1930 — министр внутренних дел, в 1928-1929 и 1930-1938 — волинский воевода. Автор программы, направленной на формирование польско-украинского примирения путем развития украинского самоуправления, украинских общественных организаций на Волыни и в восточной Малопольше, аграрной реформы, расширения участия украинцев в управлении государством. После захвата Восточной Польши советскими войсками в 1939 г. Волинское воеводство было включено в состав Украинской ССР. Активный участник движения сопротивления в 1939-1945, после войны Юзевский остался в подполье, в 1953 г. арестован и приговорен к пожизненному заключению. В 1956 г. вышел на свободу и с тех пор занимался живописью. — *Пер.*

готовка к очередной операции: была проведена перепись украинцев, проживавших на различных польских территориях. В ходе заседания Государственной комиссии безопасности 27 марта 1947 г. (то есть за день до смерти генерала Сверчевского!) было принято решение о том, что министр общественной безопасности Станислав Радкевич «поднимет перед соответствующими инстанциями вопрос о выселении украинцев из Жешувского воеводства».

«Человек, который не сгибался под пулями»

Кем же был Кароль Сверчевский («Вальтер»), который еще при жизни был окружен ореолом коммунистической легенды? Участник октябрьской революции, затем офицер Красной армии, в 1936-1938 гг. он принимал участие в гражданской войне в Испании, командуя интернациональной бригадой. Именно тогда начал зарождаться миф о «человеке, который не сгибается под пулями». В конце II Мировой войны он был прикомандирован к Войску Польскому и командовал его 2-й армией. Всем была известна его храбрость и склонность рисковать собственной жизнью в бою. Быть может, именно эта черта и погубила его в бою, который завязался, когда он попал в засаду, где и погиб?

В обстоятельствах смерти Сверчевского по-прежнему многое остается неясным. Появляются различные теории, утверждающие, что за покушением стояло НКВД. Действительно, не может не беспокоить странное совпадение дат завершения подготовки к выселению и смерти Сверчевского. Было ли это лишь стечением обстоятельств, пришедшимся как нельзя более кстати и облегчившим как принятие окончательного решения, так и его пропагандистское обоснование? Исчерпывающих ответов на большинство подобных вопросов мы не дождемся, по-видимому, никогда — если только они не скрыты во все еще труднодоступных постсоветских архивах.

В операцию включается группа «Восток»

Уже на следующий день после смерти «Вальтера» политбюро ЦК Польской рабочей партии [ППР — Польская партия работница] приняло резолюцию о выселении украинцев из Краковского, Люблинского и Жешувского воеводств. Было решено «быстрыми темпами» переселить их на «обретенные» земли, прежде всего на доставшуюся Польше территорию прежней Восточной Пруссии. Основным принципом было максимальное рассеяние переселенцев («не создавать компактных групп населения»). Кроме того, украинцев надлежало расселять не ближе 100 км от государственной границы. Резолюция породила огромную волну антиукраинской пропаганды.

В течение следующего месяца продолжалась подготовка к проведению операции. Специально созданную оперативную группу возглавил генерал Стефан Моссор, довоенный офицер. В разработанном плане действий группы «Восток», как ее вначале называли, фигурировала весьма знаменательно сформулированная задача: «Окончательно решить украинскую проблему в Польше». Из последнего варианта документа эта шокирующая фраза [заставляющая вспомнить пресловутое «окончательное решение еврейского вопроса» в гитлеровской Германии] была исключена, но все остальное осталось практически без изменений. Целью операции была прежде всего полная ликвидация УПА и переселение всего украинского населения на западные и северные земли. Трудно представить себе, чтобы решение о переселении украинцев было принято без ведома и согласия Кремля.

Всего в течение трех месяцев было выселено более 140 тыс. человек, в том числе и членов смешанных семей, а также лемков, многие из которых не считали себя украинцами. Их расселяли, максимально рассеивая (что, впрочем, не всегда удавалось), стремясь разрушить тем самым и соседские связи.

Операция «Висла» привела к практически полной ликвидации деятельности УПА на территории Польши. В ходе облав погибло более 500 украинских партизан и еще столько же было взято в плен. Часть из них немедленно была отдана под суд военного трибунала оперативной группы «Висла», который вынес приговоры в общей сложности 315 подсудимым, осудив больше половины на смертную казнь. Большинство приговоров было сразу же приведено в исполнение.

Фильтрационный пункт «Освенцим»

Перед самым началом операции «Висла», 23 апреля 1947 г., политбюро ЦК ППР приняло новую резолюцию, чреватую далеко идущими последствиями. Было решено создать «промежуточный лагерь» для «подозрительных украинцев» на территории Центрального исправительно-трудового лагеря в Явожне. Во время войны этот лагерь был филиалом концлагеря в Освенциме, а вскоре после занятия его советскими войсками туда начали направлять «фольксдойчев», военнопленных и тех, кто был родом из Силезии. После того как в 1951 г. его покинули немцы и украинцы, лагерь был преобразован в «образцовую» тюрьму для несовершеннолетних политзаключенных.

Эшелоны с выселенными украинцами направляли в Освенцим, где еще со времен войны имелась развитая сеть железнодорожных веток. Лишь здесь начальники конвоя узнавали, куда именно привезли их «подопечных». Освенцим играл также роль своего рода «фильтрационного пункта». Специальная группа сотрудни-

ков министерства общественной безопасности еще раз проверяла личность каждого из переселенцев и направляла «подозрительных» в Явожно.

Первый этап с 17 украинцами прибыл в Центральный исправительно-трудовой лагерь 9 мая 1947 года. Всего через «украинскую зону» в Явожне прошли 3873 человека, из которых 161 умерли. Причиной были ужасающие санитарные условия, недоедание, а также «методы ведения следствия», применявшиеся офицерами-гебешниками.

Уже в сентябре 1947 г. было подготовлено более двух тысяч постановлений об освобождении тех эзков, против которых не было никаких надежд найти хоть какое-то обвинение. Среди них были беременные женщины, дети, униатские священники, старики, а также несколько десятков поляков. Многие оказались в лагере на основе доносов, написанных только из желания посчитаться с соседями, завладеть их имуществом и т.п.

В рассеянии

Больше всего украинцев направили на поселение в Ольштынское воеводство, меньшие группы — в Щецинское и Вроцлавское. Как правило, они попадали в разоренные, разворованные и полуразрушенные хозяйства. Не хватало скота, птицы и сельскохозяйственного инвентаря. Однако материальные условия были не самым страшным. Люди были вырваны с корнями из родной почвы, оказались вдали от соседей, а зачастую — и от родных. Чрезвычайно затруднена была в первые годы их религиозная жизнь, не говоря уже о культурной и общественной. Практически отсутствовали украинские школы. Польские соседи в своей массе относились к переселенцам враждебно: их считали «бандеровцами», кровожадными бандитами, готовыми убивать поляков. Это было результатом интенсивной пропагандистской кампании, но иногда и собственного опыта, вынесенного с восточных земель. Эта вражда отчасти сохранилась и по сей день.

На протяжении многих лет украинцы оставались под неусыпным надзором госбезопасности. В течение длительного времени они не могли вернуться на свои прежние земли, прав на которые были лишены специальным декретом в 1949 году. Заброшенные поля зарастали лесом, с географических карт исчезали целые деревни. Сотни памятников старины сначала пришли в запустение, а затем были разрушены — прежде всего неповторимые образцы церковной архитектуры. Однако тягостнее материального ущерба были психологические и социальные последствия. Была разрушена вся местная социальная структура, изменился культурный образ значительной части страны.

На том месте, где похоронены жертвы лагеря в Явожне, сегодня стоит памятник, открытый в 1998 г. президентами Польши и Украины. Процесс примирения, по крайней мере на межгосударственном уровне, дает поразительно быстрые результаты. Множество ценных инициатив исходит также из среды ветеранов и ученых. Хуже обстоит дело среди простых людей, символом чего могут служить споры вокруг монастыря кармелитов в Перемышле или кладбища Орлят² во Львове. Для многих операция «Висла» все еще остается оправданной польскими «государственными соображениями». Кое-кто напоминает, что «операция „Висла“ была проведена после кровавых событий на Волыни». А с другой стороны можно услышать, что она представляла собой кровавое преступление, вполне сравнимое с погромами и убийствами поляков в 1943-1944 гг. Не вступая в полемику с подобными мнениями, можно лишь заметить, что, каковы бы ни были результаты попыток вникнуть в суть исторических событий, нельзя забывать о страданиях тысяч ни в чем не повинных людей. И эти страдания не могут быть ни оправданы, ни обоснованы никакими политическими соображениями.

«Жечпосполита», 30.03.2002

RZECZPOSPOLITA

Лукаш Каминский — научный сотрудник Исторического института Вроцлавского университета и Института национальной памяти. Он опубликовал следующие книги: «Рабочие забастовки в Польше в 1944-1948 гг.» и «Поляки перед лицом новой действительности: 1944-1948». В статье использованы материалы исследований автора и документы, опубликованные Эугениушем Мисило в томе «Операция «Висла»» (Варшава, 1993).

²Защитники Львова в польско-украинских боях 1918-1919 гг.

КРЫНКИ И МИР

Беседа с Сократом Яновичем

— Мы беседуем в Крынках, небольшом городке Белостокского воеводства, в доме Сократа Яновича — «Вилле Сократ». Ваши произведения важны как для белорусской, так и для польской культуры. Скажите, пожалуйста, как вы стали писателем?

— В моем родном доме было две книги — толстые, в обложках шоколадного цвета, наверно, чтобы аппетитно выглядели. Одна — избранные произведения Лермонтова, другая, изданная в XIX веке, — Пушкина. Обе книги мама получила в подарок от своего дяди, когда выходила замуж. Я заметил, что мама по ночам что-то почитывает укладкой, потому что отец считал чтение проявлением хитроумной лени. Заинтригованный, я сам разыскал эти книги, начал читать и особенно увлекся Пушкиным. И когда в школе я стал интересоваться одноклассниками, то чем я их мог поразить? Тем, что я поэт! Свои стишки я писал, естественно, под Пушкина, на чудном языке — отчасти русском, отчасти белорусском, чего совершенно не сознавал. Был конец 40-х годов, я кончал неполную среднюю школу. Позже, когда я уже оказался в Белостоке и учился в техникуме, меня влекло нечто иное. Я хотел стать полярником, заинте-

ресовался математикой и метеорологией. Только году в 55-м, после окончания техникума, я вновь подумал о литературе, так как разошлись слухи о том, что вскоре начнет выходить белорусский еженедельник «Нива». Свои первые тексты я начал писать, будучи техником-электриком, писал на чистом инстинкте, не имея ни малейшего представления о литературном мастерстве. Я не имел понятия о грамматике. Будучи техником, я и не подозревал о существовании существительных и глаголов. С грамматикой я познакомился и полюбил ее только в университете. Там я обнаружил, что грамматика — это нечто замечательное, что это философская система и что, собственно говоря, грамматика каждого языка — особое истолкование мира. Во всяком случае, решающим был тот факт, что я начал работать в этом новосозданном еженедельнике, а при редакции был организован литературный кружок. Важно было и то, что главный редактор «Нивы» разбирался в литературе: он окончил Литературный институт в Москве. И он же первым начал нам объяснять, что такое литература. А наше литературное сознание было на фольклорном уровне. Недоставало знаний.

— Книги, наверное, сыграли свою роль?

— Летом 1962 г. я прочитал польский перевод рассказов Исаака Бабеля и пережил шок. Это стало для меня переломным опытом. Его тексты произвели на меня такое впечатление, будто меня громом ударило. До этого я уже читал переводы произведений таких авторов, как Сандрар, Хемингуэй и другие. Уже начинал понимать то, что сказал мой шеф: что в хорошем произведении портрет человека пишут его поступками, а не эпитетами. Легко сказать, да только я не очень-то знал, что это такое — эпитет. Тем не менее Хемингуэй внушал мне уважение своим стилем. Но Хемингуэй или Сандрар описывали чужой для меня мир. А Бабель мне сразу напомнил Крынки. Мир Бабеля и мой мир был один и тот же. Я совершил открытие: можно писать о Крынках!

— *И тогда начались более серьезные литературные опыты?*

— Да, мой дебют по-настоящему приходится на 1962 год.

— *По-белорусски?*

— Естественно. Это был язык дома, семьи. В 40-е годы в Крынках по-польски говорили всего несколько человек: ксендз-настоятель, начальник милиции, один учитель. Остальные, по мере надобности, например на уроках, говорили по-польски, а вне уроков — по-белорусски. Но это был не литературный белорусский язык, а нечто вроде диалекта. Впрочем, вначале, в 1944 г., у нас была белорусская школа, позже, однако, ее заменили польской. И тогда мы, дети, и католики, и православные, не могли надивиться: на что нам этот польский язык? Мы считали, что это очень смешной язык — более того, нам он казался выдуманным. Это как у Ваньковича в «Щенячьих годах», где барин решил отправить своего лесника в Баден-Баден, да забыл научить его двум словам по-немецки, а лесник удивился: разве там нет простых людей? В нашем случае сработал тот же механизм. Мы считали, что все серьезные люди, то есть все простые люди, тяжким трудом зарабатывающие на хлеб, говорят, как мы, т.е. по-белорусски. И неважно, где они живут: на берегах Амазонки, Нила или в Крынках. Мы знали, что есть другие языки, хотя бы французский, которому нас немного учили в школе до того, как ввели русский. Но на уроках французского стоял хохот, так как нам он казался еще смешнее, чем польский. Мы сочли, что эти языки — этакая господская выдумка. Господа придумывают языки, чтобы простой народ не понимал, что они говорят. То, что ксендз говорит по-польски, было понятно: Господь Бог только по-польски понимал, поэтому с ним надо было говорить на чудном языке. Но в обычной жизни? Мы ужасно мучались с этим польским. Надо обратить внимание, какая произошла перемена. Я тут говорю о том, что было пятьдесят лет назад, а теперь всё наоборот: в Крынках уже почти никто не говорит по-белорусски. На это хватило двух поколений.

— *Когда вы сознательно почувствовали себя белорусом?*

— Я начал открывать в себе белоруса только после приезда в Белосток. В Крынках — нет, там все свои, на что там кому-то белорус. Конечно, мы слышали, что есть такие. Зато когда я попал в

Белосток, который тогда хоть и был побольше, но в смысле цивилизации мало чем отличался от Крынок, то с изумлением услышал, что в этом смешном городе все говорят по-польски. Что за чертовщина? Я был потрясен. Я не мог себе это объяснить. Зачем им этот барский язык — не могут, что ли, говорить нормально, как люди? Это был определенный процесс, во мне пробудилась любовь к чтению, я начал заглядывать в книжные магазины. Однажды я обнаружил там конституцию ПНР, изданную для нацменьшинства, по-белорусски, а в ней — знакомые мне по Крынкам слова. Так я начал постепенно открывать язык, причем благодаря контрасту, который был создан вездесущим польским контекстом. Возможно, без этого я по сей день не знал бы, что я белорус.

— *Каково, собственно говоря, место этих двух языков в вашем опыте, какова особая динамика каждого?*

— Белорусский — мой язык по крови. По-польски я не способен писать о действительности, которая живет во мне с детства, с молодости. Но я ловлю себя на том, что когда пишу по-белорусски и описываю городские обстоятельства, то как-то машинально начинаю думать по-польски и уже это перевожу на белорусский. То есть белорусский язык живет во мне как мир Крынок. А мир Белостока — уже польскоязычный. Следует только отметить, что мир Белостока тогда и сейчас — разные вещи. Раньше в польском языке в Белостоке были другие интонации. Когда я не различал слов, мне казалось, что всюду говорят по-белорусски, таким мягким и мелодичным был тот польский язык. Теперь же все говорят с таким лающим акцентом. Меняется музыка польской речи.

— *Вы сказали, что всякая грамматика — особое толкование мира. Так какое толкование мира вписано в белорусскую грамматику, а какое — в польскую?*

— Во-первых, в белорусском языке значительно больше синонимов тяжелой работы, труда, тяжелой судьбы человека, потому что он отражает крестьянский мир. Это особенно видно в литературе. До недавнего времени польская литература была дворянской литературой, литературой дворянских усадеб. Помню, однажды в техникуме учитель рассказывал нам, что Сташиц жил необычайно скромно: на завтрак он выпивал стакан молока или сли-

вок и съедал булочку, скупое намазанную маслом. Сижу я и весь наш крестьянский класс, развесив уши, и каждый думает: ах ты... хотел бы я так завтракать. Поэтому, когда мы читали польские произведения — Мицкевича, Словацкого или других, — то для нас это был в высшей степени выдуманный мир и заведомо чужой. Какие-то барышни, странные перипетии, заговоры, все чего-то там хотят... А зачем?

— Не тосковали ли, однако, ваши ровесники по этому другому миру?

— Расчет был простым: вот окончу техникум, и у меня будут такие же завтраки. Может ли себе сегодня кто-либо представить, что мы учились на пять с плюсом, лишь бы нас не исключили, что означало возвращение в деревню.

— В Белостоцком воеводстве и в кругах людей, интересующихся вопросами многокультурной Польши, вас знают главным образом как лидера белорусского меньшинства, а также как публициста и эссеиста. Не раздражает ли вас, что именно это создало вам известность, а не литературное творчество, которое, как представляется, наиболее вам близко?

— Естественно, раздражает, и еще как. Я хочу сказать, что чисто литературные произведения я пишу исключительно по-белорусски — это у меня свято. Я считаю, что совершенней всего могу выразить себя только на этом языке. Польский язык у меня выученный: сначала в школе, потом в университете. По-польски я пишу публицистику, хотя случается, что и по-белорусски, — все зависит от того, кому она адресуется. На мою литературу никто, кроме узкого круга, особенно не обращает внимания. А вот эссе иногда вызывают немалый отклик. Я их писал и, наверное, буду писать для денег. Но не только. Они вырастают из определенного чувства миссии. В частности, я хочу этим моим безграмотным белорусам объяснить, что они великий народ. А раз так, то им не следует все время ходить с поникшей, втянутой в плечи головой, как у обезьяны под дождем. Я хочу их расшевелить, чтобы они начали читать, мыслить, работать серыми клетками! Правда, много эссе я написал и для поляков. Из тех же побуждений. Я хочу объяснить полякам, что это такое — и этот бело-

рус, и эта Белоруссия. Я делаю это не из идеалистических побуждений, чтобы поляки стали умнее. Это меня мало интересует. Зато меня интересует, чтобы они стали умнее в своем отношении к белорусам, лучше были подготовлены к сосуществованию. Ведь мы как меньшинство и поляки как нация, определяющая судьбу государства, а значит, и нашу судьбу, обречены на сосуществование, на один и тот же хлеб. А коль скоро так, то надо, чтобы поляки увидели в нас нечто большее, чем одни церквушки в ландшафте. Я отдаю себе отчет в том, что мои польские читатели во время чтения часто раздражаются, но многие потом соглашаются со мной. Я нарочно пользуюсь сочным языком, чтобы читатель не дремал, чтобы даже возмущался. Возмущение очень важно: возмущенный человек начинает думать. Однако я должен сознаться, что это элементарное миссионерство мне уже поднадоело. Думаю, с этим надо кончать, ибо я вижу, что это мало что дает. Влияние литературного текста на общество минимально. Человека лучше всего учит не чтение, а опыт. Кто-то станет со мной соглашаться, поддакивать, а потом ничего — как с гуся вода. Сколько я спорил с моими ровесниками-поляками, но у них другая память. Это память о Сибири, НКВД, коллаборационизме. Здесь, на пограничье, поляки старшего поколения ни разу не пригласили меня на какую-то встречу. Молодежь — да. И даже хотят, чтобы я с ними говорил по-белорусски. Мой ровесник-поляк никогда бы так не сделал. Пригрозил бы даже: ну, только не «по-русски», тут Польша. Меня эти эссе изнурили. С некоторого времени я чувствую, что из-за них я теряю способность писать художественную прозу.

— Не давит ли вас иногда эта нация, которой вы всю жизнь служите? Ведь художники, писатели зачастую боятся попасть в такую ловушку служения. Как раз в польской культуре на протяжении многих лет это была постоянная проблема. Нет ли у вас желания бежать?

— Есть, и все более сильное. Во-первых, я не в состоянии спасти весь народ. Во-вторых, я уже в летах. В-третьих, писатель, если он настоящий писатель, не должен никому служить — ни народу, ни власти, ни даже идее. Все это убивает. Я даже напечатал в «Газете wyborczej» статью, которую

назвал «Прощание с Белоруссией», но там изменили заголовок. Белоруссия меня убивает. Вдобавок служение народу, собственно говоря, не нужно — нужно хорошо писать. Когда я на Западе объясняю, что у нас каждый поэт начинает со стишка о любви к родному языку и с заявлений, что за Белоруссию он всё готов отдать, то эти империалисты просто мне не верят. Либо считают, что мы какие-то психически больные. Там таких заявлений никто не делает, чтобы не прослыть идиотом. А у нас это как будто долг. Так случилось и в польской культуре, только мы еще менее зрелые, чем поляки. И, как бывали поляки, больные Польшей, так я болен Белоруссией. Все это результат колониального положения этого народа, который и по сей день не стал суверенным.

— *В ваших эссе четко определен адресат. А для кого вы пишете прозу? Тоже для народа?*

— Нет, она создается для культуры. Культура и ее восприятие существенно различаются. Творчество — это культуросозидательная деятельность. Когда мне исполнилось шестьдесят лет, я сказал себе: последние годы жизни надо использовать разумно. Вместо «хождения в народ» я решил служить не народу, а белорусской культуре. Ибо любая культура бессмертна. На почве этого решения зародилась и идея «Виллы Сократ». Я приобрел определенное положение в Европе и хочу его использовать.

— *Следует ли буквально понимать то, что вы говорили о «хождении в народ»?*

— В ранней молодости я действовал как партизан. С середины 50-х и все 60-е я ходил из села в село, ночевал в амбарах и стогах сена и как апостол гласил благую весть: вы — белорусы. Они радовались и ставили мне самогон. Было что-то дворянское в моем поведении — возможно, потому что я всегда был очень чувствителен к вопросам чести. Меня особенно мучил их крестьянский комплекс неполноценности, этакая приниженность, то, что они смотрят в рот власти, чиновнику, партийному секретарю. Меня это оскорбляло. Разве так можно жить? Я им говорил, что надо быть гордыми, что надо ценить самих себя.

— *Когда-то вы сказали о себе, что вы и белорусский, и польский патриот.*

— Да, так оно и есть. Этот польский патриотизм основан на судьбе. Во время послевоенной репатриации в Польшу ехали сотни тысяч людей с востока. А из Заользы [вновь вошедшего в состав Чехословакии. — Пер.], где тогда еще жили одни поляки, репатрировался всего один мужчина — никто больше не пожелал вернуться на родину-мать. Уровень и качество жизни в Чехии в то время были несравненно выше, чем в Польше. Сейчас в Германии уже полтора миллиона поляков, и я иной раз думаю: чего они там ищут, где их патриотизм? И тогда, и сегодня они льнут к лучшему хлебу, ищут лучшей судьбы. Если бы в Белоруссии жизненный уровень был таким, как в Швейцарии, то я, по всей вероятности, был бы больше белорусским патриотом. Я бы сказал себе: тут поляки меня обижают, обзывают шовинистом, неизвестно почему постоянно меня в чем-то подозревают. Когда-то на меня нападали как на «антисоциалистический элемент». Теперь действует другой стереотип: а, ты не хочешь быть поляком? И неважно, что я был в подпольной «Солидарности», это не в счет. Естественно, то, что я говорю, не касается Крынок — тут все свои. Но мой польский патриотизм можно защитить, так как сам он защита собственной судьбы, защита своего хлеба. Вдобавок у него более глубокие корни, потому что белорусская культура новейшего времени родилась из польской культуры. Современные белорусы — это в каком-то смысле «народ из народа». Мы «нация из нации», белорусы из поляков. Россия нам ничего не дала. Русские даже сегодня воспринимают белорусскую культуру как какое-то ответвление польской, и по складу ума она им чужда. Белорусы существуют между молотом и наковальней. Для русских мы агенты полячишек, а для поляков — москалей. И попробуй тут быть мудрым и поступать так, чтобы наши хаты не спалили.

— *В своей книге «Белоруссия, Белоруссия» вы написали, что очень завидуете полякам, богатству их культуры.*

— Я легко мог стать поляком. И не просто поляком, а польским писателем. Но моя честь мне не позволила. Стать поляком? А если стану, значит ли это, что я буду лучше? Как я тогда посмотрю в глаза отцу и матери? Стыд и срам. Даже если бы я не знал белорусского, то из самолюбия и чувства чести выучил бы его.

— Но разве вы не можете воспринимать достояние польской культуры и как свою собственность?

— Могу, так как я человек двух культур. В этом мое преимущество. Однажды на встрече во Вроцлавском университете я пошутил, сказав: братья-поляки, я вам очень сочувствую, ведь вы обречены только на польскую культуру. А у меня их целых две. Я уже в Европе, а вы — еще нет. Вот галдеж поднялся в зале.

— В польской культуре было много людей с многокультурными корнями. Можно же быть одновременно белорусом и поляком?

— Потому-то я и ловлю себя зачастую на том, что после стольких лет плавания по польскому морю мне легче писать по-польски, чем по-белорусски. Но я этой легкости боюсь.

— На каком языке вы думаете?

— Стараюсь — по-белорусски, но не всегда получается.

— Ратуя в течение стольких лет за возрождение своего народа, вы не опасаетесь будущего? И того, какие это может принести плоды? Во имя народа совершались ужасающие вещи.

— Я только теперь могу задуматься о возможных отрицательных последствиях. Они, несомненно, будут. В любом народе есть и националисты, и фашисты, и прочие. Но тогда, когда я ходил из села в село, моей основной движущей силой было ущемленное личное достоинство. Я просто помешался на том, чтобы все белорусы почувствовали себя благородными. Конечно, я жил великой иллюзией. Но с сегодняшней точки зрения я ни о чем не жалею. Раньше я, собственно говоря, не знал людей. Жил в Крынках, у относительно зажиточных родителей, они были ремесленниками. И только во время этих моих скитаний я увидел деревенский мир, эту нищету, нередко огромную, которая меня поражала.

— Какое место в вашей духовной географии занимают Белосток с его окрестностями и Белоруссия? Не чужая ли для вас Белоруссия по сравнению с этими местами?

— По складу ума это то же самое пространство. Те же совки живут и в Крынках, и в Минске. Только в Крынках они говорят уже по-польски, а в Минске — по-русски.

— Совки? Кого вы имеете в виду?

— Совок — это человек аморальный, который не думает в категориях общества. Для совка важно самому нахапать побольше. Это homo soveticus.

— Вы писали, что стараетесь помочь белорусам осознать их историю. Но не думаете ли вы, что для национального самосознания они предпочитают не исторические знания, а прекрасную легенду о себе, какой-то основополагающий миф?

— Я заметил это уже давно, но у меня нет таланта создавать мифы. Я даже пробовал, но как-то не получается. Кроме того, мне слегка стыдно за эти попытки: в конечном счете миф — это ложь.

— Как вы представляете себе современного белоруса?

— Я хотел бы видеть современного белоруса в городе. И чтобы он не склонял голову перед поляком. Он ведь этого поляка боится. В Белостоке есть два прихода. Поляк — это значит католик, а белорус — не всегда: часто он православный. И эти два прихода взаимонепроницаемы. Это даже трудно объяснить, это надо испытать, в этом надо жить. Рассказни об экуменизме — это красивая сказка.

*Беседу вели
Анджей Бернат и Радослав Романюк*

NOWE
KSIĄZKI

Гжегож Пшебинда

ВАТИКАН — РОССИЯ (ПОЛЬША В УМЕ)¹

Хорошо, что не все в России настроены против Папы — даже теперь, после того как Ватикан принял спорное решение о преобразовании российских апостольских администратур в епархии. Например, профессор Владислав Аржанухин, гостивший недавно в Институте восточнославянской филологии Ягеллонского университета, был бы очень рад, если бы через год Папа приехал в Санкт-Петербург на празднование 300-летия северной столицы. Профессор считает, что нынешняя православная Церковь безвозвратно упускает свой исторический шанс, не поддерживая тех немногочисленных реформаторов, которые хотят построить первое в истории России гражданское общество. Да и сама Церковь, по мнению Аржанухина, срочно нуждается в обновляющем соборе. Ожидаемый приезд Иоанна Павла II не только не подорвал бы христианских основ Церкви, но, несомненно, мог бы их даже существенно укрепить.

Не были ли последние административные решения Ватикана тактической ошибкой и не отодвигают ли они до греческих календарных намерений Папы посетить Москву и Петербург? Давайте не будем торопиться с ответом на этот вопрос.

«Иезуитские поляки»

Настоящее часто кормится мифами — иррациональными по сути, но косвенным образом укорененными в истории народов и обществ. Пожалуй, в истории Европы нет пространства более мифологизированного и в то же время до сих пор накладывающего столь сильный отпечаток на самосознание жителей Восточной Европы, чем сфера отношений Ватикан — Россия — Польша. В сознании «традиционного русского» — т.е. по сути дела «среднего русского», ибо нигде в мире история не вписалась в массовое подсознание народа сильнее, чем в России, — Польша и Ватикан представляют собой абсолютное единство, которое, как думают в Кремле и его окрестностях, чаще всего проявляется в зловещем «иезуитском союзе», уже «тысячу лет» стремящемся обратить всех славян в католичество... Так думают и в таком духе действуют как истовые защитники русского православия, так и многие русские агностики, в отличие от Сталина весьма опасавшиеся папских пушек, «зловеще направленных на Россию»... С некоторых пор можно наблюдать группку российских либералов-малOVERов, по-своему даже симпатичных, которые сегодня охотно выступают в нетипичной для себя роли «православных атеистов»,

¹ Статья была написана еще до того, как российские власти отказали в праве на въезд в Россию епископу Ежи Мазуру, ординарию епархии св. Иосифа с центром в Иркутске. — Ред.

О ПРАВОСЛАВИИ И КАТОЛИЧЕСТВЕ

Из беседы
с Яном Новаком-Езёранским
на Польском телевидении
(программа
«Специальная линия»)

— Могут ли тревожить новости из России, согласно которым православие снова может стать государственной религией? Дума готовит соответствующий законопроект, появляются комментарии, авторы которых считают, что православие, и так практически обладающее в России религиозной монополией, постоянно ищет врага и находит его не где-нибудь, а в католичестве. Опасно ли это для Польши?

— Неприязнь к католикам и враждебное отношение к Польше тесно связаны с враждебностью православия к католической Церкви. Я убежден, что это опасно, так как в этом проявляется русский шовинизм, русский империализм в его наихудшем виде. Поэтому мы должны содействовать мобилизации мировой общественности против такого положения дел. Общественное мнение в мире чувствительно к подобным проявлениям, и потому надо активно содействовать тому, чтобы российское правительство противостояло подобным замыслам.

— Это весьма щекотливая тема, но, как мы знаем, один из религиозных фундаменталистов, Тихон Шевкунов считается духовным опекуном президента Путина и влияет на него, а с

другой стороны, Путин — один из столпов кампании против международного терроризма.

— В России по-прежнему существуют два течения. Одно из них считает, что будущее страны — в сотрудничестве с Западом. Другое этому противится, фактически выступая за изоляцию страны. Будущее России зависит от того, какое течение победит. Если победят традиционные экспансионистские устремления, то Россия будет отброшена далеко назад.

— Утешительно, что демонстрации, которые прошли в конце апреля и должны были показать всю силу и мощь православия, не достигли массового размаха и были как бы слегка приторможены.

— Вот именно. Не будем терять надежды, что несмотря ни на что, Россия не повернется против Запада и будет видеть свое будущее прежде всего в примирении с ним, для того чтобы успешно проводить внутренние реформы и улучшать материальные условия собственного общества.

*Барбара Чайковская
для II программы Польского
телевидения 2 мая 2002*

Ян Новак-Езёранский (1913)
— в годы немецкой оккупации видный деятель Сопротивления (знаменитый «варшавский курьер», который регулярно информировал союзников о том, что происходит в оккупированной Польше), затем на протяжении многих лет директор польской секции радио «Свободная Европа», писатель и публицист.

защищающих национальную первооснову России — разумеется, только перед лицом «польско-ватиканского нашествия».

Подобная антиватиканская и в то же время враждебная по отношению к Польше позиция прочно укоренена в истории и культуре России. Например, в «Идиоте» Достоевского можно найти фрагмент о том, как очаровательная девушка выходит замуж за польского эмигранта с графским титулом: «Оказалось, что этот граф даже и не граф, а если и эмигрант действительно, то с какою-то темною и двусмысленною историей. Пленил он Аглаю необычайным благородством своей истерзавшейся страданиями по отчизне души, и до того пленил, что та, еще до выхода замуж, стала членом какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши и сверх того попала в католическую исповедальню какого-то знаменитого патера, овладевшего ее умом до исступления».

Папы, Москва и Польша

Достоевский написал «Идиота» вскоре после восстания 1863 г., когда Пий IX действительно защищал Польшу от безжалостных соседей держав: Пруссии и России. Однако кого в нынешней России интересует и кто вообще помнит на берегах Москвы и Волги, что опубликованный во время предыдущего восстания 1830 г. документ Григория XVI «Cum grimum» осуждал «польскую революцию» с роялистских позиций — вполне в царистском духе автора «Идиота»... Куда же подевался на это время извечный антироссийский «польско-ватиканский союз»? Для поучительной ретроспективы вспомним еще Антонио Поссевино, несчастного иезуитского энтузиаста и посланца папы Григория XIII, который прибыл в Москву в 1581 г., чтобы предпринять попытку соединения Церквей. Разумеется, с Иваном Грозным ничего подобного пройти не могло, в довершение же всего Поссевино сумел быстро добиться пагубного для Польши окончания войны с царем. Неудивительно, что поляки не сохранили доброй памяти об итальянском иезуите. Гетман Ян Замойский, командовавший польскими войсками под Псковом, даже высказал актуальную по сей день мысль, что этот итальянский «плут» и «предатель» только смутил ум тогдашнего папы. Неслучайно на известной картине Матейко у Поссевино «такая мина, словно он проглотил тысячу иезуитов и продельывает какие-то ужасные махинации своими хитрыми пальцами» (из «Дневника» Яна Лехоня).

Времена ватиканско-польского союза против Москвы наступят лишь в начале XVII в., и именно они определяют сегодня отрицательное отношение многих русских православных к Ватикану, Польше и — что столь же тревожно, сколь и несправедливо — к личности Иоанна Павла II.

Ватикан в... НАТО

Предводители последних (на удивление бурных) антипапских политических демонстраций в Москве несли лозунги вроде: «Папа, руки прочь от православной России», «Русь — православная», «Католики — вон из России», и т.п. Выступавшие на митин-

гах вспоминали Смутное время, когда поляки вошли в Кремль и посадили на царский трон Димитрия Самозванца, однако вскоре были изгнаны оттуда, а на московский престол взошел первый из Романовых — царь Михаил. Именно в фактах и событиях начала XVII в. можно доискиваться корней антикатолической настроенности русских, связанной одновременно с неприязнью к «латынским ляхам». К сожалению, в этой периодически воскресающей и внезапно выплескивающейся антикатолической истерии есть доля правоты... Как пишет Михаил Геллер в своей «Истории Российской империи», в 1599 г. папский нунций прибыл ко двору Сигизмунда III Вазы, чтобы вместе с ним поддержать авантюристский поход Димитрия Самозванца на Москву. Надо сказать, что предприятие Лжедмитрия — одно из самых документированных событий средневековья: Самозванец регулярно писал письма Мишике и Рангони, папскому нунцию в Варшаве, о действиях «царевича» докладывали иезуиты, находившиеся при Самозванце, подробные рапорты слал папе сам Рангони. Все это заботливо собиралось в Ватикане... Когда же во время второго похода в 1609 г. войска Сигизмунда III осадили Смоленск, то по воле нашего «короля-иезуита» было решено насаждать католичество на Востоке. Папа Павел V опрометчиво благословил это предприятие, а Сигизмунд III умолял Ватикан ускорить процесс канонизации Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов и покровителя похода на Москву.

Эта военная экспедиция и связанная с ней героическая оборона Троице-Сергиевой лавры навсегда вошли в национальное самосознание русских. Оборона лавры — это, можно сказать, русская «оборона Ченстоховы» с той лишь разницей, что мы, поляки, играем в ней неприятную роль «шведов»... Сегодня можно только удивляться, что русские националисты приравнивают Ватикан к НАТО, а поляки в этом надуманном зловещем спектакле оказываются в роли «адвокатов дьявола»... Как часто подчеркивают наши русские друзья: «Поляки такие маленькие, а с такой антирусской спесью вступили в это свое НАТО»...

Иоанн Павел II сделал действительно очень много для преодоления всех этих пагубных как для России, так и для Польши славянских национально-религиозных стереотипов. Однако в сегодняшней России его учение практически неизвестно — никто не замечает исполненных дружественности к православию «примирительных жестов» Папы, его памяти о христианских мучениках в СССР, его руки, протянутой России и Украине. Зато внимание заостряется на последних решениях Святейшего престола, принятых, скорее всего, под давлением нетерпеливых католических епископов, действующих на территории Российской Федерации.

Католические епархии в России

Нельзя не согласиться с тем, что римские католики, живущие в России, имеют такое же право на собственные канонические цер-

Ежи Помяновский ЦЕРКОВЬ В РОССИИ, ИЛИ ПРЕДЛОГИ И СТЕРЕОТИПЫ

Если бы Дума приняла резолюцию, направленную против деятельности католической Церкви в России, она совершила бы ошибку, опасную не столько для Церкви, сколько для российских государственных интересов. Как нам кажется, Россия Владимира Путина видит свой приоритет в том, чтобы войти в континентальные структуры, такие как Европейский союз. В связи с этим чрезвычайно важно наметить новый, прямой путь развития и цивилизационного (а не территориального, как было прежде) роста этого огромного государства, судьбы которого зависят прежде всего от прекращения конфронтации и начала сотрудничества с Западом.

До сих пор нам казалось, что Россией управляет не Церковь, а правительство, президент, парламент. Вынесенная на обсуждение Думы резолюция заставляет усомниться в этом. Во всей Европе нет такого государства, в котором одна из Церквей могла бы навязывать свою волю другим признанным законом конфессиям. И уж тем более нет стран, где государственная власть поддерживала бы такие поползновения. Даже в Турции, где абсолютное большинство населения исповедует ислам, никто не запрещает константинопольскому патриарху пользоваться его титулом и не видит ничего предосудительного в том, чтобы его духовная власть простиралась всюду, где живут православные.

Будут ли церковные округа называться епархиями или, как это было до сих пор, апостольскими администрациями — неважно: это не прибавит католической Церкви ни единого прихожанина, ввиду чего православные обвинения в прозелитизме звучат по меньшей мере странно.

Однако следует признать, что для полковника Алксниса (автора проекта резолюции) и ему подобных удобным предлогом может оказаться непонятная тенденция назначать на ключевые посты в российской католической иерархии преимущественно польских священнослужителей. Очевидно, что подобная кадровая политика лишь усиливает давно укоренившийся в России стереотип, согласно которому католическая Церковь — форпост пресловутого польского экспансионизма. Воскрешение и разжигание этих мифов несомненно вредит терпеливому и тяжелому труду католических священников в России. Более того, это внезапно и безо всяких видимых причин вовлекает в сложившуюся щекотливую ситуацию Польшу с ее интересами, которым этот спор наверняка не пойдет на пользу.

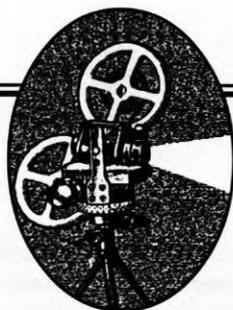
ковные структуры, как и местные православные. Тезис о закрытых для католиков «православных канонических территориях» не выдерживает критики и, вероятно, исчезнет сам собой в будущей плюралистической Большой Европе. Уже либеральный закон «О свободе совести и религиозных организациях», принятый в СССР при Горбачеве в октябре 1990 г., обеспечил религиозную свободу также и католикам латинского обряда, т.е. тем полякам, литовцам, украинцам и немцам, которые подвергались гонениям как в СССР, так и в Российской империи. Однако в настоящее время у нас есть то, что есть, — подписанный Ельциным 19 сентября 1997 г. очень плохой закон «О свободе совести и религиозных объединениях», обеспечивающий привилегированную правовую позицию в Российской Федерации «исконно российским» конфессиям (православию, исламу, буддизму и иудаизму).

Создание католических епархий испортило отношения России с Ватиканом, и можно только надеяться, что оно не вызовет очередного охлаждения на линии Москва — Варшава. Однако прежде всего оно значительно задержало, а может, даже сделало невозможным желанное паломничество Папы в Россию. Теперь едва ли можно рассчитывать на официальное приглашение Папы федеральными властями: ведь за непристойной антикатолической кампанией, развернутой в Москве, просматривается очередная союз алтаря и трона. Поэтому те, кто хотел укрепить позицию католической Церкви в России, пока невольно добились прямо противоположных результатов.

В заключение необходимо подчеркнуть, что несколько дней пребывания Иоанна Павла II в Москве, Петербурге, Новосибирске или Иркутске дали бы российским католикам значительно больше, чем успешное создание даже десяти епархий. Время создавать такие структуры неизбежно пришло бы после визита. Теперь же можно только опасаться, что католики в России могут и впредь оставаться людьми второй категории, окруженными враждебным псевдоправославным морем, как это было во времена Николая I. Очень жаль, что мы вместе должны учиться на столь крупных ошибках...

Но коль скоро епархии уже есть, ни православные, ни католики не должны ставить под сомнение их существование. В епархиях живут люди — епископы, священники и миряне. Надо продолжать строить нелегкое православно-католическое согласие именно на них.

Гжегож Пшибинда — филолог и историк общественной мысли, директор Института восточнославянской филологии Ягеллонского университета; тесно сотрудничает с Институтом Иоанна Павла II Люблинского католического университета и журналом «Этос»; член редколлегии «Пшиеглэнда русицистичного» и «Новой Польши», на страницах которой он, в частности, публикует цикл статей о доброжелательном отношении Иоанна Павла II к православию и России; недавно вышла его книга «Большая Европа. Папа, Украина и Россия» (Краков, «Знак», 2001).

Татьяна Вольтская

И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО...

В апреле в Санкт-Петербурге прошла неделя Анджея Вайды. Программа знаменитого польского театрального и кинорежиссера в Петербурге была столь насыщенной, что даже простое перечисление мероприятий — дело довольно утомительное: открытие выставки, встречи с творческой интеллигенцией, презентация книги, репетиции...

Что привело Анджея Вайду в Петербург? Всякому событию предшествует некий толчок — в данном случае это был проект, задуманный в музее Ф.М.Достоевского. Заместитель директора музея, автор проекта Вера Бирон говорит, что идея залучить Вайду в музей появилась шесть лет назад:

«Правда, тогда мы думали — вот, есть великий Анджей Вайда, и есть наш маленький петербургский музей, и кто мы такие, чтобы замахиваться на подобные дела? Наконец, два года назад мы написали Вайде, он нам ответил, дело завертелось, все оказалось осуществимо. Мы очень рады, что он привез свою выставку, которая останется у нас».

Фотовыставка Анджея Вайды и Кристины Захватович «Достоевский — театр совести» — это, в основном, сцены из спектаклей краковского Старого театра; несколько стендов посвящены фильму А.Вайды «Настасья», снятому в Японии (просмотр этого фильма в Доме актера предшествовал приезду режиссера). Кроме того, Вайда подарил музею Достоевского свой автопортрет.

Потом была встреча со Львом Додиныным и спектакль Малого Драматического театра «Чайка», потом — встреча со студентами Театральной Академии, потом — с режиссерами, актерами и критиками, потом в Союзе театральных деятелей представляли книгу Анджея Вайды «Достоевский — театр совести», выпущенную Архивом Вайды по заказу петербургского музея Ф.М.Достоевского¹. В этой книге — три инсценировки по произведениям Достоевского, поставленные в краковском Старом театре: «Бесы» (Альбер Камю, Анджей Вайда), «Настасья Филипповна» (Анджей Вайда, Мацей Карпинский) и «Преступление и наказание» (Анджей Вайда). Но, может быть, самое ценное — к инсценировкам приложены комментарии режиссера.

Потрясающий рассказ о том, как ставились «Бесы». О немых черных фигурах, появившихся на сцене после поездки Вайды в Японию, когда он увидел в кукольном театре Бурнаку служителей театра — Куроко, одетых в черное, то помогающих главному актеру, то управляющих куклами, не скрываясь от зрителей. О таинственном исчезновении актера, игравшего капитана Лебядкина: актер появился в последний день так же внезапно, как и исчез; о смерти одного из актеров в день премьеры. И, наконец, последние строки этого удивительного очерка:

¹ Следует отметить, что в создании книги участвовали многие постоянные сотрудники «Новой Польши». С польского ее перевел Никита Кузнецов, над версткой и художественным оформлением работал Дмитрий Шевионков-Кисмелов, а одним из редакторов (наряду с директором музея Достоевского Натальей Ашимбаевой) была Наталья Горбаневская. — *Ред.*

«В антракте возбужденный увиденным Конрад Свинарский спросил: „Как ты добился того, что во время игры у них в глазах стоял такой страх?“ „Просто, — ответил я, — все три месяца репетиций я втолковывал им, что они не имеют права играть Достоевского на сцене!“»

Не менее замечателен и рассказ о публичных репетициях и тайных ночных импровизациях «Настасья Филипповны».

«Я убежден, что театр, пребывающий сегодня в поисках новых форм, иных взаимоотношений между играющими и зрителями, должен задаться вопросом, что такое репетиции и не могут ли они стать независимым зрелищем. Может ли то, что стыдливо скрыто от глаз публики и что для нас, людей театра, составляет незабываемое, глубокое переживание, интересовать также и зрителей? Словом, я ощутил потребность убедиться, не важнее ли для меня сам процесс создания представления, чем окончательный результат».

Видимо, этот вопрос не перестал волновать Анджея Вайду и сейчас — во всяком случае, в музее Достоевского состоялось несколько открытых репетиций с актерами Белого театра. Может быть, это и было самым захватывающим событием во всем проекте.

Вот репетиция сцены из романа «Идиот» — той, где князь Мышкин засыпает ранним утром на скамейке в Павловском парке, и к нему — непонятно, во сне или наяву, — подходит Настасья Филипповна, затем исчезает, а потом появляется Аглая, которая смеется и будит князя.

На скамейке лежит большой деревянный крест, видимый одним действующим лицам и невидимый другим. Анджей Вайда думает вслух: «Настасья несколько раз повторяет, что она отдает князя Аглае. Она понимает, что князь не для нее. Его душа, его мир так далек от нее, рогожинской. Она не может сохранить князя для себя, даже если бы и хотела. Разум, сердце Настасьи говорят, что она не должна так поступать с князем. А Аглая считает, что сердце князя Мышкина принадлежит только ей. Нам надо найти способ, как бы все это показать».

Затем режиссер обращается к актрисе, играющей Аглаю: «Вы думаете, что если вы хватаете его за руку, то он сразу и просыпается? Нет. Так не должно быть. Как у Достоевского написано? Князь удивился, видя перед собой Аглаю».

Читается текст Достоевского, перебираются варианты. Глядя на актеров, трудно поверить, что человеческие лица способны выражать такую степень внимания и возбуждения одновременно. Анджей Вайда продолжает рассуждать:

«Нам не обязательно сразу найти решение, мы встретились, чтобы испробовать разные возможности. Мы должны посмотреть, какой нужен метод для того, чтобы поставить „Идиота“ Достоевского на сцене. Важно, чтобы путь приближения к Достоевскому не был ограничен идеями режиссера или актеров. Режиссер должен ставить вопросы, потому что он с этой стороны сцены. И одним из вопросов обязательно должен быть такой: так ли воспринимает зритель то, что мы делаем?»

И вот я спрашиваю: Настасья в этой сцене появляется как сон или как реальность? Это одна проблема. Вторая: пробуждение князя — это пробуждение ото сна? Эти вопросы приближают нас к тому, что написал Достоевский.

Зритель уже понял, что перед ним треугольник отношений. Хотя диалоги написаны для двоих, вся сцена разыгрывается тремя актерами.

Мы по ходу разбора сцены пришли к выводу, что одну и ту же руку спящего князя держит сначала Настасья, у которой нет в этой сцене ни одной реплики, а потом — Аглая.

Актеры предлагают свои варианты, слушают объяснения Вайды, опять предлагают, опять слушают. Вайда говорит о кресте:

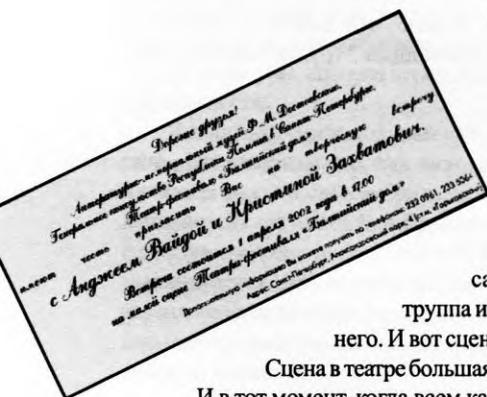
«Крест нам мешает. Мы его потому и вводим в спектакль, чтобы он нам постоянно мешал. Тогда крест и приобретает значение: в постановке присутствует еще одно действующее лицо. Крест здесь как бы ни при чем. Я с интересом смотрю, как вы, актеры, к нему приспособитесь. И то, что он мешает, это неплохо».

Вайда пытается объяснить актерам на примере из другого спектакля, по какому тонкому лезвию должны пройти:

«Был такой великий немецкий актер на рубеже XIX-XX веков — Александр Моисси, он играл Гамлета в Кракове. Очевидцы рассказывали, что вся труппа играла на польском языке, а Моисси — на немецком: спектакль был поставлен для него. И вот сцена с Офелией. Офелия стоит. Он говорит монолог, приближаясь к ней. Она стоит.

Сцена в театре большая, и он идет через всю сцену, читает монолог, подходя все ближе и ближе к Офелии.

И в тот момент, когда всем кажется, что он ее поцелует, Моисси в последнюю минуту останавливается. Эта

актерская сцена очень точно передавала суть роли. Если бы Офелия в этой сцене принимала активное участие, не было бы такого эффекта. Это замечательная театральная находка.

Так и с Мышкиным. У него есть другие сцены. А эта рассчитана прежде всего на Аглаю. Ей надо дать шанс. Аглая так много говорит, потому что ей надо скрыть от него все, что у нее на сердце. Князь говорит мало, потому что говорит правду».

Репетиции с актерами Белого театра длились несколько дней. Петербургским зрителям впервые представилась удивительная возможность — проникнуть в «кухню» знаменитого польского режиссера, присутствовать на таинстве рождения спектакля. Актеры, видимо, тоже никогда не забудут своей удачи — работать с Анджеем Вайдой, вместе с ним ощупью продвигаться к верному решению, вместе с ним ощущать радость находки. Но репетиции заключались не только в сценических поисках: те, кто присутствовал на них, услышали удивительные монологи Вайды, в которых он счел нужным приоткрыть свое глубинное, философское и религиозное понимание Достоевского. В частности, Анджей Вайда говорил о том, что идеальная инсценировка «Идиота» в театре невозможна и все-таки, чтобы решить эту невыполнимую задачу, нужно рассказать о болезни князя Мышкина:

«С первых же сцен мы чувствуем болезнь князя и чувствуем, как она приближается к приступу. Возбуждение растет до момента, когда князь падает на пол в последней сцене. Это может напоминать рассказ о пророке Магомете: с момента возникновения болезни до ее кульминации он как бы успевает пронестись через все миры. Чтобы показать это, нужны маленькие, короткие сцены, отрывочные диалоги. Я не знаю, как это можно поставить, но я хотел бы это увидеть. Режиссер в этом случае должен заняться образом болезни, в которой принимают участие все персонажи.

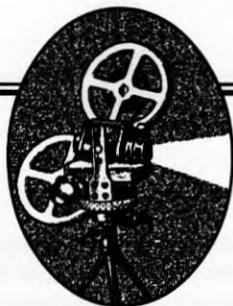
Я никогда не пытался приблизиться к идее, что роман — это психологический портрет Христа. Как это можно выразить? Из Евангелия мы узнаём, что Он изгнал торгующих из храма, — значит, был темпераментным. Не побоялся встретиться с распутной женщиной и публично с ней беседовать. Откуда берется такая идея? Я хотел бы поговорить с вами об этом: как показать зрителю, что мы имеем в виду? Достоевский наделил Мышкина болезнью, которой страдал сам, это болезнь гениальных людей.

Есть ли шанс показать характер столь чистого человека, как князь Мышкин? Мир, который его окружает, совершенно иной. По контрасту с другими персонажами можно сделать вывод, что князь — святой. Эту святость может подчеркнуть гениально найденное соотношение с действительностью. Святость проявляется в разговоре с женщиной, чистота — в удивлении миром. Здесь я просто излагаю все вопросы, которые у меня возникали».

Это, наверное, самое главное — *просто* излагать вопросы, которые возникают.

Кроме всего, что связано с театральной магией, пребывание Андрея Вайды в Петербурге имело и еще одно значение, о котором нельзя забывать. Рассказывая в своей книге «Достоевский — театр совести» о постановке «Преступления и наказания», он замечает по поводу идей Раскольникова о возможности убийства никому не нужной старушонки ради счастья человечества: «Как знакома мне такая аргументация! Начиная с гитлеровских лагерей смерти и кончая последними политическими убийствами. За всем этим стоит „разрешение на кровь“, если это нужно (даже не необходимо) для общечеловеческого прогресса!»

Встретившись с Анджеем Вайдой в музее Ф.М.Достоевского, я спросила у него, осознаёт ли он, что многие годы советского безвременья он был здесь, в России, символом свободы. И Вайда ответил, что знает об этом, а кульминацией своей славы в СССР считает момент, когда Андрей Тарковский выразил желание быть его помощником (чего ему, естественно, не позволили). Думаю, что важность приезда в Петербург человека, который при всех обстоятельствах был и остался свободным, трудно переоценить.

«НАДО ДЕЛАТЬ ТЕ ФИЛЬМЫ, КОТОРЫЕ НЕ СДЕЛАЕТ ЗА НАС НИКТО»

Беседа с Анджеем Вайдой

В Петербург приехал Анджей Вайда, знаменитый польский кинорежиссер, лауреат «Оскара». Вайда — прежде всего режиссер общественно значимого, исторического и даже политического кино, который пытается разобраться в прошлом и настоящем своего народа. Более того, пытается повлиять на его будущее.

Я часто бываю в Польше, и во время последней поездки мне довелось принять участие в беседе с великим польским художником и гражданином, чьи картины и театральные постановки сильно повлияли на сознание не только поляков, но и нас, россиян.

— В России есть множество поклонников вашего творчества, и многих интересует, о чем вы размышляете, что хотели бы снимать, ставить в театре, где у вас тоже имеется весьма плодотворный опыт работы?

— Вообще говоря, нынешняя ситуация для меня нелегка: после войны польское кино, то, что принято называть «польской школой», в огромной степени опиралось на польскую литературу. Причем не на старую, а на множество романов и рассказов, которые были написаны или во время войны, или сразу после нее. Все они касались войны, и это была наша тема. И наше кино никогда не достигло бы такого высокого интеллектуального и художественного уровня, если бы не наша литература.

Сегодня ситуация совершенно иная. Литература занялась сама собой. Многие женщины пишут о себе. Это, конечно, свидетельствует о том, что наступила свобода и писатели сами выбирают, что им близко. Но недостает литературы, которая передавала бы картину действительности.

Я снял пятичастный фильм «Мои записки по истории», где рассказываю, как вижу историю Польши, иллюстрируя это своими фильмами разных лет. Все начинается с легионов Домбровского в Италии после французской революции. Это мой фильм «Пепел». И заканчивается 1980-м: рабочий Лех Валенса большим карандашом, на котором изображен Папа Римский, подписывает соглашение с коммунистической властью («Человек из железа»).

Оказалось, что эти мои фильмы (свыше десятка) вписались в историю Польши. Я не сделал ни одного фильма о военном положении, об этапе перелома или о нынешнем времени.

Конечно, мне недостает сценаристов, с которыми я работал: их больше нет с нами. И это очень сложно для меня. Я остался один. Впрочем, в последние годы рядом со мной оказались прекрасные профессионалы: такой команды у меня еще никогда не бывало. Сегодня в нашей профессии остались только настоящие профессионалы. Однако, к сожалению, мне не хватает материала для того, чтобы снимать кино.

В течение последних двух с лишним лет, после «Пана Тадеуша», я работал как минимум над пятью темами. Но ни из одной не получился сценарий.

— Это были современные темы?

— Две — современные. В поисках современной темы я пришел к мысли, что стоит выяснить, чего ждет от меня зритель. Через Интернет. Узнать не то, что зрителю нравится вообще, а чего он ждет именно от меня. Это было вдвойне интересно.

Во-первых, потому, что обычно с Интернетом имеет дело молодежь, и мне хотелось узнать, воспринимает ли она меня еще как режиссера, рассчитывает ли она на меня. Во-вторых, я хотел узнать, какие темы они мне предложат. Мой вопрос в Интернете касался только современности. Я просил изложить сценарий на одной странице.

Пришло 700 ответов! Для Польши это невероятно много. Если бы я воспользовался почтой, не набралось бы и трети. Но следующее, что меня поразило, — все эти страницы были написаны со смыслом! Это были сюжеты, по которым люди предлагали снять режиссеру Вайде художественный фильм с началом, серединой и концом. И, что характерно, это ведь писала молодежь, которая читает американскую литературу, смотрит их кино, где всегда есть начало, середина и конец — в отличие от польской литературы и кино, где бывает по-разному.

И что еще интересно. Среди предлагаемых тем на первом месте был конфликт молодых с родителями, на втором — проблема трудоустройства, на третьем — отсутствие времени на что-либо другое, кроме работы.

Но меня поразило, что среди 700 работ вообще не было двух тем: политики и религии! И это при ситуации, когда по телевидению и вокруг — сплошь политика. Однако никто из авторов ответов не касался ее и не искал решения своих проблем в обращении к политикам. А ведь, казалось бы, людей в условиях свободы политика должна интересовать, люди должны стремиться в политику, чтобы влиять на процессы в обществе, в стране.

Удивительно и отсутствие темы религии. Это в Польше-то, где более 90% населения — католики! В этих сценариях никто не идет к священнику, никто не собирается исповедоваться, никому не нужен Бог. А ведь авторы этих сценариев — скорее всего, те молодые люди, на которых мы рассчитываем, которые умно, интеллигентно смотрят на мир, видят, что в нем происходит, однако они не ищут для себя места ни в политике, ни в религии.

Особенно интересны были две работы. Один молодой человек предложил мне снять такой фильм. Старый режиссер получил «Оскара» и не знает, что теперь снимать. Он очень переживает по этому поводу (*Вайда хочет*). Но он понимает, что единственный путь — это начать все сначала. Режиссер покупает видеокамеру, едет в Африку и там делает очень скромный, малоэффективный фильм о жизни бедных людей. Он пропадает несколько лет. И тут — самое смешное. По возвращении режиссер показывает фильм, и тот производит такое впечатление, будто его снял любитель! Это всем нравится! Режиссер получает второго «Оскара». И теперь он уже знает, как снимать фильмы, и ни о чем не беспокоится.

Я это рассказываю, потому что полученные мною 700 сценариев — это всё голоса умных людей. И я был этим глубоко тронут. Я попытаюсь сделать из этого фильм. И еще я давно хочу сделать фильм о Катыни, о смерти польских офицеров, потому что там погиб мой отец, кадровый офицер.

Но сложность здесь в том, что нет ни одного крупного литературного произведения о Катыни.

— *Это понятно — ведь еще недавно об этом нельзя было писать.*

— Нет. Ведь у нас было много писателей в эмиграции. Просто я думаю, что это самая сложная тема. И сейчас я предпринимаю усилия, чтобы родилось произведение — может быть, в виде рассказов, — по которому я мог бы снять этот фильм.

— *А может быть, при вашей славе, полужении, таланте в нынешние времена надо искать не внутри страны, а внутри себя?*

— Кино — это, мне кажется, фотография. А фотография — это действительность. То есть я должен сфотографировать какую-то действительность. И я предпочитаю фотографировать ту действительность, которую знаю, а не ту, о которой только догадываюсь.

Например, за рубежом мне удалось сделать только один фильм — «Дантон». Почему? Потому что о революции я знал больше, чем любой французский режиссер. Потому что я видел события, связанные с «Солидарностью», и знал, что это кончится катастрофой. Я знал, в чем тут дело, какое у революции лицо, как выглядят в ней люди, я знал, почему они не спят, небриты, почему у них одышка. Поэтому мне удалось снять фильм во Франции, по-французски, но введя польских актеров, которые навязали свой стиль. А иначе я для них просто турист, чужой — что такой человек может о них рассказать?

— *А почему о них?*

— Ну, например, в Голливуде никогда не снимут фильм на польскую тему — это никому не интересно. Суть в том, что эмигрировать — это значит стать «их» режиссером. И во Франции мне не дали бы сделать фильм про «Солидарность», потому что мало кому это интересно. А для меня делать фильм о жизни французов... Это надо было бы уезжать еще после первого моего фильма (*смеется*). Но это было бы слишком рано, потому что мне было интересно, что произойдет дальше. Вот почему у меня не было по этому поводу никаких комплексов. Я думаю, что надо делать те фильмы, которые не сделает за нас никто другой.

Я ожидал, что сегодня, после десятилетия свободы, современный фильм сделают мои младшие коллеги. А уж сам я смогу остановиться на «Пане Тадеуше». Парадокс, но этого не происходит, и я принимаюсь за современный фильм, потому что не вижу в Польше такого фильма, которым был бы доволен.

За границей я работал несколько раз, в том числе и в театре. Даже вывел на сцену Мерил Стрип, когда она была еще студенткой. Но работая в театре, я знаю, что потом использую этих актеров в кино, будет какое-то продолжение. Здесь, может быть, не роман, а любовь, брак. И это очень существенно. Поэтому я работаю в Польше.

Я бы, может, и хотел сделать такую битву, как это позволил себе Спилберг в «Рядовом Райане» (*смеется*). Но у нас это из-за денег нереально. Правда, я свою битву раньше сделал. И теперь думаю: может, он потому сделал такую битву, что я когда-то над этим поработал?... Впрочем, как и мои советские коллеги Чухрай, Бондарчук и др. Это наш вклад в мировое кино.

— *Что же принесла свобода?*

— Во время борьбы «Солидарности» ее лидеры были убеждены, что, когда наступит свобода, все будут счастливы и каждый возьмет что-то от этой свободы для себя. Например, я буду делать такие фильмы, как захочу, люди откроют магазины, фабрики, банки. Свобода! Свобода!

Но оказалось, что свобода — только для части людей, а часть остается в неволе. В неволе прошлого. Причем в двойной неволе. С одной стороны, потому что эти люди отвыкли от инициативы. Очень много оказалось таких, что просто живут на свете и не хотят, чтобы им давали инициативу. С другой стороны, многие люди были заняты в промышленности, в значительной степени работавшей на потенциальную войну. И когда война перестала быть актуальной, они оказались не нужны.

А парадокс в том, что рабочие именно этой отрасли промышленности, которая тогда была ведущей, составили актив профсоюза «Солидарность», который потребовал перемен в стране и привел к ним.

Вообще же, говоря о корнях польского свободолюбия, надо не забывать, что в польской деревне никогда не было коллективизации. Там сохранились индивидуальные хозяйства, и деревня была в определенном смысле местом, где сохранялась независимость.

И еще один очень важный момент — Церковь. Она в Польше никогда не была государственной. В итоге у партии была своя «церковь» — в Москве, а у Церкви своя — в Риме. Она получала инструкции оттуда. В таких условиях интеллигенция, художники тоже обрели у нас больше свободы, нежели в других соцстранах.

Лучшее тому подтверждение — то, что в Польше мог возникнуть такой фильм, как «Пепел и алмаз». Конечно, его возникновение могло быть и случайностью, но то, что он вышел на экран, — это уже не случайность. Это был 1958 год. А на экран фильм попал очень просто. Ежи Анджеевский пригласил 20-25 своих коллег-писателей посмотреть фильм по его роману. Все это были люди с «красными билетами» (члены ПОРП. — П.Я.), только у меня партбилета не было. Однако главным тут был не я, а Анджеевский. И писатели сказали: «Хороший фильм». И партия уже не могла сказать «плохой», если лучшие люди партии его одобрили.

— Это у вас была такая партия? Наша могла твердо высказаться, невзирая на творческие авторитеты.

— Да, это у нас тогда была такая «плохая» партия. Незадолго до этого ее возглавил Гомулка, и никто еще не знал, что будет. Позже бывали и другие времена. Вообще же, чтобы делать фильмы, нужно везение.

— Открыли ли вы что-нибудь новое в польском национальном характере за десятилетие преобразований?

— Хороший вопрос!... Как бы хорошо ответить?.. Не отвечу прямо — хороший ответ не сразу приходит в голову. Но вот что я скажу.

Мы, польские артисты, режиссеры, писатели, поэты, художники во время войны пять с лишним лет были под немецкой оккупацией. Потом была ситуация... какая была. И всегда считалось, что поляки не отвечают за то, что происходит, потому что не они создали эту ситуацию. Война, потом Ялтинская конференция, где все решалось без их участия.

И вот, крадет ли поляк, потому что немцы у него все забрали и ему надо как-то прожить, валяется ли поляк в канаве, потому что огорчен ялтинскими решениями, но польское общество оставалось вне подозрений. Потому что у поляков было прекрасное алиби.

Но вот уже десять с лишним лет алиби нет. И я думаю, что польская творческая интеллигенция могла бы уже сказать об этом обществе правду: что оно деморализовано и немецкой оккупацией, и послевоенным периодом. Эта деморализация сегодня очень осложняет нормализацию жизни.

И вот что еще плохо. Политики — каждый, кто хочет сделать в Польше карьеру, — спекулируют на бедных. Все защищают бедных — и правые, и левые, — чтобы собрать их голоса, а это огромное количество. И когда этот бедняк смотрит телевизор, он начинает думать, что раз все его так защищают, значит у него есть право валять дурака и даже воровать. Он чувствует себя оправданным. Все хотят ему помочь, но не могут. А он остается бедным, и вынужден помогать себе сам, как может. И если он работает плохо, все опять оправдано. Ведь вокруг, как говорят ему по телевизору, всё не так, как должно быть. Но это уже нечестная правда.

Наша истинная надежда в молодежи. В частности, в тех, кто прислал мне сценарии. В тех, кто хочет учиться. Сегодня возросло количество людей, стремящихся в вузы.

Надежда и в том, что молодежь хорошо работает. У нас есть предприятия, которые стоят на собственных ногах. Но есть огромные предприятия, которые непонятно кому принадлежат или находятся под чрезмерным влиянием профсоюза «Солидарность».

Я с грустью вспоминаю ту «Солидарность», в которой были замечательные люди, боровшиеся за свободу. Сейчас же «Солидарность» на предприятиях или, как я вижу, в театре, на телевидении — это то, что ведет к деградации всей среды.

Вообще мы переживаем болезненный процесс: как провести преобразования и при этом не уменьшить, а увеличить число рабочих мест... Если бы удалось сделать об этом фильм, это была бы по-настоящему большая и правдивая картина.

Беседу вел Петр Яблонский

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Похоже, что мы вступаем в период углубленных размышлений над состоянием новейшей польской прозы. В обширной работе «Окраины и центр: польская проза 1999-2000 гг.» («Кресы», ежеквартальный журнал, Люблин, 2001, №4) один из самых активных исследователей новейшей польской словесности Пшемислав Чаплинский, рассматривая художественную и документальную прозу (включая воспоминания и очерки), замечает:

«С середины 90-х все очевиднее становятся (...) два процесса: литература отступает на окраины общественной коммуникации, а центр этой коммуникации начинают определять стандарты и содержание массового взаимопонимания. (...) Разумеется, можно было бы настаивать на том, что место литературы — в центре духовной жизни, так, как это было (нам хочется в это верить) в романтической парадигме, самый существенный пункт которой определяло соответствие с ролью культуры как творца образов. Такое ностальгическое смущение за настоящее должно, однако, предваряться размышлением об условиях возврата к былому. Прежде всего следовало бы спросить, какие ценности: образцы общественного поведения, модели истории, общепринятые идеи — может сегодня предложить искусство и каким образом читатель способен преобразовать его в индивидуальную модель бытия. Вторых, следовало бы вспомнить, что великие повествования, т.е. те, что опираются на универсальные ценности (такие, как Бог, Истина, Добро, Красота, Человечность, Природа), в нашу эпоху не столько потерпели крах, сколько оказались присвоены идеологией и массовой культурой. Поэтому каждый, кто собирается писать «центральное» повествование, опирающееся на универсальные ценности и обеспечивающее себе признание (т.е. протекцию) в массовой коммуникации, должен осознать, что будет говорить в один голос с политиками, идеологами экономики или производителями массовой культуры. (...) Поэтому простое восстановление центральной позиции литературы, связанной с монолитным повествованием, в котором общество обретало свою истину, представляется сегодня невозможным. Не будет и возврата к романтической парадигме, ибо ее язык сегодня вполне успешно использует массовая парадигма. Однако если мы отождествляем себя с судьбой литературы и признаём, что ее маргинальность создали те же механизмы, которые и нас способны спихнуть на обочину, если сверх того мы признаём, что ее обочинность — признак уничтожения и впадения в одиночество близких нам ценностей, то мы, думаю, должны не столько требовать возврата к прежнему состоянию, сколько вопрошать литературу, сознаёт ли она свое положение и помогает ли нам тем самым понять наше собственное».

При этом Чаплинский обращает внимание на принципиально новую перспективу современного эстетического сознания: его «характеризует изменившийся подход к традициям: как художник, так и потребитель разделяют уверенность в том, что выхода за пределы традиций нет, а значит, и поиски такого выхода напрасны. В целом они соглашаются, что создавать произведение означает преобразовывать накопленное и что современное новаторство состоит не в создании нового, а в новой системе из старых элементов. Это не творчество *ex nihilo*, а наоборот — *ex libri*. Говоря еще иными словами: кто хочет, чтобы его читали, должен быть читабельным, а это требует, чтобы в литературном произведении общепринятое преобладало над новаторским, известное имело перевес над неизвестным, повторений было больше, чем откровений».

Признаюсь, что в принципе с этими словами я согласен и если вижу проблемы — а они реальны, о них свидетельствует резкое падение чтения книг, и не только в результате оскудения читательских кошельков, — то прежде всего в редукции «известного» в рамках школьной системы: гуманитарный горизонт современной школы резко сузился, что, кстати, было предметом весьма драматической дискуссии, проведенной в апреле этого года Польским ПЕН-Клубом и посвященной качеству учебников. Однако вне зависимости от этого не подлежит сомнению, что современная польская проза — и Чаплинский убедительно выводит это из анализа отдельных произведений — действительно в значительной

степени пользуется общепринятыми приемами, уже отлично известными читателю, если не из своего собственного чтения, то из кино- и телефильмов, поставленных по литературным образцам прошлого.

Заключая свои рассуждения, автор пишет:

«Проза 1999-2000 гг. мало что прибавила к накопленному в предыдущие годы. Однако ее ценность можно усмотреть во все более полном понимании роли литературы, состоящей в том, чтобы подвергать сомнению наличие главного текста — какой-то одной, якобы всеми установленной, а тем самым высшей, хотя и не репрессивной, версии истории. Основой польского «главного текста» кажется идеология «иной истории». Самые очевидные проявления этой идеологии — концепция «польского пути к капитализму», идея Центральной Европы (независимости и от Запада, и от России), а также программа соединения государства-Провидения с рыночной экономикой, примирения терпимости с религией, занимающей привилегированное положение, и высокой культуры с массовой. Несмотря на мнимое отличие, это по существу польские варианты «кончающейся истории». Не «законченной» и не идущей так, как в Западной Европе или США, но позволяющей себя упорядочить по проектам, соединяющим капитал с человеком, глобальное с локальным, интеграцию с автономией. Всем этим концепциям обща предпосылка нерелятивности польского решения и уверенность в монолитности нашего общества (у которого якобы нет своей маргинальности, т.е. «иного как худшего») и, наконец, в суммарном преобладании выгод над потерями в процессах, составляющих конец истории по-польски. Польский главный текст говорит, что «почти конец» лучше, чем «полный конец» и что состояние, создаваемое неполным окончанием истории, т.е. почти полное равенство шансов, почти капитализм, почти государство-Провидение, почти бесплатное обучение, — это все, чего можно чаять. В такой ситуации задача литературы состоит, собственно, в верифицировании как самой идеи главного текста (т.е. высшей идеи порядка), так и ее польского варианта. Такая верификация состоит в том, чтобы давать слово тем, чьи слова в рамках «почти полной» и «почти демократической» массовой коммуникации звучат глуше либо вообще не пробиваются. Такое выравнивание различий требует проникновения на окраины, т.е. поисков обочин, создаваемых главным текстом, и нового пересказа важнейших сюжетов, на этот раз воспринятых с точки зрения более слабого. Речь идет о том, чтобы мы не слишком быстро договорились о том, что «почти законченная история» — это и есть то, что было для нас самым главным».

Дополнением к этим рассуждениям может служить эссе Роберта Осташевского «Болеутоляющие и слабительные. О литературе как она есть» («Фа-арт», ежеквартальный журнал, Катовице, 2002, №1). Автор пишет:

«Стоит на минуту задуматься, почему литература такова, как она есть, или что же привело к тому, что она успешнее усыпляет, успокаивает читателей, чем побуждает, заставляет думать. Когда в 1989 г. демобилизованной литературе больше не было необходимости занимать первую линию фронта борьбы с гидрой ПНР, казалось, что наконец-то, получив все условия, она покажет, на что способна. Ожидали новой литературы в новой Польше, чаяли перелома. Ничего подобного не произошло, что теперь видно невооруженным глазом».

Истину литература заменила комплексом равновесных частных истин; вместо того чтобы говорить об Истории, она начала рассказывать историйки:

«Признаюсь, что «приватизацию литературы» я поначалу воспринимал как нечто необычайно ценное. Она была чем-то вроде противоядия от «заболевания историей», которым страдала наша литература, от ее заикливости на том, что происходит с ценностями с заглавной буквы. Но в последнее время я убедился, что «приватизация» зашла слишком далеко, привела к созданию единоличных окраин, между которыми уже не может быть никакого осмысленного общения, не говоря уже о споре или хотя бы дискуссии. Там, где существуют только частные истины и обособленные исторические пространства, не может произойти никакого побудительного столкновения мыслей. Тем более в ситуации, когда сомнительной считают самую возможность найти какие бы то ни было критерии оценки. (...) Нашей литературе не хватает познавательной алчности еще и потому, что она толком так и не прошла уроков модернизма. Модернизм как раз (...) вступал в схватку с миром, по крайней мере не поворачивался к нему спиной, как это часто происходит с современными писателями, которых зачисляют в последователи модернистских традиций. Об авангарде, который сокрушал современные ему познавательные или художественные схемы, выходил за их границы, я рассуждать не стану, так как авангард никогда не был у нас в почете. В польской литературе мы имели дело лишь с островным модернизмом. Океан романтизма разливался во все стороны (лишь недавно Мария Янион провозгласила закат романтической парадигмы в нашей культуре), и только в минуты отлива, обычно очень краткие, появля-

лись малые островки, на которых пытались устроиться модернисты. Однако из них так и не возник архипелаг, который можно было бы всерьез колонизовать».

Оценки Осташевского выглядят довольно верными, но он, пожалуй, чересчур абстрагируется от причин устойчивости этой романтической парадигмы. Вероятно, польская литература не была бы «больна историей», если бы эта история немного мягче обходилась с польской литературой, не говоря уж о самой Польше и поляках. Однако несомненно, что уже в середине 1980-х, если не раньше, начала ощущаться усталость литературы от обязанностей, наложенных на нее романтической парадигмой. Сегодня литература действительно «демобилизована». Поэтому становятся принципиальными вопросы Осташевского:

«Для чего нам нужна литература? Или несколько иначе: каким должно быть ее место в пространстве общественной коммуникации? (...) Ибо утверждать, что писатель — это фактически лишь ремесленник, который доставляет читателям сколько-то там часов развлечения чтением, равнозначно тому, чтобы поставить в один ряд, скажем, Милоша и различных дам, копирующих у нас сочинения Элен Филдинг. Смириться же с наделением литературы статусом хобби не отменит, даже временно, вопроса о смысле такой страсти».

Ответ Осташевского на поставленный таким образом вопрос вносит важную ноту в дискуссию, идущую ныне главным образом среди молодых критиков, ибо старшие как будто умолкли:

«Если литература хочет сохранить какое-то значение, ей следует в гораздо большей степени интересоваться крайностями действительности, искать нового, ломать схемы, отбрасывать и компрометировать общепринятые стереотипы, а не заниматься возражениями на них. Ее дело (вернусь к этой, может быть, не слишком удачной метафоре слабительного) — прочищать. Пока что такого рода словесность мы более явно встречаем в эссеистике, а не в беллетристике. (...) И вот что происходит: новейшая литература в большинстве случаев слабо захватывает читателя, ибо держит нас у себя дома, в месте, которое мы и без того отлично знаем».

Этот тезис — откровенный спор с представленной выше концепцией Чаплинского, согласно которой литература под угрозой потерять читателей должна обращаться к известным образцам и приемам, чтобы читатель в ее пределах не испытывал опасности. Осташевский считает по-другому:

«Литература сильнее затрагивает читателя не тогда, когда убаюкивает его изящной фразой, забавляет анекдотическими сюжетами или в сотый раз повторяет то, что всем давно известно, но тогда, когда побуждает и одновременно пытается удовлетворить жажду познания. Когда она в действительности, на первый взгляд отлично известной, открывает новые миры, позволяет прикоснуться к неведомому, показывает новые способы истолкования того, что происходит вокруг и внутри нас; когда обогащает наш язык новыми метафорами. Но на что нам все это, спросит кто-нибудь, если мир и так перегружен информацией, которую мы не в силах переварить? Да, это верно, литература не может состязаться с СМИ в том, кто первый сообщит новость. Однако литература действует иначе, нежели СМИ, позволяя глубже и полнее войти в действительность. Информация вспыхивает в медиа-пространстве, словно интенсивный, но кратковременный взрыв; после него не остается почти ничего, ибо надо освободить место на вспышку новой информационной взрывчатки. Литература — сфера медлительности, которой требует сама специфика чтения. Текст не «проглотить» как картинку. Литературные тексты могут давать сильный импульс, интеллектуально побуждать читателя, держать его мысль в движении, чтобы она не застыла в жестких схемах. Могут, и даже должны. Иначе они будут занимать только людей из т.н. отрасли культуры».

Ну что ж, одно явно не вызывает сомнений: оба текста молодых литературоведов объединяет общая оценка состояния новейшей польской литературы как кризисного. Этот кризис — факт несомненный. Литература словно отказалась от участия в общественных спорах о судьбе и специфике польского общества или, во всяком случае, играет в этих спорах маргинальную роль. Не удивительно, что и СМИ посвящают этой словесности мало места, что «культурные» еженедельники свели отделы литературы почти к символическому минимуму. Могут ли противостоять этому критические рецепты? Сомневаются. Программные выступления критиков редко приносят пользу самой литературе, хотя и такое случается. Литература будет такой, какой ее будут создавать писатели. На это рецепта не придумашь. А с другой стороны, можно и поинтересоваться: почему в Германии каждая новая книга Гюнтера Грасса пользуется успехом у читателей и критиков, на рынке и в СМИ? Может быть, немцы больше интересуются собой, чем поляки?

Александр Вирпша

КУЛЬТУРА И РЫНОК

Начиная с 1989 г. не совсем ясно, какую роль по отношению к культуре должно играть государство. В бурной дискуссии тех времен не было недостатка в голосах, призывавших ликвидировать министерство культуры. К счастью, радикальные решения не прошли, министерство сохранилось, однако время от времени оно пытается разработать новую модель деятельности, иную, чем известная нам с коммунистических времен, когда государство (то есть партия) содержало культуру, а взамен почти полностью определяло ее форму. Почти каждый новый министр культуры проводит «реформы», которые следующий немедленно меняет. Так обстоит дело и сейчас. Анджей Целинский начал с перемены названия: министерство культуры и национального наследия стало просто министерством культуры. Первые публичные высказывания министра указывали на то, что пришел очередной чиновник, слабо представляющий себе специфику той области жизни, которой ему придется заниматься.

Однако в начале апреля состоялась встреча с деятелями культуры, где Анджей Целинский представил свою программу, которая, как предупредил премьер-министр Лешек Миллер, еще не стала официальным правительственным документом и которая, похоже, не вызывает восторга в министерстве финансов. Основная идея его проекта — оздоровить управление финансовыми средствами, находящимися в распоряжении министерства, и принять меры, в том числе и путем изменения законодательства, позволяющие увеличить возможности финансирования культуры из других источников. Основные посылки плана Целинского — ввести гарантии ежегодного роста бюджета по крайней мере на 1% выше инфляции; предназначить на культуру часть доходов от азартных игр; дать всем возможность списывать 1% с налогов на культурную деятельность; наконец, до-

вести предназначенные на культуру бюджетные средства до 1% государственных доходов (сейчас эта цифра составляет около 0,3%, а норма в странах Евросоюза — как раз 1%). Надо честно признать, что эта программа — и далеко идущая, и содержательная, избегающая помпезных деклараций и концентрирующаяся на самом главном — на создании системы финансовой поддержки культурной деятельности.

Однако эти обещания были приняты сдержанно. Видный актер Ян Энглерт сказал: «Мы стали свидетелями попытки произвести изменения, но переменится ли что-либо — увидим. Опыт учит, что законодательные труды тянутся несколько лет, а в ходе их проекты меняются». Кшиштоф Занусси обратил внимание на то, что Целинский не придумал ничего нового: «Представленные проекты довольно очевидны, о чем свидетельствует тот факт, что они были подготовлены предыдущими министрами. (...) Я сожалею, что не было речи о философии культуры, о том, как разбег польской культуры был заторможен вместе с крушением романтической этики. Польша сегодня не оригинальна, а оригинальность всегда была нашим козырем. Мы движемся в сфере бухгалтерии». Но это та сфера, на которую министерство может иметь влияние, и ничего хорошего не вышло бы, если бы оно решало, какая этика должна одушевлять польскую культуру.

Среди шагов министра, предпринятых уже после встречи с деятелями культуры, заслуживает внимания ликвидация литературной группы при Институте Адама Мицкевича, что вызвало немедленные резкие протесты среди писателей. Открытое письмо Целинскому подписали, в частности, Вислава Шимборская, Чеслав Милош, Станислав Лем и Адам Загаевский: «Мы отдаем себе отчет в финансово-бюджетных реалиях, однако убеждены, что затра-

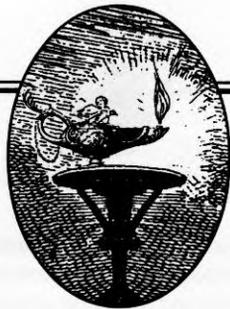

ты на восстановление группы через несколько лет, необходимого, если мы хотим оставаться в диалоге с соседями и Западом, превзойдут экономию от нынешней ликвидации». Группа, созданная для подготовки экспозиции польской литературы на Франкфуртской книжной ярмарке 2000 г., систематически расширяя свою программу, разработала отличные методы пропаганды книг польских писателей как на последовавших за Франкфуртской ярмаркой торговых мероприятиях, так и путем организации сети авторских встреч за границей, — ликвидация или хотя бы приостановка этой деятельности наверняка не окажет доброй услуги польской литературе.

Это еще не все, что вызывает опасения в деятельности министерства. Среди предусмотренных законодательных перемен обещаны поправки к закону о радиовещании и телевидении. Проект поправок уже разработан и отправлен в Сейм. Он сразу же вызвал резкие протесты, так как суть его — стремление ограничить свободу развития частных СМИ, а тем самым укрепление монополистических позиций государственного радио и телевидения. Главное ограничение в этом проекте — запрет фирме, издающей газеты или журнал, распространяющиеся по всей стране, владеть общепольским телевидением. Правда, ограничения касаются только вещания через наземные телепередатчики, но и это уже опасно направлено против свободы слова и СМИ. В этом контексте удивительны высказывания, явно призывающие к подобным ограничениям, как, например, слова представителя правящей коалиции Александра Малаховского из «Унии труда»: «Коммерческие СМИ ничего хорошего польской культуре не принесут (...). Чем больше их ограничивать, тем лучше». Логическим продолжением подобного рассуждения был бы, пожалуй,

призыв к полному запрету коммерческого телевидения. И верно подчеркнул Дональд Туск из оппозиционной «Гражданской платформы»: «Государственное телевидение — не только сегодня, ибо то же самое было с телевидением при власти правых, — это волость той власти, которая правит в данный момент. И телевидение, к сожалению, научилось служить власти больше, чем гражданам». В этих обстоятельствах заслуживает внимания мнение президента Александра Квасневского. «Впервые за время существования правительства Лешека Миллера, — пишет Элиза Ольчук в газете «Жечпосполита», — и даже за весь период сосуществования левых правительств с президентом Квасневским глава государства пообещал, что не подпишет правительственный законопроект, если тот попадет в президентский дворец в нынешнем виде».

Интересным комментарием к идущему ныне спору представляется письмо международного Комитета защиты свободы печати президенту Квасневскому и премьер-министру Миллеру, где в частности, говорится: «Новый закон направлен на усиление контроля государства над государственными СМИ, вместо того чтобы превращать их вещание в действительно независимое и служащее обществу, что соответствует стандартам самых развитых европейских демократических стран. (...) Развитые демократии сейчас склоняются к смягчению предписаний, запрещающих соединение в одних руках собственности на печать, телевидение и радио, ибо благодаря современным технологиям телесвязи на любом рынке может существовать множество самых разнообразных средств передачи информации. Это та область, которой должны заниматься органы, охраняющие соблюдение общего антимонопольного права, а не орган, контролирующей СМИ».

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* Премией Яна Карского в этом году награждены бургомистр городка Едвабне Кшиштоф Годлевский и раввин из Нью-Йорка Якоб Бейкер. Этой премией, согласно желанию ее учредителя, одного из самых отважных участников II Мировой войны, награждаются те, кто своим поведением и гражданским мужеством служил примером другим. Бургомистр Годлевский, вопреки позиции, занятой многими жителями городка, добился проведения мероприятий по увековечению памяти едвабненских евреев, замученных в 1941 году. Раввин Бейкер, чьи близкие погибли в подожженном овине, наперекор мнению многих нью-йоркских евреев, приехал в Польшу, чтобы принять участие в торжествах, и призывал к примирению евреев и поляков.

* В Международный день театра министр культуры Анджей Целинский объявил о предстоящей реформе театральной жизни, предложив ликвидировать большинство репертуарных театров. И хотя ни у кого нет сомнений в необходимости реформы, однако и выбранный момент, и сама форма высказывания оказались чрезвычайно неудачными. Тем более что репертуарные театры финансируются вовсе не министерством, а, как правило, органами местного самоуправления и от их решения будет зависеть дальнейшее существование этих театров.

* Союз актеров польской сцены только что избрал нового председателя. Им стал выдающийся актер Ольгерд Лукашевич, известный главным образом по циклу фильмов Казимежа Куца о Силезии («Соль черной земли», «Жемчужина в короне»), а также по известному фильму «Секс-миссия». Сразу после избрания новый председатель выразил надежду, что у министра культуры добрые намерения, — и это временно успокоило рассерженных актеров.

* В Международный день театра была также представлена довольно необычная книга — «Азбука для неграмотных и продвинутых» Тадеуша Нычека. В книге говорится о многих серьезных и несерьезных явлениях, связанных с деятельностью современного театра.

* Свое 75-летие отметил Дом артистов в Сколимове, одно из немногих учреждений такого типа в Европе. Предназначенный для старых и одиноких актеров, он был создан в 1927 г. и по сей день остается одним из самых эффективных подразделений поль-

ского театра. Многие выдающиеся актеры посвящали ему свое свободное время, а сейчас общественный комитет возглавляет Зофья Куц.

* Эта пьеса стала сенсацией задолго до того, как состоялась ее премьера. И даже прежде чем была написана. Театр в Легнице объявил, что готовит спектакль на основе биографии Лешека Миллера, тогда еще только председателя «Союза демократических левых сил», а ныне премьер-министра. Ожидался скандал. А что получилось? Вот что говорит об этом рецензия на спектакль «Гражданин М. — история»: «Ковалевскому и Гломбу (автору и режиссеру спектакля) удалось создать образ пээнэровского «Эвримена» — Любого, — одолжившего у Миллера лишь несколько фактов из биографии... Гениальной идеей было оторвать пьесу от исторических реалий». А режиссер Яцек Гломб сказал журналисту еженедельника «Политика»: «Идея поставить пьесу о живущем политике вовсе не нова. Театр довольно давно делает такие вещи. Разумеется, мы могли бы в очередной раз поставить «Макбета». Но я предпочитаю «Гражданина М.»».

* В Кракове прошел XXVII международный фестиваль «Краковские театральные реминисценции», старейший в стране фестиваль альтернативного театра. Марек Микос пишет о нем в «Газете wyborczej»: «Альтернативный театр — это поиски иных решений, обращение к темам, которые для традиционной сцены могут оказаться неудобными. То есть не только политика, а все бунтарское, выходящее за привычные рамки... Думаю, что театр, смело откликающийся на тревоги и страхи людей: на утрату ориентиров и веры в смысл активного протеста, — появится у нас в самое ближайшее время. Смысл существования такого театра подтверждается многочисленностью его зрителей».

* Однако пока что самый популярный спектакль театрального сезона, по крайней мере в Варшаве, — это, по-видимому, сказка Станислава Лесьмяна «Приключения Синдбада-морехода» (по «Тысяче и одной ночи»), поставленная Адамом и Ярославом Килианами. «Синдбад — это любой из нас, — говорит Ярослав Килиан. — Любой, кто мечтает о путешествии, кого так и тянет поскитаться по свету и заглянуть: что там — по ту сторону забора, за тем лесом, рекой, морем, по ту сторону зеркала».

* Владислав Пасиковский, один из самых популярных польских кинорежиссеров (к/ф «Псы»), дебютировал в театре. Варшавский «Театр повсехный» поставил пьесу Эдуарда Олби «Кто боится Вирджинии Вульф». «Вы как-то сказали, что делаете фильмы вовсе не затем, чтобы вложить в них ту или иную идею, — заметил журналист еженедельника «Жечпосполита». — А в театре вы тоже не стремитесь выполнить какую-то миссию?» Пасиковский ответил: «В театре — совершенно то же самое и даже более того. Текст написал Эдуард Олби, и если в нем и заложена некая идея, то это сделал он, а не я. Моя же работа — умело, честно и правдиво поставить его пьесу».

* Анджей Вайда закончил съемки «Мести» с Анджеем Северином, Янушем Гайосом и Романом Полянским в главных ролях. Режиссер заметил, что снимать фильм оказалось труднее, чем он ожидал. «Я не воздаю почестей Фредро. Почести Фредро может воздать зритель, когда увидит его пьесу, которую я в меру своих возможностей перенес на экран. Но я делаю этот фильм, потому что у меня есть свое определенное отношение к драме. Я воспринимаю «Месть» не как восхваление сарматского стиля жизни, но как горькую комедию характеров».

* «Приложение» — так называется новый фильм Кшиштофа Занусси. Учитывая чрезвычайно малый объем средств, которыми располагает ныне польская кинематография, режиссер сделал картину прежде всего из материалов, уже отснятых, но не вошедших в его предыдущий, получивший многие награды фильм «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем». В «Приложении» автор развил сюжетные линии, занимавшие в предыдущем фильме скорее второстепенное место, выдвинув на первый план сюжет о молодых людях, которым предстоит снова и снова делать в жизни выбор.

* Лучший писатель среди каменщиков и лучший каменщик среди писателей Ян Химильсбах стал героем нового фильма Станислава Мантужевского «Химильсбах — правда, выдумки, черные дыры». Этот документальный фильм с элементами вымысла автор называет биографией («по косвенным доказательствам»). Ян Химильсбах и сам играл во многих фильмах, считающихся ныне культовыми («Рейс», «Вознесенные»).

* «Облики любви в польском искусстве XIX — начала XX веков» — так называется выставка, открывшаяся в краковском Историческом музее. Выставлено более 150 картин, в том числе полотна Яцека Мальчевского, Яна Матейко и Владзимежа Тетмайера, предоставленные крупнейшими польскими музеями и частными коллекциями.

* В варшавском Институте промышленного дизайна открылась выставка «Дизайн 2001 года». На выставке представлено много интересных изделий польской промышленности, но немало и случайных вещей. Это дело обычное. Однако сегодняшняя проблема — нехватка денег на внедрение в производство даже самых лучших образцов.

* «Орел и три коронь» — так называется выставка, открывшаяся в варшавском Королевском замке. Ее подзаголовок: «Польско-шведское соседство на берегах Балтики (XVI-XVIII вв.)». Выставка напоминает о временах правления королей из династии Ваза, когда исторические судьбы народов обеих стран тесно и опасно сплелись. Но временные рамки выставки гораздо шире — она идет и вспять, к эпохе династии Ягеллонов, и вперед, к просвещенному двору Станислава Августа. На выставке много любопытных экспонатов, в том числе из шведских музеев, а на ее открытие в Варшаву ненадолго прибыла шведская королевская чета. Еще раз представился повод убедиться в том, сколь странными путями движется колесо истории. Хотя шведские войны в XVII веке привели Речь Посполитую почти к столетней разрухе и лишили ее многих ценных произведений искусства, парадокс состоит в том, что если бы они остались в Польше, то наверняка многие из них погибли бы в вихре пронесшихся здесь позднее войн и революций. Многие исторические предметы из прошлого Польши уцелели только потому, что когда-то их вывезли шведы...

* Катажина Козыра считается одной из крупнейших индивидуальностей современного польского искусства. Убедиться в этом имели возможность зрители ее последней художественной инсталляции — показанной в галерее «Захента» «Весны священной» по мотивам балета Стравинского в хореографии Вацлава Нижинского. «Когда в 1913 г., — пишет рецензентка газеты «Жечпосполита», — парижская публика впервые увидела балет Нижинского в исполнении «Русских балетов», то была шокирована «уродливостью» хореографии. Мало кто воспринял старый славянский ритуал как метафору своего времени. «Весна священная» в исполнении Катажины Козыры рассказывает и о нас, людях конца XX — начала XXI века».

* Польские музеи, экспонирующие старинное искусство, оказались перед серьезной проблемой. Прошло более десяти лет с момента смены государственного строя, а в Польше по-прежнему не существует закона о реприватизации. Между тем вопрос реприватизации касается и произведений искусства. За получением своей собственности выстраиваются очереди некогда ограбленных владельцев. И хотя многие вопросы, вероятно, можно было бы решить полюбовно, с учетом интересов

обеих сторон, пока что нет никаких форм их правового урегулирования. А ведь не все прежние владельцы склонны поступать подобно Рачинским или Чарторыским; последние учредили фонд, так чтобы их знаменитая коллекция в краковском музее навечно стала собственностью фонда, а председателем правления всегда был директор Национального музея в Варшаве. В уставе фонда записано, что музей и библиотека — учреждения культуры национального значения и их деятельность обеспечивается польским государством. Сходным образом поступила семья Рачинских, которым принадлежит колоссальное собрание из Рогалина под Познанью. Впрочем, неясный юридический статус имеют и собрания, принадлежавшие бывшим творческим объединениям — хотя бы переданное Национальному музею собрание довоенной «Захентъ».

* «Приключения Титуса, Ромика и А'Томика», выходящий более 50 лет комикс для юношества художника Генрика Хмелевского, — крупнейший успех польского издательского рынка... Автор заслужил ласковое прозвище «папуля Хмель», книжки попали в разряд почти культовых, а автор, отправляя своих героев в путешествия во времени и пространстве, сумел создать мир, настолько несерьезный, чтобы заинтересовать детей, но и настолько серьезный, чтобы завоевать доверие их родителей... Популярность героев комикса использовали кинематографисты, снявшие полнометражный кукольный фильм, посвященный приключениям симпатичной тройки сумасбродов. Впрочем, у Титуса, Ромика и А'Томика есть достойные предшественники в виде героев знаменитых французских комиксов об Астериксе и Обеликсе, которые тоже обрели популярность на киноэкране, покорилив не только детскую аудиторию.

* В списке бестселлеров Катажину Грохолоу постепенно оттесняют как коллеги по конкурсу на «польскую Бриджет Джонс», так и последняя книга Ольги Токарчук «Игра на многих барабанах», а честь мужской половины доблестно отстаивают лауреаты литературных премий — Павел Хюлле («Мерседес-Бенц», премия еженедельника «Политика») и Ежи Пильх («У Крепкого Ангела», премия «Нике»).

* Из новых книг обратим внимание на труды, посвященные двум поэтам и одному прозаику. О Гомбровиче пишет Агнешка Ставарская в книге «Гомбрович в довоенной Польше». «Именно такой книги и не хватало, — отмечает Марек Рапацкий в «Газете выборчей». — Ставарская описывает литературную среду, в которой вращался Гомбрович, а также те круги, в которые он не был допущен, хотя претендовал на это... [автор] меньше занимается самим Гомбровичем, сосредоточив свое внимание на среде, которая сформировала будущего писателя, на семье, школьных друзьях, первых шагах в литературе». В любопытной серии Нижнеси-

лезского издательства «Это и есть Польша» вышли две чрезвычайно интересные иллюстрированные монографии о поэтах. Збигнев Майхровский пишет о Тадеуше Ружевице («Ружевиц»), а Яцек Лукашевич избрал своим героем Збигнева Херберта («Херберт»). «Это не книга, а просто реликвия для поклонников поэзии автора «Господина Когито», — написал рецензент.

* Херберту была посвящена польско-украинская научная сессия во Львовском университете им. Ивана Франко — в родном городе поэта. Во Львове прошли также Дни Херберта, его стихи вышли в переводе на украинский, а на доме, где он жил, и костеле, где его крестили, были установлены мемориальные доски. Более полувека спустя великий поэт вернулся в свой родной город. «Херберт на Украине практически неизвестен, — сказал Виктор Дмитрук, преподаватель университета им. Ивана Франко. — В советские времена сверху было спущено распоряжение его не печатать... может быть, украинские читатели увидят в Херберте великого славянского писателя, пишущего по-польски, выдающегося польского автора, поэта мирового масштаба, но в первую очередь — коренного львовянина».

* Лауреатом Фестиваля актерской песни во Вроцлаве стала в этом году Ивона Лоранц из Польского театра в Бельско-Бяле. Она спела во Вроцлаве произведение Тома Уэйтса «Дно». Однако самым важным событием фестиваля стал прощальный концерт группы «Республика», названный «Комбинат», в постановке Войцеха Костельняка: спустя месяц после смерти своего лидера Гжегожа Чеховского знаменитая группа распрощалась с публикой. Публика встретила спектакль с энтузиазмом, давние поклонники группы стоя устроили ей овацию.

* В Варшаве в возрасте 75 лет скончался Шимон Кобылинский, замечательный график, карикатурист и фельетонист, друг человека и животных. В одном из ближайших номеров мы поместим его работы.

* Создатель театра «Пластическая сцена» при Люблинском католическом университете Лешек Мондзик предложил необычайную инсталляцию Гроба Господня в краковской крипте монахов-пиаров. «Центральную часть инсталляции, — пишет рецензентка, — представляет собой устремленная вверх дорога, усыпанная землей. На середине дороги Мондзик поместил тело Христа — расколотую пополам, выдолбленную изнутри деревянную фигуру. Из уже распадающегося мертвого тела струится поток красных цветов — по замыслу художника, символ жертвы и искупления». «Я показал драму человека, — говорит Мондзик, — которого оставил дух. Мы, люди верующие, надеемся, что жертва крови — это надежда на воскресение». В дни Пасхи, когда поляки во множестве приходят в костелы преклонить колени перед изображениями Гроба Господня, эти слова прозвучали особенно серьезно и патетически.

**Агнешка
Клавиновская**

РУССКИЕ ШКОЛЬНИКИ В ВОСТОРГЕ ОТ СЛУПСКА

По инициативе директора и учительницы русского языка 2-го общеобразовательного лицея в Слупск приехала группа молодежи из России. Путешествие заняло у них 36 часов, но все без исключения с сожалением покидают Польшу.

— Нам здесь очень нравится, — рассказали гости корреспонденту «Глоса Выбжежа». — Наше пребывание прекрасно организовано: посещение Тригорода [Гданьска, Гдыни и Сопота], замечательные концерты. Кроме того, мы встречаемся с нашими хозяевами — молодежью, нашими ровесниками. Впереди у нас еще экскурсия по Варшаве, которой мы ждем не дождемся после всех развлечений, которыми нас тут встретили.

Ребята приехали в Слупск в рамках обмена. Они из старейшего русского города, насчитывающего 1140 лет, — Новгорода Великого, расположенного в 180 км от Петербурга. Гостят в домах учеников лицея. Весной этого года запланирован ответный визит, в который войдет, в частности, посещение Москвы, Новгорода и Петербурга. Все это под руководством учительницы русского языка, которая под конец этого удачного визита стала строить планы постоянного сотрудничества.

— Мы все от этого выигрываем, — объясняет Кристина Вальнер. — Наша молодежь сталкивается с самым настоящим русским языком, получает возможность познакомиться с культурой и обычаями этого народа. В обратную сторону работает точь-в-точь тот же механизм. Притом это самый дешевый способ взаимного познания.

Школьники из 2-го лицея учатся русскому языку два часа в неделю. Для них возможность общения с ровесниками, которые говорят только по-русски, — прекрасный способ закрепить и повторить пройденный в школе материал.

— Правда, это совсем другое дело, — сказал нам один из лицеистов. — Здесь у нас есть шанс попрактиковаться в разговорном языке, которого мы в школе не проходим. И, кроме того, контакт с молодежью твоего возраста не сравнить с уроком, который дает учитель, пусть даже самый лучший. Мы друг другом интересуемся, хотим узнать друг друга, а значит, хотим и говорить по-русски.

Молодые новгородцы посетили также городскую ратушу. По старинному зданию их водил заместитель мэра.

— Думаю, что этот визит носил не только ознакомительный характер, — сказал Анджей Газицкий. — Такой визит смягчает нравы, создает взаимную симпатию, позволяет знакомиться на дружеской, но многонациональной основе. Меня радует, что после многолетнего перерыва мы снова пришли к обмену молодежью с Востоком. Думаю, это станет хорошим опытом для всех. Гости расспрашивали меня о нашей системе образования, о культуре. Что интересно — у них уже ввели систему профилированного обучения, над которой мы еще только работаем.

Потом был прощальный вечер — после этого гости поедут в Варшаву. А посетив столицу — вернутся домой, чтобы в марте следующего года принять в своих домах слупчан, с которыми они уже успели подружиться.

«Глос Выбжежа», 13 декабря 2000

WYDANIE DLA ZIEMI SŁUPSKIEJ
GŁOS WYBRZEŻA

Катажина К. Гардзина

НЕОБЫЧНЫЙ «ОНЕГИН»

Новейшей премьеры в варшавском Большом театре — Национальной опере с нетерпением ожидали не только меломаны. Этот интерес вызвала команда, которой была поручена постановка оперы Чайковского. Кино- и театральные режиссер Мариуш Трелинский, сценограф Борис Кудличка и хореограф Эмиль Весоловский уже известны как реформаторы оперной сцены, захватывающие публику оригинальными, необычными представлениями. Им удалось достичь успеха не только в Польше: их постановка «Мадам Баттерфляй» Пуччини в прошлом году была перенесена на сцену Вашингтонской оперы, которую возглавляет Пласидо Доминго. Вашингтонскую премьеру с восторгом приняли и публика, и критика, а сам Доминго назвал спектакль Трелинского самой прекрасной постановкой этой оперы из всех, какие ему довелось видеть. Благодаря этому перед Мариушем Трелинским открылись перспективы сотрудничества с самыми знаменитыми оперными театрами мира. Ричард Бойнинг и Пласидо Доминго предложили ему поставить новую «Пиковую даму» в Берлинской опере. Одновременно уже начались переговоры о том, чтобы перенести варшавскую постановку «Евгения Онегина» на сцену московского Большого театра. На счету Трелинского и Кудлички — также отличный «Король Роже» Шимановского и спорная постановка «Отелло» Верди, где все декорации и костюмы — черно-белые. Теперь, включив в свою команду модельера Иоанну Климас (костюмы) и режиссера по свету Фелицу Росс, они сразились с оперой Чайковского, где, помимо либретто, основанного на бессмертном романе в стихах Пушкина, увидели второе дно — рассказ об изгнании из рая, об утраченной невинности, об упадке пустого, внутренне выжженного человека.

Впервые на сцене варшавского Большого театра опера Чайковского шла 4 мая 1899 г. — по-итальянски (!). Впрочем, в этом нет ничего удивительного: в те времена никто не слышал о спектаклях на языке оригинала, а в главных ролях в Варшаве выступали итальянцы. Правда, первой польской

Татьяной была Саломея Крушельницкая, но остальные главные партии исполняли Маттиа Баттистини (Онегин), Джузеппе Русситано (Ленский), Тильде Каротини (Ольга), а дирижировал Витторио Подести. Стоит отметить, что в спектакле 30 мая того же года в балетной сцене «Евгения Онегина» выступили звезды Мариинского театра Матильда Кшесинская, Альфред Бекефф и Георгий Кякшт.

Следующие постановки оперы состоялись уже после II Мировой войны — в 1949, 1950 и 1967 гг. (последняя дважды возобновлялась — в 1968 и 1972 гг.). Теперь, после почти 20-летнего перерыва, «Евгений Онегин» вернулся на варшавскую сцену, притом в исключительно любопытной, новаторской постановке.

О своем подходе к постановке любой оперы Трелинский говорит: «Произведение, конечно, диктует свою стилистику, но оно должно быть воспринято и поставлено здесь и сейчас. В шутку скажу, что того, кто рассчитывает увидеть на сцене самовар, я на спектакль не приглашаю. Наши [польские] представления о русском духе, здесь весьма глубоко преобразованы».

Режиссер отдает приоритет субъективному взгляду на сюжет романа и оперы. Однако это не только его взгляд. В отдельных сценах постановщик показывает мир таким, как его видит тот или иной герой. В первом акте, во время арии «Я люблю вас, Ольга», Ленский танцует перед Ольгой, сидящей в шезлонге, а вокруг нее — резко-желтые цветы. На столе стоит желтый граммофон, в глубине — зеленая стенка березовой рощи. Все вместе создает скорее тургеневский образ. Сцена письма Татьяны разыгрывается на пустой темной сцене — только белый свет очерчивает прямоугольник комнаты, и замкнутая в ней Татьяна одиноко переживает первые порывы сердца.

Она одинока, но не одна. И в сцене письма, и во время всего спектакля мы видим на сцене еще одно лицо, которого нет ни у Чайковского, ни у Пушкина. Трелинский загадочно назвал его О***. «Это нечто среднее между рассказчиком, поэтом и, мо-

жет быть, попросту стариком Онегиным, человеком, который знает этот сюжет и рассказывает его еще раз (...). С течением времени мы видим все наши ошибки, весь свет и тени молодости. Поэзия дает нам возможность вернуться обратно, вступить в тот же мир еще раз и испробовать наш путь. Вопрос в том, что мы ничего не можем изменить», — говорит режиссер. Это молчащее, одетое в белый сюртук действующее лицо играет актер Ян Пешек. Опираясь на тросточку, он ходит между оркестровой ямой и зрительным залом по специально сконструированным подмосткам. Он наблюдает происходящее, иногда принимает в нем участие, иногда кажется, что он-то и управляет судьбами героев, как это происходит на балу у Лариных, когда он надевает Татьяне и Ленскому повязки на глаза и втягивает их в танец, сам скрываясь под маской волка... Бал второго акта показан Трелинским так, как могла бы его видеть отвергнутая Онегиным Татьяна. Все ей кажется жутким (как во сне Татьяны в романе), окружающие ее гости одеты в маски, другие напоминают зверей. Всё купается в ужасающем зеленом свете и кружится вихрем вокруг затевающих ссору Ленского и Онегина.

Успокоение наступает в сцене поединка. Арию «Куда, куда вы удалились» Ленский поет на фоне серого леса с несколькими белыми березами. Когда поэт падает убитым, лес белеет, а стволы деревьев темнеют, и на этом фоне рисуется силуэт Онегина. Несмотря на кратковременные минуты успокоения, в основном на сцене царят резкие цвета. В третьем акте это достигает апогея, хотя петербургский салон окрашен только в три цвета: белый, черный и красный. Тут можно наблюдать характерную для Бориса Кудлички увлеченность современными технологиями. Пол, поставленный под углом, подсвечен, сквозь его красные квадратики вверх бьют лучи света. Начинается полонез, а с ним и показ моды, на который косо поглядывают усталые гости. Это символ пустого блеска, которому поддался Онегин. На этом фоне Татьяна в розовом платье выглядит чуть ли не как Одри Хепберн в «Моей прекрасной леди».

Не стоит и пытаться описать все визуальные и интеллектуальные впечатления, которые оставляет спектакль. Он так сильно действует на воображение, что каждый может совершенно по-разному воспринять его усложненную символику. Чтобы выработать свое мнение, нужно увидеть спектакль. В этой постановке одна идея догоняет другую, образы меняются, как в калейдоскопе. Один из самых любопытных мотивов — символ яблока, отсылающий к мифу об изгнании из рая. Спектакль начинается с того, что О*** поднимает яблоко, затем много раз повторяется мотив рассыпанных яблок и яблони с плодами. Тут есть о чем думать, спорить, над чем поразмыслить.

При всем восторге, который испытываешь перед визуально-режиссерской стороной постановки, грешно было бы не подчеркнуть и высокий уровень музыкального исполнения. Музыкальной подготовкой спектакля руководил художественный директор театра Яцек Каспшак (он же и дирижировал). Партитура, сыгранная в несколько замедленных темпах (например, в сцене письма Татьяны), гармонирует с концепцией постановки. Оркестр театра вновь показал, что играет на мировом уровне. Удалось также собрать замечательный состав исполнителей. Прекрасные голоса молодых талантливых певцов приносят огромное удовлетворение. В партии Онегина выступили два польских певца, которые в последнее время делают карьеру за границей: Мариуш Кветень и Мартин Брониковский. Татьяну пела Екатерина Соловьева, выпускница Петербургской консерватории, ныне совершенствующаяся в Академии молодых певцов при Мариинском театре. В прошлом году певица получила третью премию на Конкурсе им. Станислава Монюшко в Варшаве, а теперь ослепила публику прекрасным голосом, совершенной актерской игрой, очарованием и красотой. В партии Ленского выступил солист театра Адам Здуниковский, Гремина пели Рафал Сивек, тоже лауреат Монюшковского конкурса, и высоко ценный бас Ромуальд Тесарович.

МАСТЕР САТИРИЧЕСКОГО ШТРИХА ШИМОН КОБЫЛИНСКИЙ (1927-2002)

Умер Шимон Кобылинский — человек, чьи рисунки смешили и заставляли задумываться несколько поколений поляков. Каждому, кто до 1990 г. хоть раз держал в руках журнал «Политика», наверняка запомнился маленький прямоугольник на обложке с рисунком внутри. Некоторые даже утверждают, что в худшие годы ПНР этот прямоугольник был окном, через которое можно было заглянуть в лучшую, более логичную действительность.

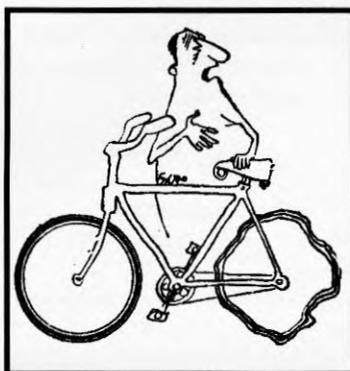
Времена, в которые жил и работал Шимон Кобылинский, были, по его собственному выражению, «тяжелыми, но интересными». Видимо этот факт отразился и на его специфическом чувстве юмора, оперирующем тонкими намеками и метафорами, в которых трудно уловить грань между абсурдом и правдой. Его любимый герой, «человечек», ставший постоянным элементом, а со временем и интегральной частью обложки «Политики», сопровождал читателей еженедельника начиная с первого номера, вышедшего в 1957 г., и кончая серединой 1990 г. Помещенный невдалеке от программного лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — он говорил на заведомо ином языке, нежели автор лозунга. Как правило, «человечек» изображал аппаратчика, уверенного в том, что действительность не права, поскольку прав он. Однако временами это был простой обитатель пээнэровской действительности, который в принципе уже не должен был ничему удивляться и все же удивлялся, искал логику там, где ее нет, пытался собственными силами решить неразрешимые проблемы. Этот печальный «человечек», наглядно показывавший аномалии социалистической действительности, неизменно побуждал к мышлению, при этом смеша до слез.

Кобылинский был очень современным графиком, в совершенстве владевшим искусством сокращенного изложения: сложную общественно-политическую ситуацию он мог представить с помощью нескольких простых штрихов и краткой, остроумной подписи. Особенно любил он некоторые атрибуты и символы — рули, указатели, мишени. Однако в изображаемом им мире эти предметы утрачивали свои привычные свойства и приобретали другие, порой самые неожиданные: руль управлял рулевым, указатели вводили в заблуждение, а мишень обманывала стрелка.

Помимо рисунков, — а это были не только карикатуры, но и разнообразные проекты, иллюстрации, графические фантазии — Кобылинскому принадлежат десятки книг (он писал и прекрасно иллюстрировал книги на исторические темы), сценографические работы, мультфильмы. Совсем скоро в варшавском Музее карикатуры откроется новая ретроспективная выставка творчества этого замечательного и неповторимого Художника. Тем, кто придет на нее, представится еще одна возможность увидеть забавные и глубокие рисунки Шимона Кобылинского, глядя на которые трудно поверить, что их автора с нами уже нет.

— Делай как я!

— Врач говорил, что у меня одно колесо кривое, а я говорю, что у меня оно колесо прямое!

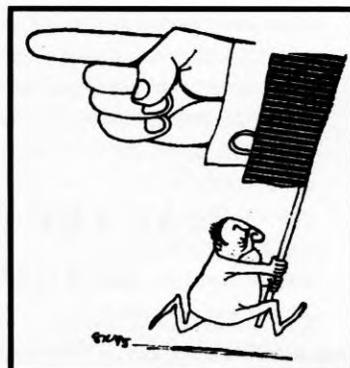
— Я могу удалять пятна с помощью краски, обоев, грунта, а в крайнем случае могу удалять всю стену!..

Не знаю чего, но очень боюсь!

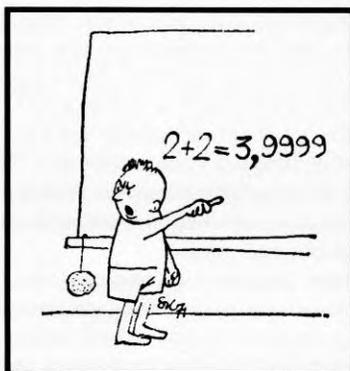
ПОПЫСКИ ЭСАФЕТА

Без слов

Без слов

— Не так сразу!

Лето руля в этом и на Вашу сторону?

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Здравствуйте, друзья из редакции «Новой Польши»!

Пишет Вам студентка II-ого курса факультета социальной работы Изабелла Марченко. Меня интересует социальная тематика (начиная с частных внутрисемейных, межличностных отношений и заканчивая такими глобальными проблемами как миграция и переселение). Все эти проблемы носят как межэтнический, так и международный характер.

С журналом я знакома с 2000 года. Я регулярно читаю его. Вашему журналу удастся осветить широкий спектр проблем как на политические, так и на культурные темы. Хорошо прослеживаются современные литературные тенденции. И те, и другие публикации я читаю с большим интересом.

Так получилось, что теперь мы живем в городе Новочеркасске, который находится достаточно далеко от крупных научно-культурных центров.

Журнал «Новая Польша» – это источник информации с другим взглядом, где по-новому освещены те или иные темы, вопросы, проблемы. Он помогает смотреть на вещи в новом ракурсе, а следовательно – объективно. «Новая Польша» поможет развитию толерантности.

*С уважением
всегда помнящая Вас Изабелла Марченко
20.03.2002 г.*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

А.Новак о геополитике

Р.Яроцкий о Петре Слонимском

Л.Колаковский: 4 маленьких трактата

Г.Пшебинда о Михаиле Хайфеце

Я.Гослицкий о Станиславе Бжозовском

К.Бурнетко: Газетный киоск

Л.Бальцерович о будущем Европы

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р.Пшибыльский об И.Бродском и А.Ахматовой

Я.Стшалка беседует с Анджеем Вайдой

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши люди: Яцек Возняковский

Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, П.Слонимский, З.Рыбчинский,
А.Холланд, В.Скальмовский, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Шимбсрской, Бялошевского и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой,

Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DWUTYTYŚCIOLNIK ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%